

А 2181
85.
Священникъ Иоаннъ Васильевъ.

ОБОЗРѢНІЕ
ЯЗЫЧЕСКИХЪ ОБРЯДОВЪ, СУЕВѢРІЙ

И

ВѢРОВАНІЙ ВОТЯКОВЪ

Казанской и Вятской губерній.

КАЗАНЬ.

Типо-литографія Императорскаго Университета

1906.

А 237
85.

Священникъ Іоаннъ Васильевъ.

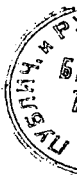
ОБОЗРѢНІЕ
ЯЗЫЧЕСКИХЪ ОБРЯДОВЪ, СУЕВѢРІЙ
И
ВѢРОВАНІЙ ВОТЯКОВЪ
Казанской и Вятской губерній.

КАЗАНЬ.

—литографія Императорскаго Университета.

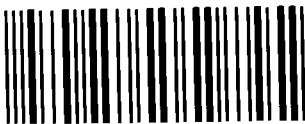
1906.

Печатано по опредѣленію Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Секретарь *К. Харламовичъ.*

Отдѣльный оттискъ изъ XXII и XXIII томовъ, «Извѣстій Общества Арх., Истор. и Этн.».

2007096148

Предисловіе.

О вотякахъ въ литературѣ много уже сказано, но о вѣрованіяхъ вотяковъ доселѣ часто писалось довольно поверхностно, безъ углубленія въ смыслъ ихъ и съ грубыми ошибками. Такимъ образомъ не легко получить вполне точное и ясное понятіе о вотякахъ и ихъ религіозномъ міровоззрѣніи. Такъ на примѣръ: *буддым ин-ву* признается богомъ дождя. Ин-ву собственно значить небесная вода. Эту небесную воду въ правѣ низводитъ съ неба единственно одни шаманы (усто туно) для прореканія достойнаго кандидата въ жрецы, или при опредѣленіи ихъ на должность жреца (о чемъ ниже). Изъ этого видно, что нѣтъ основанія переводить слово *ин-ву* богъ дождя. по смыслу ин-ву есть даръ пророчества, необходимый при дѣйствіяхъ шамановъ, богъ и покровитель каждаго рода. Этотъ даръ пророчества, дается родовымъ богомъ шаману по благоволенію къ роду. Въ виду вышеизложеннаго мы, предпринимая настоящей трудъ, имѣли цѣлью выяснитъ темное въ сочиненіяхъ и статьяхъ по этнографіи вотяковъ, исправить ошибочное и дополнитъ сказанное остающимися въ неизвѣстности обрядами и вѣрованіями этого народа, изложивъ все въ болѣе строгой системѣ. Изученіе обрядовъ, суевѣрій и вѣрованій вотяковъ намъ представляется весьма необходимымъ въ особенности для духовенства въ вотскихъ приходдахъ, въ интересахъ укрѣпленія христіанства и успѣховъ въ ихъ противозыческой полемикѣ.

1. Религія вотяковъ.

Религія вотяковъ не только некрещенныхъ, но и крещенныхъ состоитъ въ языческомъ вѣрованіи и поклоненіи силамъ природы. По ихъ вѣрованію существуетъ множество боговъ, для умилостивленія которыхъ они приносятъ въ жертву разныхъ животныхъ, птицъ и даже рыбъ. Жертвы богамъ приносятся иныя по обычаю, а иныя по указанію главнаго руководителя ихъ въ религиозномъ дѣлѣ, такъ называемаго *усто-туню* — «ворожца», а иныя по собственному обѣщанію. Обѣщанія эти дѣлаются по разнымъ обстоятельствамъ, какъ то: по причинѣ неурожая, бездѣтства, болѣзней, падежа скота и вообще разныхъ недуговъ и несчастій. Жертвы эти приносятся или отдѣльнымъ какимъ либо семействомъ, или цѣлымъ обществомъ какого либо селенія или же, наконецъ, обществомъ нѣсколькихъ селеній. По мѣсту своего совершенія моленія и жертвы могутъ быть на полюсѣ, на гумнѣ, въ подпольѣ, во дворѣ, въ шалашѣ, на рѣчкѣ, въ стаѣ ¹⁾ и въ комнатѣ. Обшія же моленія совершаются на полѣ, въ особенныхъ мольбищахъ. Мольбища эти бывають на трехъ поляхъ и кромѣ того еще бываетъ такъ называемый *лудъ* (кереметь). Мольбища состоятъ изъ густого лѣса и находятся гдѣ нибудь около рѣчки, потому что при жертвоприношеніяхъ для варева требуется много воды. Если же не бываетъ въ полѣ рѣчки, тогда воду возять въ кадкахъ. Лѣсъ всѣхъ мольбищъ считается навсегда неприкосновеннымъ и огораживается прясломъ, какъ чтимое и святое мѣсто. Моленія бывають на поляхъ: осенью на озимомъ, весною — на яровомъ, лѣтомъ опять на озимомъ, предъ Ильинымъ днемъ и предъ сѣнокосомъ въ лудѣ или керемети. Моленія вообще состоятъ: а) изъ подготовительныхъ дѣйствій, б) изъ освященія жертвеннаго животнаго, в) изъ закланія животнаго г) изъ варенія его, д) изъ моленія, е) изъ поклоненія, ж) изъ куренія жертвы з) яденія и раздаянія частицъ. Куреніемъ называется сжиганіе части жертвы приносящимъ

¹⁾ Такъ называется скотный дворъ.

лицемъ,—это въ частныхъ случаяхъ; въ общихъ же моленіяхъ, совершаются на мольбищахъ, дѣйствующими лицами бываютъ особы, избираемыя по метанію жребія, а именно: а) жрецъ-*вэсясь*, б) предсѣдатель *торе* в) куритель-*тылассь*, г) закладатель-*парчассь*, д) прислужники-*кодокъ*, е) котельщикъ-*нуртты нуддысь*. Время общаго моленія рѣшается на сходкѣ; ко времени моленія назначается особый денежный сборъ съ души, на собранныя деньги покупаютъ потребныхъ жертвенныхъ животныхъ, потомъ назначаютъ съ каждаго дома, сообразуясь съ количествомъ душъ, другіе сборы, какъ то: крупы, соли и. т. п. Затѣмъ являются на мѣсто моленія жрецы; къ вечеру собирается народъ—мужчины, женщины, дѣвки и парни, всѣ въ праздничной одеждѣ и наканунѣ омывшись въ банѣ.

Моленія вотяковъ вообще можно подраздѣлить на слѣдующіе разряды: а) моленія общественныя постоянныя, б) моленія общественныя случайныя в) моленія семейныя постоянныя г) моленія семейныя случайныя, д) моленія постоянныя родовыя, е) моленія случайныя родовыя, и ж) моленія бабь-вотячекъ.

Божествами у вотяковъ являются: а) *воршудъ* или *вож-шуд-мудоръ*, богъ счастья, б) *инюу*, небесная вода, в) *му кылчиль*, ангель земли, г) *кылчиль Пимаръ*, Богъ, д) *пудо пери*, нечистая сила, наказывающая домашнихъ животныхъ, е) *музъйем мумы*, мать земли, ж) *шудды мумы*, мать солнца, з) *гудыри мумы*, мать грома, и) *луд асаба*, вѣждь-начальникъ луда, кереметь, к) *кылмѣс-мертвые*, л) *лу выль пери*, надводная нечистая сила, м) *нынал мыдор*,—молодой богъ и) *тэл выль булыкъ пери*, воздушная кочащая нечистая сила, о) *тужы чача мумы*, мать оспы, п) *сыд пери*, черная нечистая сила, р) *ювыл пери*, наджитная нечистая сила, с) *кыль дэй асаба*,—начальникъ болѣзни, (тифа) т) *мынзись ветлзись пери*,—ходящая нечистая сила, у) *корки кузѣ*,—домовой, ф) *вукузѣ*,—водяной, х) *луд-пери*, кереметная нечистая сила, ц) *ин вожо*, комета, метеоръ, солнце, падающая звѣзда, огненный змѣй. *Воршудъ инюу* олицетворяется вотяками въ видѣ русскаго человѣка, луд асаба.—въ видѣ татарина въ тебетейкѣ. Послѣдній есть самый злой богъ. *Ин вожо* летаетъ по рѣчкамъ, свирѣпый, строгій, особенно, когда ему дается полная власть управлять міромъ, именно въ теченіе двухъ лѣтнихъ жаркихъ мѣсяцевъ. Тогда нельзя переѣзжать на тѣлегъ черезъ воду, если у телѣги на колесахъ есть шины; равнымъ образомъ нельзя желѣзной лопаткой, или деревянной лопаткой касаться воды особенно ключевой, не позволяется тогда также казать солнцу снѣгъ. Въ тѣ дни въ обѣдъ, т. е. въ 12 часовъ дня, строго запрещается шумѣть, кричать, работать и купаться, иначе ин вожо накажетъ градомъ, или убьетъ громомъ или дождь не соразмѣрный пошлетъ. Такимъ образомъ боги у вотяковъ являются въ разныхъ видахъ и съ разными свойствами.

2. Понятіе о Богѣ.

Какое вообще понятіе о Богѣ у вотяковъ, это видно изъ слѣдующихъ разказовъ, которые мнѣ доводилось слышать въ бытность мою учителемъ

въ вотскомъ селѣ. Однажды я спросилъ у вотяка: «можно ли видѣть Бога?» Онъ мнѣ отвѣтилъ, что достойные люди видятъ Его въ предназначеніи будущихъ благъ, ибо только одинъ чортъ видится человѣку предъ какимъ нибудь несчастіемъ. Моя мать, говорилъ онъ, видѣла (въ керемети) татарина, который говорилъ ей, что у нихъ дѣвки моются изъ 7 коромыслъ, т. е. 14 ведеръ воды, и далъ ей знать, чтобы и вотячки мылись почише; на нес онъ возложилъ обязанность объявить о семъ всѣмъ деревенскимъ жителямъ». «Значитъ, добавилъ разказчикъ, Богъ чистоту любить». Кромѣ того мнѣ доводилось слышать отъ многихъ вотяковъ, что какъ въ лудѣ, такъ и въ другихъ мольбищахъ, дорога, по которой ходитъ Богъ, бываетъ гладкая.

Иногда вотяки видятъ Бога въ видѣ бѣлки или медвѣдя и вообще звѣрей, да иногда и людей. Къ Штурминскому (русскому) крестьянину, однажды, когда онъ пахалъ сабаномъ (плугомъ), пришли три человѣка и сказали ему, чтобы онъ имъ не пахалъ. Почему? спросилъ мужикъ. Они отвѣтили, что урожая не будетъ, градомъ выбьетъ хлѣба, и велѣли, чтобы послѣдній объявилъ объ этомъ своимъ односельчанамъ. Штурминскій мужикъ, повинуясь приказаніямъ таинственныхъ-прорицателей вотяковъ отправился домой, собралъ сходку и объявилъ всѣмъ бывшимъ на сходкѣ, чтобы они не пахали сабаномъ, объяснивъ, что ему приказано дать знать людямъ въ видѣніи трехъ лицъ о неумѣстномъ употребленіи плуга. Но получившіе о семъ вѣсть на сходкѣ не послушались его и сказали ему: «кто можетъ такъ говорить, развѣ во снѣ приснилось тебѣ». А онъ объявилъ имъ, что, если они не послушаютъ его, потерпятъ наказаніе, потому что одинъ изъ трехъ сказалъ ему: «если вы не оставите сабаны, градомъ выбью хлѣба». Объявивши о семъ своимъ односельчанамъ, онъ опять пошелъ на мѣсто пашни. Тѣ три лица оказались опять тутъ же, они спросили его: «ну, что сказали тебѣ?» Онъ отвѣтилъ, что не слушаются его, не вѣрятъ—«развѣ во снѣ приснилось», говорятъ. На это одинъ изъ нихъ отвѣтилъ: «ну ладно, пусть не слушаются, а ты самъ то хотя паши сохой съ двумя сошниками, а не сабаномъ». Такъ и сдѣлалъ онъ, а всѣ остальные пахали сабаномъ. Тѣ три лица послѣ того тутъ же стали невидимыми. Годъ былъ урожайный. Когда поспѣла рожь, все градомъ выбило, только у того мужика рожь осталась невредимою.

Подшиваловскій вотякъ когда то пахалъ; къ нему пришелъ нищій съ двумя собаками и сказалъ: «нѣтъ ли у тебя, сынокъ, моимъ собакамъ хлѣба?»—«Есть», отвѣтилъ ему вотякъ и далъ хлѣба, но собаки не стали ѣсть. Нищій вынулъ изъ своего кошельа бѣлаго хлѣба (булку), и отдалъ собакамъ, собаки стали ѣсть. Тогда нищій сказалъ: «твоя лошадь долго не проживетъ, падетъ. У тебя, сказывается, есть тетка (старшая сестра)» (при этомъ онъ указалъ, гдѣ она живетъ и перечислилъ всѣхъ его родственниковъ), «тетка твоя несчастна тѣмъ, что скотина у нея не заводится, хотя дѣти и живутъ». Послѣ этого онъ (нищій) вслѣлъ ему (вотяку) оглянуться назадъ, и сталъ невидимъ.

А вотъ еще искаженный разказъ, въ которомъ можно видѣть искаженную исторію изъ жизни святого Петра мытаря.

Одинъ купецъ жилъ весьма богато. Къ нему ходило много нищихъ, но онъ ничего не подавалъ имъ, ни хлѣба, ни денегъ. Нищіе стали жаловаться Богу. Богъ на это отвѣтилъ имъ, что онъ самъ придетъ къ купцу въ видѣ нищаго. Послѣ того Богъ пришелъ къ нему нищимъ просить подаянія. Когда онъ входилъ, жена того купца какъ разъ несла въ комнату коровай хлѣба. Увидавши нищаго, она разсердилась и прямо бросила въ него короваемъ. Богъ, взявши коровай хлѣба, отправился къ нищимъ и сказалъ имъ, что ему подали, при чемъ показалъ имъ коровай хлѣба, полученный отъ купчихи. На это нищіе сказали: «какъ же они ничего никогда не подавали намъ». На другой день и тѣ нищіе общались сходить къ тому купцу, говоря: «авось и намъ чтонибудь дастъ». Ночью Богъ женѣ купца, которая бросила въ Бога короваемъ хлѣба, сталъ представлять во снѣ, что у нея грѣхи немного тяжелѣе коровай хлѣба, и ихъ стало бы еще меньше, если бы она еще подала нищимъ. Утромъ на другой день, когда купчиха проснулась, она сказала мужу: «Охъ, если бы мы стали подавать нищимъ, тогда бы уменьшились мои грѣхи, и стали бы легче коровай хлѣба, ну, съ этого времени всегда уже буду подавать нищимъ». Купчиха усѣлась у окна, слѣдя глазами, не придутъ ли нищіе, и когда нищіе, которые общались Богу сходить къ купцу, пришли, она сама вышла на улицу и подала всѣмъ по короваю хлѣба. Съ тѣхъ поръ купчиха дѣйствительно, какъ сама хотѣла, всегда подавала нищимъ.

Вотъ еще разсказъ, въ которомъ тоже видно библейское вліяніе на религіозныя возрѣніе вотяковъ.—Иисусъ Христосъ, Инмар, и ангелъ однажды ходили по землѣ и увидали у рѣчки надъ мостомъ дѣвушку, которая хоронила незаконнаго ребенка. Богъ сказалъ той дѣвушкѣ: «Богъ помощь!» Затѣмъ увидали нищаго, но когда проходили мимо него, богъ ничего не сказалъ, потомъ І. Христосъ и ангелъ спросили у бога, почему онъ сказалъ дѣвушкѣ: «Богъ помощь?» Богъ сказалъ: «она срамитъ воду;» потомъ спросили: «почему нищему ничего не сказалъ?» Богъ отвѣтилъ на это имъ: «подите, посмотрите, сколько у него подъ полой денегъ». Когда посмотрѣли у нищаго оказался цѣлый мѣшокъ денегъ.

3. Космогоническія возрѣнія.

Космогоническія понятія вотяковъ вообще скудныя.

а) Радуга по вотяцки называется ву-юисъ, что значитъ пьющей воду, ибо она пьетъ, вбираетъ въ себя воду. Концы радуги бываютъ, по мнѣнію, вотяковъ на рѣкахъ, на моряхъ; на концахъ радуги, гдѣ она пьетъ воду, находятся, будто бы, золотыя вещи, а именно: золотая ложка, золотой ковшъ, золотая чаша и золотая колотушка. Если кто захочетъ сходить туда, обязательно должно тому человѣку быть въ праздничной одеждѣ, предварительно омывшись въ банѣ. Того человѣка, который дерзнетъ туда сходить не въ чистомъ одѣяніи, радуга ударитъ колотушкой и тутъ же убьетъ. А того человѣка, который придетъ въ приличномъ одѣяніи и чистотѣ, пред-

варительно омывшись въ банѣ, спросить: «зачѣмъ пришелъ и если на это отвѣтитъ: «за золотымъ ковшикомъ, за золотой ложкой, за золотой чашей», она дастъ ему упомянутыя золотыя вещи.

б) Какъ представляютъ вотяки мѣсяць, видно изъ слѣдующаго разсказа. Одна круглая сиротка-дѣвушка, не имѣя отца и матери, принуждена была жить вмѣстѣ съ братьями и снохами въ крайнемъ притѣсненіи. Однажды она вся въ слезахъ пошла на рѣчку за водой съ коромысломъ и двумя ведрами и здѣсь на рѣчкѣ, выйдя изъ терпѣнія вслѣдствіе притѣсненія братьевъ и снохъ, сказала Богу: «Господи, чѣмъ мнѣ въ такомъ притѣсненіи жить и мучиться, лучше бы ты поднялъ меня на небо». Послѣ такихъ словъ ея съ неба со звономъ, съ бряцаніемъ спущена была цѣпь, верхній конецъ которой придерживался невидимой силой. Послѣ этого услышанъ былъ голосъ съ неба: «держишься за эту цѣпь!» Она ухватилась за цѣпь и такимъ образомъ вознесена была на небо вмѣстѣ съ коромысломъ и двумя ведрами; еѣ то и видно на лунѣ съ коромысломъ и двумя ведрами (предполагается, что она была черемиска).

в) Какъ представляютъ вотяки солнце, видно изъ слѣдующаго разсказа. У одной причетницы умеръ мужъ, у нея былъ сынъ. Пошли они отыскивать себѣ мѣсто, хотя бы въ прислуги, и когда дошли до хорошаго сада, то въ немъ увидели хорошее перышко. Сынъ говоритъ: «возьму перышко», но мать ему не велитъ брать. Онъ однако взялъ перо и когда пошли дальше, мать стала заставлять сына бросить перышко. На это сынъ сказалъ матери, что оно очень красиво, жалко бросить, и не бросилъ. Мать сказала: «имѣя это перо, мы должны будемъ идти до конца края земли». Однако сынъ не согласился и не бросилъ перышка. Въ концѣ концовъ дошли они до царя, и мать стала проситься къ царю въ стряпухи. Царь принялъ ихъ. У царя было 7 семь конюховъ, которые кормили 7 царскихъ лошадей. Мать поступила къ царю въ кухарки, а сыну царь велѣлъ кормить маленькую, самую худую клячу, жеребца, хвостъ котораго былъ замаранъ каломъ. онъ корму давалъ жеребцу очень мало, но лошадь наѣдалась досыта при этомъ, когда она ѣла, мальчикъ гладилъ ее перышкомъ по спинѣ. Впослѣдствіи лошадь сдѣлалась очень жирною. Однажды царь, когда мальчикъ кормилъ лошадь, велѣлъ слѣдить за нимъ своимъ работникамъ, случамъ, какъ онъ кормитъ, и они увидели, что онъ гладилъ лошадь перышкомъ во время кормленія ся. Послѣ того царь призвалъ мальчика и спросилъ: «чѣмъ ты кормишь лошадь?» Онъ сказалъ и при этомъ показалъ перышко, которымъ онъ гладилъ лошадь по спинѣ во время кормленія. Когда царь увидалъ перышко, велѣлъ найти ему птицу, отъ которой найдено было перышко. Мальчикъ по совѣту матери велѣлъ царю купить 5 пуд. шелку, канатъ въ 15 пуд., цѣпь въ 25 пуд., и когда все было готово, онъ на своей лошади отправился къ тому саду, гдѣ найдено было перышко. Предъ отъѣздомъ царь выдалъ ему опынительнаго свойства пищу: эту то пищу поставилъ онъ въ садъ, а самъ отошелъ подальше. Въ отсутствіи мальчика птица наѣлась пищи, опьянѣла и стала недвижима. Пользуясь этимъ случаемъ, онъ связалъ ее веревками и цѣпью и положилъ ее на телѣгу. До-

рогой мальчикъ ѣхалъ, птица встрепенулась и всѣ веревки порвались, опять встрепенулась,—осталась только въ три ряда цѣпь. Довезъ ее до царя. Царь спросилъ: «привезъ-ли?» Онъ отвѣтилъ: «привезъ», и сдалъ царю. Птица потребовала, чтобы привели хозяина ее. Государь по просьбѣ мальчика опять купилъ 15 пуд. шолку, 25 пуд. канату, въ 25 пуд. цѣпь и далъ опьяняющаго корму. Доѣхавши до того же сада, мальчикъ поставилъ кормъ, а самъ отошелъ подальше. Хозяинъ птицы, наѣвшись, опьянѣлъ; тогда мальчикъ связалъ его веревками и цѣпью и повезъ къ царю. Дорогой онъ встрепенулся и порвалъ всѣ веревки, осталась только цѣпь въ нѣсколько рядовъ. Довезъ до царя. Царь спросилъ. «привезъ ли?» Онъ отвѣтилъ: «привезъ», и доставилъ царю. Хозяинъ птицы потребовалъ, чтобы ему привели кобылу съ 7 жеребятами, кобыла эта донда 7 ведеръ молока. Все это дѣлалось по наученію матери мальчика, она была знахарка. Тогда лошадь мальчика, сказала ему: «когда ты отойдешь отъ кобылы, я буду ржать, на мое ржаніе придетъ кобыла съ жеребятами, ты тогда ихъ поймашь»... Такъ и случилось. Мальчикъ поймалъ и связалъ лошадь съ жеребятами и представилъ царю. Хозяинъ птицы сказалъ, что у него на днѣ моря золотая шкатулка, и велѣлъ эту шкатулку представить ему. Тогда лошадь мальчикова сказала ему: «Я спущусь на дно моря и когда буду выходить обратно, въ знаменіе тебѣ появится на морѣ звѣзда, если же не появится, значитъ я погибла». Такъ и сдѣлалось: предъ самымъ выходомъ изъ моря лошади, на морѣ появилась звѣзда и лошадь вынесла шкатулку. Мальчикъ былъ въ восторгѣ. Представились къ царю; царь спросилъ ихъ: «ну, что, привезъ ли шкатулку?» Мальчикъ отвѣтилъ: «привезъ», и отдалъ царю. Потомъ мальчику задано было рѣшить задачу: почему не видно было солнца 3 года 3 мѣсяца 3 дня и 3 часа. Мальчикъ по наставленію матери отправился въ путь, по небольшой дорожкѣ. Такимъ образомъ мальчикъ дошелъ до мѣднаго дома; въ томъ мѣдномъ домѣ сидѣла дѣвушка и пряла мѣднымъ веретенномъ и мѣдной прялкой. Эта дѣвушка была сестра солнца. Мальчикъ спросилъ ее: «дома ли у тебя твой старый отецъ?» Она сказала ему: «поди скорѣе запечку.—тамъ она закрыла его до шеи земли. Тогда солнце пришло въ тотъ домъ и спросило у сестры: «почему у тебя здѣсь человѣкомъ пахнетъ?» Она сказала: «никто не бывалъ, кажется». Дѣвушка стала угощать брата и сказала ему: «любезный братъ, если я что спрошу у тебя, скажешь ли ты мнѣ?» Отчего не сказать!»—«Почему ты, спросила дѣвушка, невидимъ былъ 3 года 3 мѣсяца 3 дня и 3 часа?». Тогда солнце, ничего не говоря, живо вышло изъ дома. Мальчикъ спросилъ: «сказало ли солнце что?»—Нѣтъ», сказала дѣвушка, «иоди ты теперь въ серебряный домъ, оно туда придетъ?». Мальчикъ такъ и сдѣлалъ, вошелъ въ серебряный домъ. Тутъ сидѣла дѣвушка съ серебрянымъ веретенномъ и серебряной прялкой. Мальчикъ спросилъ: «скоро ли придетъ старый твой братъ?» «Скоро придетъ», сказала дѣвушка и также спрятала его и сказала: «слушай, что будетъ говорить». Солнце, когда пришло, спросило у дѣвушки: «почему у тебя человѣкомъ пахнетъ?» Она сказала: «кажется, никто не бывалъ». Дѣвушка стала угощать солнце

и спросила его: «любезный братъ! Скажешь ли, что я тебя спрошу?»— «Отчего не сказать». «Почему», спросила дѣвушка, «не видать было тебя 3 года 3 мѣсяца 3 дня и 3 часа?»— «Почему ты это спрашиваешь, спросила бы чтонибудь другое»,—сказало солнце и живо ушло. Мальчикъ спросилъ: «сказало ли что солнце?» Дѣвушка отвѣтила. «нѣтъ, ноги ты въ золотой домъ, туда придетъ солнце». Мальчикъ пошелъ въ 3-й домъ золотой. Тутъ сидѣла дѣвушка и прядла золотымъ веретенемъ на золотой прядкѣ. «Дома ли старый братъ твой» спросилъ мальчикъ у дѣвушки. «Скоро придетъ, сказала дѣвушка и спрятала его за печку, въ землю до шеи. Солнце, придя, спросило у дѣвушки: «почему у тебя человѣкомъ пахнетъ?»— «Никто, кажется, не бывалъ», отвѣтила дѣвушка и стала угощать брата. Между прочимъ она спросила: «любезный братъ! если я что спрошу у тебя, скажешь ли ты мнѣ?»— «Почему не сказать?»—сказало солнце.— «Почему тебя не было видно 3 года 3 мѣс. 3 дня и 3 часа?»— «Зачѣмъ ты объ этомъ спрашиваешь?» спросило солнце у дѣвушки.— «Хочу знать», отвѣтила дѣвушка. «Когда я переходилъ», сказалo солнце, «черезъ море, встрѣтился съ парнемъ, который плавалъ на морѣ въ золотой лодкѣ съ золотымъ весломъ, онъ меня ударилъ, и я упалъ на дно моря, гдѣ лѣчился 3 года 3 мѣсяца 3 недѣли 3 дня и 3 часа». Солнце скоро ушло. Мальчикъ спросилъ дѣвушку, какъ сказало солнце. Дѣвушка отвѣтила. Пришедши домой, мальчикъ представился царю. Царь спросилъ: «ну, что узналъ ли?»— «Узналъ», сказалъ мальчикъ и объяснилъ ему, отчего не было солнца 3 года 3 мѣсяца 3 недѣли 3 дня и 3 часа. Послѣ того хозяика птицы, дѣвица вскипятила 7 ведеръ молока, окунулась и сдѣлалась красавицею, потомъ приказала царю въ немъ же окунуться, чтобы сдѣлаться красавцемъ. Царь не вытерпѣлъ, обжегся, и померъ, тогда дѣвушка вышла замужъ за мальчика, обвинчались и мальчикъ сдѣлался царемъ. Изъ этого можно заключить, что у солнца есть сестры, а названіе божества *шуды мумы*, что значить мать солнца, даетъ понять, что у солнца есть мать.

г) Звѣзда по вотяцки называется *кизили*.— Появленіе новыхъ звѣздъ означаетъ рожденіе человѣка, падающія же означаютъ кончину и смерть человѣка.

д) Млечный путь называется *кыр дядзег сюрес*, дорога дикихъ гусей.

е) Небо. Подъ небомъ разумѣются облака. Вотяки говорятъ, что облака прежде были ниже, чуть повыше крыши дома. У одной женщины были дѣти; эта женщина однажды положила замаранныя пеленки сушить между облаками, вслѣдствие чего богъ, говоря, что его сдѣлали сушиломъ замаранныхъ пеленокъ, поднялся выше.

ж) Пѣтухъ. Про пѣтуховъ говорятъ, что они очень чутки и что наши пѣтухи поютъ не раньше подземныхъ пѣтуховъ. Они слышатъ, какъ поютъ подземные пѣтухи и, подражая имъ, начинаютъ пѣть. Вотяки говорятъ, что пѣтуховъ боятся вѣдьмы и нечистыя силы, посему послѣ пѣнія пѣтуховъ безъ всякаго страха смѣло можно выходить на улицу. Въ полночь (*Уи шоръ дырѣя*) страшатся,—говорятъ, что богъ всѣхъ бѣсовъ отпускаетъ въ

то время на волю и не препятствуетъ имъ дѣлать что угодно. У счастливыхъ людей пѣтухи несутся; изъ яйца пѣтуха, если парить человѣку подъ мышкой, выйдетъ змѣй, онъ будетъ жить при домѣ, будетъ таскать деньги изъ чужихъ сундуковъ и обогащать того человѣка.

з) Кукушка, говорятъ, кукуетъ: *каріан карт, каріан тыл*. Это значитъ—милый огонь, милый мужъ. Кукушка образовалась изъ желудка бѣдной несчастной дѣвушки. По кукованію ея можно узнать, кому сколько лѣтъ жить, если считать кукованіе ея весною при первой встрѣчѣ. Если доведется слышать кукованіе въ первый разъ съ задней стороны, это къ несчастію, а кукованіе съ передней стороны предвѣщаетъ счастье.

и) Волкъ образовался изъ русскаго человѣка. Когда то была русская свадьба. Колдунья, чѣмъ то изобиженная, разсердилась на свадебнанихъ и превратила ихъ въ волковъ. Какъ хищные волки нападаютъ на скотъ, такъ и русскіе притѣсняють вотяковъ.

і) Медвѣдь. Женщина-вотячка блинами подтирала себѣ задъ и клала на облако, когда оно было низко. Богъ наказалъ ея тѣмъ, что превратилъ дѣтей ея въ медвѣдя, въ лѣшака и т. п.

к) Рожь изобрѣтена въ первый разъ собакой, потому человѣкъ обязанъ ежегодно по 12 пуд. хлѣба давать собакамъ въ пищу.

л) Горохъ, приобрѣтенъ голубемъ, потому:

м) Голубъ уважается у вотяковъ; голубей они не бьютъ, любятъ, чтобы голуби жили около ихъ двора; это предвѣщаетъ будущіе счастливые дни.

н) Оводъ. Одинъ человѣкъ, часто отпускалъ лошадь на волю, и каждый разъ съ трудомъ находилъ ее. Однажды онъ, выйдя изъ терпѣнія, сказалъ богу: «Господи, хотя бы ты нашелъ какое нибудь средство, заставляющее ходить лошадь мою домой». Богъ услышалъ молитву его и сотворилъ оводовъ, отгоняющихъ домой скотину.

о) Молнія. Молнія у вотяковъ назыв. *чашьема*. Богъ бросаетъ въ чертей камнемъ съ неба. Одинъ вотякъ вскорѣ послѣ вывозки хлѣбовъ на гумно зачѣмъ то пошелъ къ кладямъ и увидалъ тамъ маленькихъ мальчиковъ. Онъ сказалъ имъ: «зачѣмъ въ такую погоду бѣгаете? подите домой»; они не послушались и ничего не говорили. Послѣ того онъ вскорѣ ушелъ домой, а на гумнѣ слѣдился пожаръ отъ молніи, клади сгорѣли; это значитъ, богъ хотѣлъ убить чертей, черти, слѣд. спрятались въ клади. Одинъ солдатъ пришелъ на побывку домой на родину съ ружьемъ. Однажды онъ пошелъ на охоту съ этимъ ружьемъ и когда дошелъ до каменной горы, увидалъ въ горѣ отверстіе, въ которомъ спрятался чортъ. Этотъ чортъ то входилъ, то выходилъ изъ него, однажды онъ заголивши себѣ задъ, сталъ хлопать въ ладоши, какъ бы дразня бога. Солдатъ, смекнувши дѣло, выстрѣлилъ въ него и прямо угодилъ въ задъ; чортъ оттого померъ, а солдата богъ за услугу взялъ къ себѣ. Молніей богъ убиваетъ шайтана, а отъ огня пылаетъ кровь его и онъ погибаетъ такимъ образомъ.

и) О чертяхъ существуетъ такой разсказъ. І. Христось раздлѣлъ чертенятамъ яйца, а чертенята стали говорить: «Христось воскрес!» цѣлуя другъ друга, и играть катая яйца по землѣ. Старые черти узнавъ объ этомъ строго запретили чертенятамъ, чтобы они виредъ такъ не дѣлали, «ибо», говорили они, «мы Его убили, а вы Его поминаете».

Одна старушка, продырявила яйцо, вынула внутренность, а скорлупу выбросила на улицу во время грома. Чортъ, увидавши это, влѣзъ туда. Чортъ этотъ то входилъ, то выходилъ оттуда и дразнилъ бога, а когда богъ думалъ поймать его, то онъ прятался въ скорлупу. Женщина увидавши это раздавила ту скорлупу. Богъ тогда, сходя съ неба, сказаль ей: «зачѣмъ ты такъ бросаешь скорлупы; моя слава была раньше въ яйцахъ, а теперъ ничего не могу сдѣлать».

Лѣшака. Какъ вотяки представляютъ лѣшаго, видно будетъ изъ слѣдующаго разсказа: Одного пьянаго русскаго мужика возилъ лѣшака. Какъ самъ лѣшака невидимъ, то и мужика сдѣлалъ невидимымъ. Русакъ этимъ случаемъ воспользовался и навороваль много денегъ. Они ходили вдвоемъ даже и въ церковь. Манеры и хитрость лѣшака, при помощи которыхъ онъ можетъ дѣлаться невидимымъ, изучають и усто туно, поэтому и усто туно можетъ быть невидимымъ. Такъ что знающій хитрости лѣшака, если захочетъ кого нибудь бить, то онъ сдѣлавшись невидимымъ, смѣло можетъ учинять побои кому хочеть, потому что самого его, какъ невидимаго, нѣтъ возможности бить или ударять. Сего русскаго мужика лѣшака не отпустилъ бы отъ себя, если бы Яганскіе усто туны, увидавши его не оставили. Усто туно можетъ переспорить лѣшака. Также возили лѣшаки и Егоровскаго мужика. Говорять, Егоровскій вотякъ ходилъ въ Можгу къ наговорщику лѣчиться (должно быть самъ или семейные его хворали). Когда онъ шель обратно домой, дорогой уснулъ на землѣ. У этого вотяка на шеѣ небыло креста, да и уснулъ то онъ не благословясь. Вотъ пришли къ нему 2 лѣшака, унесли его въ Сарапулъ, тамъ въ чьемъ-то домѣ ночевали и всѣ трое были невидимы для народа. Оттуда ушли въ Елабугу, потомъ въ Егорово поспѣли, потомъ опять пришли въ Можгу, Яганъ, Якшуръ Бодью, Шарканъ, доходили до Сибири, были и въ Вяткѣ, оттуда опять обратно пришли въ Яганъ, были въ Смоленкѣ, въ Егоровѣ, такимъ образомъ на родинѣ были раза три. Путешествіе ихъ продолжалось до 1½ года. Когда они были въ Чажгуртѣ, во время праздника Ыли, пировали вмѣстѣ съ народомъ, конечно, народъ ихъ не видалъ; а гдѣ играли молодые, тамъ и они плясали, били въ ладоши, хлопали. Это они дѣлали въ такомъ домѣ, гдѣ было въ обыкновеніи затворять и отворять двери безъ благословенія и вообще тамъ, гдѣ вовсе не поминается имя Божіе. Къ одному человѣку вошли въ домъ въ то самое время, когда хозяйка того дома пекла шаньги. Дѣтей у той хозяйки было много. Когда дѣти хотѣли брать шаньги еще намазанныя масломъ, мать ихъ стала ругать, говоря при этомъ: «чтобы васъ лѣшіе увели!». Лѣшаки, воспользовавшись руганью хозяйки, задумали было ихъ увести; но къ счастью въ то самое время, когда лѣшаки хотѣли уже совѣмъ ихъ увести, хозяйка дома стала помянуть имя Божіе, почему и оставили лѣшаки ребятъ. Послѣ того усто туны увидали

Егоровскаго вотяка, похищеннаго лѣшаками, и благодаря дару познанія лѣшаковыхъ хитростей, отняли у лѣшаковъ.

4. Вотяцкіе жрецы.

а) В о р о ж е ц ь, у вотяковъ называющійся *усто туно*. О немъ мнѣ рассказывали такъ: «его учатъ боги и ангелы. Динтемскій вотякъ выучился на Балтачинскомъ полѣ. Боги заставляютъ ходить по проволокуѣ черезъ рѣчку и запрещаютъ падать, упавшаго съ проволоки бьютъ. На поляхъ дѣлаются моря, или большія рѣки. Заставляютъ также скакать по вершинамъ березъ, входить въ змѣя, дышущаго огнемъ. Съ тѣмъ Диньтемскимъ мужикомъ учились четыре человекъ. Изъ нихъ Бурановскій вотякъ не доучился, онъ помрачился умомъ вслѣдствіе того, что сталъ говорить людямъ о своемъ ученіи. Однако и онъ проявлялъ большія способности. Онъ у насъ ворожилъ; говорилъ: «поль холода, поль жара», иначе сказать—«счастливо и несчастливо; скотный дворъ несчастливый, виденъ гробъ, на немъ будутъ пѣть пѣтухи, и дѣти ваши, вслѣдствіе этого, боятся и страшатся стаи». Такъ оно и есть: мы, дѣйствительно, боимся почему то стаи (онъ какъ то это узналъ и угадалъ). Этотъ вотякъ говорилъ намъ, что *усто туно* (ворожеецъ) *усто тунаны* (ворожбѣ) учить. Ворожеецъ этотъ серебряную монету кладетъ на палецъ и смотритъ на монету, по ней узнаетъ все. Монета эта ему дается для ворожбы тѣмъ лицомъ, которое заставляеть его ворожить, и жертвуется ворожбой за труды. Монета эта не падаетъ у него на полъ съ пальца и при опусканіи къ низу. Курсъ ученія *усто туно* продолжается годъ и больше. Народъ тѣхъ людей, которые учатся, подмѣчаетъ, потому что такой человекъ часто отлучается изъ дома, неизвѣстно куда, и по возвращеніи въ домъ ничего не говоритъ о томъ, гдѣ онъ былъ, какъ своимъ домашнимъ, такъ и чужимъ. Такой человекъ часто выказываетъ себя глупымъ, сходитъ по временамъ съ ума, дерется, кричитъ и т. п. По окончаніи курса ученія въ знакъ памяти или права получаетъ, будто бы, кто золотой шарикъ, величиною съ горошинку, (это высшій курсъ), а кто серебряный шарикъ, такой же величины, а иной золотое и серебряное кольцо. *Усто туно* не можетъ горѣть и въ огнѣ, *усто туно* знаетъ человекъ насквозь,—какой онъ есть, можетъ запрещать и колдунамъ и лѣшакамъ, потому что онъ этому учился и получаетъ тебетейку (такю) отъ лѣшаковъ. Однажды Бурановскій вотякъ привозилъ къ себѣ Лудзинскаго вотяка—*усто туно* для того, чтобы тотъ отвелъ ему стаю. Этотъ *усто туно* говорилъ, что сго недавно возили въ Пургу (село), чтобы снабдить больную женщину наговореннымъ питьемъ, въ качествѣ лѣкарства. Но ему должно быть мало дали денегъ и онъ, чтобы отомстить больной пообѣщавъ богу отъ имени ея мужа жеребенка, «и доведется имъ, передавалъ онъ, когданибудь исполнить это мое обѣщаніе». Ворожеецъ объ этомъ не объявилъ Пургинскому вотяку; это онъ дѣлалъ на зло вотяку, чтобы его замучить разными болѣзнями, что и заставить ходить по ворожцамъ, которые выяснять причину и укажутъ на необходимость дать жере-

бенка. Значить, тѣ деньги, которыя онъ не дополучилъ, рано ли поздно ли у того вотяка выйдуть; тотъ богъ, которому сулилъ ворожецъ жеребенка, будетъ наводить на семейство вотяка разныя болѣзни. Если не самому вотяку доведется молить жеребенка, то по крайней мѣрѣ дѣтямъ его доведется, если не дѣтямъ, то внукамъ и т. д. Усто туно все можетъ сдѣлать и испортить, и вылѣчить, и колдовать. У Пургинскаго вотяка, у котораго ворожецъ этотъ былъ, сноха родами мучится, «я ее», говоритъ усто туно, «наладилъ къ смерти, она умретъ, долго не проживетъ». Самый главный усто туно имѣетъ право 12 разъ выбирать на должность луд утись и будзымъ куа утись, т. е. 12 разъ призывать небесную воду (благословеніе слыше), можетъ и болѣе, такой законъ ихъ. «Мнѣ же, говорилъ на мой вопросъ мой знакомый, дано право», выбирать луд утись и будзымъ куа утись 9 разъ, а я отступая отъ правила иду 10-й разъ. Если вы счастливы и имѣте особое благоволеніе Божіе, съумѣю, а если нѣтъ, то только напрасно помаюсь изъ-за васъ и ничего толковаго не сдѣлаю. Начальница наша, дѣвушка, самому младшему даетъ право 7 разъ выбирать. Она же получаетъ разные дары познанія отъ самого Бога,—Инмар кылчинъ. Усто туно знаетъ имена каждому человѣку. Разъ къ намъ привозили казымасскаго вотяка усто туно; когда ему нужно было знать имена Луд утись и будзымъ куа утись, онъ началъ спрашивать у нашихъ же вотяковъ. Изъ этого заключили, что онъ ничего не понимаетъ; хотѣли было его за обманъ бить, но не посмѣли, потому что если узнаютъ другіе ворожцы,—станутъ опасаться насъ, не станутъ къ намъ ѣздить,—и отвезли назадъ. Многіе ворожцы пляшутъ со стаканомъ, наполненнымъ водою, положивъ его на голову, и при этомъ вода изъ стакана нисколько не плещется. Усто туно вотяки привозятъ издалека, чтобы онъ никого не зналъ. Его возятъ изъ одной деревни въ другую по мѣрѣ надобности. Когда онъ отъѣзжаетъ изъ своего дома, то требуетъ приговоръ того селенія, куда его приглашаютъ. Приговоръ этотъ заключается въ тамгахъ: на палочкѣ каждый домохозяинъ вырѣзываетъ тамгу свою. Этотъ приговоръ ворожецъ оставляетъ дома у хозяйки, чтобы она съ его помощью могла требовать отъ нихъ возврата ворожца, въ случаѣ пропажи его; а когда изъ того селенія везутъ ворожца дальше, въ другое селеніе, опять требуется подобный приговоръ, уже не имъ самимъ, а тѣми жителями, которые дали такой приговоръ, чтобы при требованіи хозяйки ворожца, могли представить оный въ оправданіе себя, что его увезли въ другое селеніе.

Одного человѣка сдѣя существа, на подобіе боговъ, заставляли скакать съ вершины бѣлой березы на огонь, съ вершины ивы на вершину другой ивы, заставляли вить песоцъ и мякину и ходить по водѣ; но онъ не сталъ дѣлать того, что его заставляли, убоился, сталъ каждый разъ заявлять о томъ родителямъ. Тогда его не стали учить ворожбѣ, отступились отъ него. Поэтому нельзя разсказывать родителямъ, если кто желаетъ учиться ворожить.

Одному человѣку пришлось идти къ ворожцу по случаю болѣзни. Ворожецъ сказалъ, что усадьба, земля подъ домомъ, несчастливая, нужно пе-

ремѣнить ее, домъ переставить на другое мѣсто. Тогда тотъ же вотякъ почему то принужденъ былъ сходить къ другому ворожцу и тотъ увѣрялъ вотяка, что мѣсто болѣзнямъ не причина, что не слѣдуетъ переставлять домъ, иначе, говорилъ послѣдній, будешь несчастенъ. Вотякъ не зналъ чего и дѣлать. Къ одному ворожцу пришелъ русскій мужикъ, узнать, куда потерялся у него теленокъ. Ворожецъ выворожилъ, что теленка продали дѣти его (сыновья) на базарѣ тайно отъ него. Мужикъ заплатилъ деньги и ушелъ домой. Когда онъ сталъ подходить къ воротамъ своего дома, увидалъ не подалеку своего теленка. Мужикъ разсердился на вотяка и сталъ требовать обратно деньги, но ворожецъ сказалъ, что деньги онъ назадъ никогда не возвращаетъ. Къ тому же ворожцу въ прошломъ году пришелъ Юскинскій вотякъ. Вотякъ этотъ укралъ у своего брата или какого то родственника четырнадцать рублей денегъ: совѣсть стала его укорять и онъ не зналъ, что дѣлать съ деньгами, и надумалъ сходить къ ворожцу, узнать отъ него, не будетъ ли что ему за эти деньги, однимъ словомъ, чтобы успокоить свою совѣсть. Ворожецъ потребовалъ себѣ изъ украденныхъ денегъ 1 рубль и сказалъ ему, что ничего изъ того быть не можетъ. Такимъ образомъ успокоивши самъ себя, онъ ушелъ домой. Вскорѣ послѣ того пришелъ къ ворожцу и тотъ вотякъ, у котораго потерялись деньги. Ему ворожецъ выворожилъ, что у него потерялись деньги, потому что тотъ вотякъ, который укралъ деньги, подробно объяснилъ ворожцу, у кого онъ укралъ.

Усто туно имѣеть большое вліяніе въ народѣ; его взглядъ признается священнымъ и не опровержимымъ въ дѣлѣ языческой религіи. Онъ главнымъ образомъ дѣйствуетъ на нравственность жрецовъ и приверженцевъ язычества, а они проповѣдуютъ о сохранившихся преданіяхъ между народомъ, для болѣе прочнаго утвержденія народа въ язычествѣ. Такъ наприм.: говорятъ, что когда то русскій царь въ военное время желалъ, чтобы было перемиріе и для этого заставилъ своихъ солдатъ молиться Богу, чтобы Господь послалъ миръ и прекратитъ войну. Молились русскіе, татары, черемисы и чуваша каждый по своему, но молитвы ихъ не были услышаны: а когда собрались вотяки и стали молить, т. е. приносить въ жертву, жеребенка, молитву ихъ услышалъ Господь и тотчасъ послѣдовало перемиріе. По мнѣнію ихъ, язычество не простая выдумка, оно учреждено не безъ основанія.

Говорятъ, что въ древнее время у вотяковъ были свои книги, которыя они руководствовались при языческихъ богослуженіяхъ, но ихъ когда то съѣла корова. Говорятъ, что и теперь изъ нихъ которая то существуетъ, но русскіе ее почему то вотякамъ не кажутъ. А чтобы ихъ чтимыя моделины, по ихъ мнѣнію священныя мѣста, были и въ послѣдующее время чтимы, между ними существуютъ слѣдующія правила и преданія: вотяки говорятъ, что мольбища, стоячій густой лѣсъ, должны оставаться навсегда неприкосновенными, равнымъ образомъ и предметы, принадлежащіе къ нимъ, какъ то: прясло, грибы и пр. Приводятъ нѣкоторые примѣры потерпѣвшихъ наказаніе за непочтеніе и оскорбленіе ихъ. Бурановскій крестьянинъ-солдатъ, сознавшій на службѣ суету язычества, держалъ пари съ вотяками, что онъ изъ луда вывезетъ весь лѣсъ на бревна и что ему за то ничего не будетъ.

Когда же вывезъ и сталъ тесать, онъ разрубилъ себѣ ногу топоромъ, а лошадь, на которой онъ возилъ, пропала. Также говорятъ, что Бурановскій причетникъ вошелъ въ лудъ, чтобы набрать оттуда грибовъ, а когда набралъ и хотѣлъ уже выйти, вдругъ невидимая сила удержала его, онъ тотчасъ же оставилъ собранные грибы и вышелъ изъ луда невредимъ. Рассказываютъ о какомъ то діаконѣ и священникѣ, будто бы они принесли луду въ жертву жеребенка и сами ѣли, по повелѣнію усто туно, для исцѣленія отъ болѣзни, постигшей ихъ за непочтеніе луда.—Однажды я, когда былъ сельскимъ учителемъ, сталъ спрашивать своихъ учениковъ о лудѣ. Григорій Поликарповъ на это рассказалъ мнѣ слѣдующее. Однажды его мать въ лѣтнее время легла спать на мѣстѣ бывшего некогда луда, нынѣ уже брошеннаго. Во снѣ ей явился кто то и говоритъ: я тебѣ носъ выдерну, а голову твою промежъ ногъ тебѣ положу. Ты женщина, имѣешь ли право ложиться въ лудѣ? (въ лудѣ женскій полъ не допускается). Послѣ того его мать проснулась и ушла домой. Переносить же лудъ съ одного мѣста на другое имѣетъ право только усто туно, и то по какимъ нибудь уважительнымъ причинамъ, какъ, напр., при неудобствѣ мѣстоположенія или сообщенія. Въ Бурановѣ нужно было мѣнять лудъ. Привезли усто туно, кажется, Кечевскаго; но ему въ томъ стали препятствовать бѣсы, просили его, чтобы онъ не мѣнялъ; въ противномъ случаѣ они обѣщались убить его. На это усто-туно отвѣчалъ бѣсамъ, что онъ перемѣнитъ лудъ и что бѣсы ему за это ничего не могутъ сдѣлать, ибо, говорилъ усто туно, здѣсь народу много и народъ его не дастъ имъ въ обиду. Тѣмъ временемъ слуги бѣса успѣли привести востокъ (лошадь) и посадивши усто туно увезли въ лѣсъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ онъ упалъ, сталъ лудъ, а самого его бѣсы повѣсили на дерево собственнымъ его поясомъ и задавили. Въ томъ лудѣ и теперь, говорятъ, чудится кикимора

б) Вѣдунъ (колдунъ, еретникъ, колдунья). Вѣдуны портятъ людей изъ-за злости своей. Для этого многіе вѣдуны выходятъ вечеромъ въ великій четвергъ, обращаясь въ разныя животныя, то въ свинью, то въ кошку, то въ собаку; они достаютъ изъ утробы матерей младенцевъ еще до рожденія, а вмѣсто младенца въ утробу матери кладутъ головяшку (головню); они любятъ ѣсть младенцевъ,—вкусно. дескать. А учатся вѣдуны такъ. Въ полночь желающій научиться сему искусству идетъ съ короваемъ хлѣба въ рукахъ въ баню, а въ банѣ безъ огня садится на пары, наступаетъ ногой на каравай, потомъ снимаетъ съ шеи крестъ, кладетъ подъ другую ногу, говоря при этомъ: «я въ Бога не вѣрую». Послѣ того въ баню входятъ бѣсы и начинаютъ учить его, какъ нужно портить людей. Вѣдуны и послѣ смерти ходятъ домой. Въ такомъ случаѣ, чтобы они не ходили домой, поступаютъ такимъ образомъ: идутъ на могилу, чтобы удостовѣриться, точно-ли подозрѣваемый человѣкъ ходитъ. Если на могилѣ есть какое либо стверстіе, какой бы то ни было величины, то значить, что онъ ходитъ; тогда въ отверстіе вколачиваютъ осиновый колъ, чтобы онъ болѣе не могъ ходить домой или въ деревню.

5. Дѣйствующія лица при моленіяхъ.

А) Священныя лица при общихъ, или обществен-ныхъ, напоельныхъ моленіяхъ.

При общихъ напоельныхъ моленіяхъ дѣйствующія лица, о которыхъ уже было говорено, считаются священными лицами. Такія лица выбираются а) обществомъ, или б) родомъ, или в) передаются права изъ рода въ родъ по старшинству г) или же наконецъ выбираеть усто-гуно, т. е. главный во-рожець (шаманъ), пользующійся извѣстностью въ нѣсколькихъ уѣздахъ.

Выборъ ихъ. Общество прежде всего выбираеть кандидатовъ изъ болѣе достойныхъ людей, каковыми считаются люди набожные, кроткаго права, соблюдающіе приличія въ одѣяніи. А затѣмъ уже мечуть жребій. Жребіи дѣлаются изъ лутошекъ, на нихъ каждый ставитъ свой значекъ или тамгу. Такимъ образомъ сперва выбираютъ: а) жрецъ (попъ, иначе *вэсясь*), потомъ б) первенствующій начальникъ надъ всѣми (*тэрс*), далѣе в) одинъ діаконь (*тылась*), г) два причетника (*парнась*), д) два прислужника. Подобный выборъ бываетъ два раза въ годъ, т. е. при каждомъ моленіи на полѣ.

Права и обязанности ихъ. а) Заклатели (*парнась*) должны заколотъ животнаго, снять кожу, рубить на куски жертвуемое животное, а когда сварится—крошить мясо и раздавать кашу народу¹⁾

б) Куритель (*тылась*) обязанъ наливать попу пива, кумышки¹⁾. Онъ же наливаетъ бульонъ, кладетъ кашу, голову животнаго, рѣжетъ на ломти-ки принесенныя народомъ хлѣбы въ посудѣ, и все это подноситъ попу для моленія.

в) Начальникъ (*тэрс*) долженъ сидѣть всегда даже и во время моленія въ шапкѣ, а сидѣть полагается ему за столомъ на нарахъ, а послѣ все-го моленія, какъ бы въ награду за труды настоятель долженъ дать попу чашку кумышки для питья, а попъ передаетъ своимъ сослуживцамъ, кото-рые должны сдать обратно попу, а онъ возвращаетъ чашку настоятелю.

г) Попъ, или жрецъ—(*вэсясь*), долженъ только молить, какъ выража-ются вотяки, т. е. принимать отъ тылася все готовое и произносить молитво-словія.

¹⁾ Кумышкой у нихъ называется хлѣбный національный напитокъ, за-мѣняющій русскую водку. Кумышку варятъ къ празднику, впрочемъ и въ будни каждый зажиточный домохозяинъ имѣетъ кумышку на случай прибытія нежданнаго гостя. Праздники ихъ обыкновенно бываютъ четыре раза въ годъ, весной, лѣтомъ, осенью и зимою. Тогда они пируютъ, чрезмерно напиваясь кумышкой и предаваясь необузданному разврату. Для выкуриванія кумышки, назначасмой для моленія, вода должна быть непремѣнно рѣчная. Самое при-готовление нужнаго для моленія должно дѣлаться въ чистотѣ.

В) Священныя лица въ общественныхъ моленіяхъ въ кереметяхъ (въ лудѣ).

Лудъ или, какъ говорятъ русскіе, кереметь значитъ злой духъ. Иногда русскіе говорятъ, обзывая когонибудь въ сердцѣ: «кереметь ты этакой», т. е. бѣсъ, грѣховодникъ; такое значеніе придано слову кереметь. Кереметь состоитъ изъ стоячаго мѣса. Въ кереметяхъ вообще дѣйствующими лицами являются: а) *лудъ утисъ*, т. е. настоятель луда (керемети), вмѣсто попа, б) *тѣре*, начальникъ (переводой), в) *парчасъ*, заклатель.

а) Лудъ утисъ (настоятель) является здѣсь главнымъ лицомъ; его дѣло приготовить для моленія все потребное, какъ то: наливать въ чашки кумышку, пиво, класть по чашкамъ кашу, мясо, и передавать тѣре и—молить; б) тѣре солѣйствуетъ утисю, главное его дѣло въ томъ, чтобы предсѣдательствовать; в) парчасъ главнымъ образомъ долженъ закалывать животныхъ, снимать кожу. Чистятъ, варятъ, молятъ *трос*, для моленія приносимыхъ жертвъ каждый для себя имѣетъ особую чашку и ложку.

Нужно помнить, что утисъ и тѣре при моленіи держатъ такъ называемый *шачы-нѣр*, т. е. кнутъ, состоящій изъ вицы и мочала съ прикрѣпленнымъ на послѣднемъ серебряннымъ перстнемъ. При каждомъ моленіи вицу, замѣняющую кнотовище, держитъ утисъ, а мочало тѣре; при этомъ между вицами прикрѣпляются части приносимаго животнаго, какъ то: сердце, печень, часть головы и т. д. Бываетъ это моленіе два раза въ годъ.

В) Священныя лица родового моленія въ шалашахъ.

Въ родовомъ моленіи дѣйствующими лицами являются: а) *будзым куа утисъ (асаба)*, или *вѣясъ*, настоятель шалаша, б) *тѣре*, начальникъ, переводой, и в) *тыласъ*, куритель.

Утисъ съ женою тѣре варятъ кашу съ мясомъ; тѣре готовитъ столъ, накрываетъ скатерть и кладетъ на стѣну полотенце вмѣстѣ съ курительсмъ, его дѣло сидѣть во время моленія; тыласъ подаетъ все нужное утисю.

Г) Священныя лица посемейнаго моленія.

При посемейныхъ моленіяхъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является всегда самъ хозяинъ, главной помощницей ему бываетъ жена и второстепенными, приучающимися, являются дѣти.

6. Общія моленія постоянныя.

На поляхъ. Общимъ напольнымъ моленіе называется тогда, когда оно совершается всей деревней, или даже нѣсколькими, если поля ихъ сошлись въ одномъ мѣстѣ; въ послѣднемъ случаѣ пользуются одной общей моленной и моленіе называется общественнымъ. Мѣста для моленей избираются около рѣкъ, но такъ какъ не всегда представляется возможнымъ имѣть рѣку на каждомъ полѣ, то моленіе совершаютъ не на всѣхъ поляхъ

той или другой деревни, а на одномъ или двухъ. Если рѣчки далеко, воду везять въ бочкахъ. Моленія совершаются по веснамъ на ржаномъ полѣ, когда рожь начинаетъ колоситься. Предъ наступленіемъ времени моленія на сходкѣ предлагаютъ назначить день моленія, сдѣлать сборъ денегъ съ души или дома для покупки жертвеннаго животнаго. Но такъ какъ не всегда можно добыть на мѣстѣ животныхъ извѣстной масти, то въ такомъ случаѣ командировуются нѣсколько человекъ для отыскиванія и покупки таковыхъ. Покупать разрѣшается хоть у кого, у татарина или у русскаго,—это совершенно безразлично; цѣну платять всегда хорошую, даже иногда превышая стоимость. Для жертвоприношенія требуется черный быкъ, красная нетель и жеребенокъ подростокъ рыжаго или чалаго или саврасаго цвѣта. Черный цвѣтъ требуется для Бога земли (*му кыччи*) или еще иначе богу хлѣбовъ (*ю кыччи*), чтобы не было червей, поѣдающихъ хлѣбъ. Красный цвѣтъ требуется богу ангелу (*кыччи Имар*), что бы не было холода, чтобы было тепло. Жеребенокъ требуется богу грома и молніи (подразумѣваютъ Илью пророка), чтобы не было вреднаго града и излишняго дождя. Изъ этого можно полагать, что вотяки нѣкогда молились солнцу (богу тепла), грому и молніи (богу матери градовъ и дождя), землѣ (богу земли)¹⁾. Затѣмъ, когда все приготовлено, мечуть жребій со значками и безъ значковъ. Первому номеру быть *вэсясь*, т. е. молитвенникомъ, второму воскурителемъ, третьему парчасъ—сдирать кожу, четвертому тоже, пятому и шестому—разсылными, седьмому распоряжаться съ котломъ. Сперва молятъ быка, его ведутъ избранные выше лица на мѣсто закланія. Въ тоже время съ каждаго дома требуется по одному яровому хлѣбу, сверху хлѣба полагается лепешка изъ яицъ, а на ней масло, и рядомъ съ нимъ бутылка кумышки. Все это несетъ кто нибудь изъ мужчинъ въ деревянной чашкѣ, свернувъ въ бѣлую скатерть. Избранныя лица разводять огонь. Затѣмъ молителѣ развертываютъ скатерти стелють ихъ въ рядъ, образуя какъ бы одну скатерть и укладываютъ все принесенное по порядку. Подъ скатерть кладутся сучки хвойнаго лѣса, если дѣло происходитъ осенью, или же лиственнаго лѣса, если весной. Потомъ *вэсясь* отливаетъ изъ каждой бутылки нѣкоторую часть въ особую чарку. Затѣмъ всѣ, снявъ шапки, встаютъ на колѣни, *вэсясь* молить громко хлѣбы и передаетъ тыласю, тыласъ же, принявъ отъ него хлѣбы, черезъ сучокъ хвойнаго или лиственнаго дерева крошитъ часть каждаго хлѣба въ особую яму, приготовленную въ землѣ, послѣ чего каждый изъ нихъ отвѣдываетъ часть своего хлѣба. Также поступаетъ и съ кумышкой, отлитой въ чашу изъ каждой бутылки. Послѣ сего народъ расходится опять по разнымъ мѣстамъ, молодежь играетъ: кто въ орлянку, кто въ карты, кто вѣтса около дѣвокъ, кто около торгаша (лавочника), торгующаго тамъ пряниками и конфетами или же около игроковъ на гармоникѣ или гусяхъ. Игры могутъ быть различны. Женщины угощаютъ другъ друга и также мужчинъ своей кумышкой. Вэ-

¹⁾ Земля и въ настоящее время чтится ими. Набожные вотяки по сіе время, ступая по утрамъ на землю въ первый разъ, говорятъ: «Остэ»—Господи, благослови!

сясь и парчась начищаютъ въ то же время омыватъ жертвеннаго быка. Вода льется на него изъ ковша черезъ хвойный сучекъ какаго либо дерева. Хорошимъ признакомъ служитъ, если животное встрепенется. При этомъ, снявъ шапку, говорятъ «Остз»—Господи, благослови! Омывъ его, связываютъ ему ноги веревками или лыкомъ и парчась закалываютъ, причемъ въ чашку собираютъ кровь, которая тоже варится. Быка вѣшаютъ на сукъ какаго либо ближайшаго дерева, снимаютъ кожу, разрубаютъ на части, всясь приготавлиеть къ варкѣ все потребное, варить бульонъ съ кровью и мясомъ. А когда все это поспѣетъ, бульонъ наливается изъ котла въ чашку, равнымъ образомъ вынимается и мясо. Народу дается знать, чтобы опять собрались для возношенія молитвы и всясь, взявъ бульонъ въ чашкѣ, начинать громко молиться, и послѣ молитвы передаетъ его тыласю. Тыласъ же три ложки бульона выливаетъ черезъ прутикъ какаго либо дерева въ вышеупомянутую яму. Образъ моленія такой же, какъ сказано выше. Дѣвки и бабы всегда бываютъ позади. Народъ опять расходится. Всясь спускаетъ въ бульонъ крупу, оставшуюся для каши. Всясьи тѣмъ временемъ пьютъ кумышку и ѣдятъ моленный бульонъ. Вскорѣ поспѣваетъ и каша. Опять дается знать, чтобы всѣ собрались на молитву, опять молятъ, и каша также чрезъ прутикъ бросается въ яму. Молодежь опять расходится. Старшіе начинаютъ дѣлать кашу и мясо каждому домохозяину сообразно взносу денегъ. Раздѣливши все, селятъ ѣсть. Кости кладутъ въ яму и засыпаютъ. Эта яма замѣняетъ собой сожженіе или куреніе. Поклонившись послѣ всего безъ шапки на колѣняхъ и возблагодаривши Бога, расходятся по домамъ до слѣдующаго дня. На другой день молятъ телку Богу ангелу или Богу Творцу (*кымаль Имарлы*). Жрецы получаютъ тутъ же въ лѣсу. Подъ скатерть также стелютъ листья какаго нибудь дерева. Образъ моленія уже извѣстенъ, разница только въ томъ, что части животнаго, приносимыя въ жертву, черезъ прутикъ какаго нибудь дерева, бросаются уже не въ яму, а въ огонь; также поступаютъ съ хлѣбомъ и кумышкой и яичницей и масломъ, принесенными въ этотъ день, и всѣ эти припасы должны быть свѣжіе, т. е. наканунѣ моленные уже не должны приноситься. Въ этотъ разъ молятся всѣ въ шапкахъ и безъ колѣнопреклоненія, однако передъ концемъ молитвы, снявъ шляпы, должно дѣлать малый поклонъ, меньше поясыга. Подобный же поклонъ дѣлается и подъ березой. Вколачиваютъ въ землю четыре сучка, верхніе концы которыхъ должны быть вылообразны. На нихъ кладутъ перекладины, на перекладины кладутся прутики, такимъ образомъ получается видъ стола, который называется солькомъ, головнымъ покрываломъ вотскихъ молодущекъ. На него полагается 1 хлѣбъ и на немъ вареное мясо; когда сварится бульонъ, опять молятъ по извѣстному уже порядку. Далѣе когда поспѣетъ каша, тоже въ чашкѣ кладется на столъ. Это называется вылз мичон. Тутъ же кладется въ одной чаркѣ мелкая мука и въ другой чаркѣ медъ и толокно въ разведенномъ видѣ. Хлѣбы и кумышка, принесенные отъ лица каждаго семейства, также молятся, какъ это было наканунѣ и молодежь также занимается играми. Въ свое время народъ опять созывается на молитву. Часть каждаго предмета сжигается. Снимаются съ солька хлѣбы, мясо, каша и бульонъ и молятъ ихъ такъ же, какъ и прочее и также часть ихъ сжигаютъ. Потомъ дѣлятъ, и раздаютъ каждому

домохозяину сообразно взносу его кашу и мясо. Кашу и мясо ѣдят тут же, но и оставляют для домашнихъ. Потомъ свидѣлствуютъ поверхность муки, нѣтъ ли какихъ признаковъ слѣда, если замѣтятъ слѣды птицъ, или мышей, или кого либо, то это признакъ урожая и благоугодности Богу молитвъ. Кости уносятъ тыласъ и парчасъ нѣсколько въ сторону и вмѣстѣ съ листьями хоронятъ въ землю. При этомъ говорятъ *киад ныдад куть*, т. е. прими въ руки и ноги, т. е. прими жертву нашу и услышь молитву нашу. Потомъ тутъ пьютъ сколько нибудь кумышки. Вскорѣ возвращаются съ пѣснями. Пѣсня эта заключаетъ въ себѣ отвѣтъ лицамъ, оставшимся на мѣстѣ молебьи, что богъ обѣщался принять и услышать ихъ молитву. А жрецы на это отвѣчаютъ: «пусть уже приметъ». Потомъ благодарятъ бога, какъ сказано выше. На третій день молятъ жеребенка богу матери грома и молніи. Обряды тѣ же. Хлѣбы, яичницы, кумышка при этомъ на *сюмк* не кладутся, части приносимыхъ жертвъ сжигаются также черезъ пруть въ огнѣ. Обрядъ закланія тотъ же, какъ сказано выше, т. е. омывають первоначально водой троскратно, и, потомъ, снявъ шапку, произносятъ краткую молитву, чтобы Богъ принялъ жертву сію; при этомъ на головѣ лошади надѣтъ бываетъ недоуздокъ, переднія ноги опутываются путами, заднія связываютъ веревками и валятъ жеребенка на землю. Кости также хоронятъ въ землю, недалеко отъ молебни. Пришедши къ *вэсясь* безъ пѣсенъ, передаютъ, что богъ хотѣлъ принять ихъ жертву. *Вэсясь* на это отвѣчаетъ: «пусть ужъ приметъ и дастъ тепла» (*Киаз ныдаз мед кутоз ши, шунытсэ мед сѣтоз*).

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ колютъ еще гуся или гусыню. Бываютъ иногда случаи, что достаютъ лебедя для моленія, его не колютъ, а по омовеніи молятъ живого и отпускаютъ. Это бываетъ тамъ, гдѣ моленіе доставляетъ большой доходъ, и есть возможность достать его. Это бываетъ тамъ, куда по обѣтамъ и по указанію ворожцовъ стекается народъ не только изъ нѣсколькихъ окрестныхъ селеній, но даже и уѣздовъ. Такъ напр. въ мамадышскомъ уѣздѣ, казанской губерніи, на мольбищѣ въ полѣ села Нырьи число жертвенныхъ животныхъ доходитъ до 80 и болѣе коровъ вмѣстѣ съ быками, такого же почти количества лошадей и такого же мелкаго скота. Шкура съ нихъ обращается въ доходъ этого моленія. Въ томъ мольбищѣ, между прочимъ, есть дерево, кажется, лина съ дупломъ. Въ это дупло нѣкоторые изъ посѣтителей и участвующихъ лицъ спускаютъ свою сильную ленту въ честь боговъ, и этотъ обычай остается съ древнихъ поръ и доселѣ.

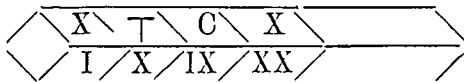
Въ лудѣ (лудэ пыронъ). Лудъ бываетъ одинъ, однако ихъ можетъ быть и два въ нѣкоторыхъ случаяхъ, а именно, когда пришедшіе или новопоселенные находятъ возможность молиться отдѣльно и когда это удобно. Объ удобствахъ, какія требуются для моленія, уже сказано было выше. Моленіе это бываетъ предъ сѣнокосомъ—лѣтомъ, бываетъ оно и осенью. Лѣтомъ въ жертву приносятся черный баранъ, осенью гусь. Наканунѣ назначеннаго дня приносятъ къ женѣ хранителя луда муку, масло, яйца; она изъ нихъ готовитъ блины и яичницу. Въ самый же назначенный день всѣ идутъ въ кереметь, кромѣ женщинъ, которымъ не полагается даже входить въ лудъ. Мужчины несутъ пиво, кумышку, крупу, соль; но такъ какъ не всегда бываетъ удобно нести все это одному, то сыновья въ этомъ случаѣ

являются помощниками. Хлѣбовъ на этотъ разъ не полагается. Сборъ денегъ на покупку барана дѣлается обыкновенно раньше съ души столько, сколько слѣдуетъ по раскладкѣ, согласно постановленію на сходкѣ, и это поручается произвести болѣе опытному или же очередному лицу. Деньги полученныя отъ продажи кожи, берегутся у хранителя луда до слѣдующаго года на предметъ покупки потребнаго для жертвоприношенія животнаго. Сборъ денегъ производится всегда по тамгамъ или знакамъ, служащимъ вмѣсто печати и росписки. Эти знаки отмѣчаются по полученіи денегъ отъ кого либо на мутошкѣ. Вырѣзываютъ ножемъ сверху вмѣсто имени тамгу или число душъ даннаго человѣка по порядку домовъ, а снизу подъ сей тамгой сумму полученныхъ денегъ римскими цифрами ¹⁾. Сначала въ лудѣ разводять огонь, запасаются прутомъ березовымъ для подстилки подъ скатерть. На скатерть кладутъ блины, помазанные сверху масломъ. Сюда почти что никто не ходитъ, кромѣ нѣкоторыхъ почетныхъ лицъ, ибо лудъ какъ страшный богъ сердитъ и страшно его оскорблять. Образъ закланія такой же, какъ уже объяснено, только здѣсь при закланіи, кромѣ того, что окатываютъ водой, зажигаютъ иногда восковыя самодѣльные свѣчи. Части жертвенныхъ животныхъ сжигаются въ огнѣ. Когда мясо сварится, часть мяса, лепешку изъ яицъ, блины поднимаютъ на *вылэ мычон*. (Вылэ мычонъ значитъ возношеніе). Для возношенія мѣсто назначается при главномъ деревѣ, тутъ устрояется родъ стола изъ толстыхъ прутьевъ и накрывается скатертью. Тутъ же зажигаютъ восковую свѣчку. Вотяки вылэ мычонъ сопоставляютъ съ церковнымъ престоломъ. Потомъ въ бульонъ спускается крупа, а когда сварится каша, молятъ ее, часть ея бросается черезъ прутикъ въ огонь. Молятъ также мясо, часть мяса также кладутъ въ огонь. Потомъ снимаютъ съ вылэ мычонъ и по моленію часть кладется въ огонь. Потомъ изъ нихъ человѣкъ 10 садятся ѣсть кашу и мясо, послѣ чего, оставшіяся кости сжигаютъ. Молятся здѣсь безъ шапки и на колѣняхъ. Такимъ же образомъ дѣлается и благодареніе, въ заключеніе всего. Остатки каши и мяса несутъ въ домъ хранителя луда. Это уже бываетъ вечеромъ. Къ нему собираются всѣ деревенскіе жители, мужчины, женщины и дѣвки. Женщины обыкновенно приходятъ съ кумышкой. Жрецы, пришедши домой, начинаютъ пить кумышку и пѣть пѣсни, говоря: Богъ-лудъ-асаба пожелалъ мира и послалъ благословеніе. Далѣе начинаютъ дѣлить каждому домохозяину по надлежащей части блиновъ, каши, мяса и т. д. Съ этого времени пируютъ дня два и три.

Моленіе за умершихъ ²⁾. Это моленіе бываетъ осенью на озимовомъ полѣ. Обыкновенно жертвуютъ старую кобылу или старую коро-

¹⁾ Тамги:

Копѣйки:

²⁾ У вотяковъ оно не называется моленіемъ, такъ какъ моленіемъ принято называть возношеніе молитвы съ хлѣбомъ, или кашей. Вотяки по своему зовутъ чекан, т. е. упокоеніе.

ву краснаго цвѣта, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ колютъ и мерина. По назначеніи дня жертвоприношенія и количества сбора на сходкѣ, всѣяси начинаютъ готовить все потребное для моленія, — варятъ кумышку, пекутъ хлѣбы. При жертвоприношеніи участвуютъ мужчины, женщины и дѣти. На мѣстѣ его по обычномъ омовеніи и закланіи животнаго разводится огонь. Тѣмъ временемъ всѣяси начинаютъ готовить восковыя свѣчи, затѣмъ прилѣпляютъ на чемъ либо нѣсколько свѣчъ въ рядъ и начинаютъ отщипывать мелкія части хлѣба. Также отливаютъ часть пива и кумышки, называя при этомъ имена извѣстныхъ усопшихъ рабовъ. Кусочки хлѣба кладутся на кору дерева, имѣющую видъ корыта, а когда сварится мясо, то часть бульона и мяса также бросаютъ на ту же кору, такимъ же порядкомъ. Тѣмъ временемъ товарищи жрецовъ спускаютъ крупу въ котель, чтобы получить кашу, а когда сварится каша такимъ же образомъ поступаютъ и съ кашей. Все это, что только клалось на кору, остается неприкосновеннымъ, на томъ же мѣстѣ, для покойниковъ, а кашу и мясо, оставшіяся отъ покойниковъ, дѣлятъ по числу душъ, и каждый получаетъ въ свою чашку извѣстное количество мяса и каши. Все это съѣдается на мѣстѣ, уносить же домой не позволяется. Кости бросаютъ тутъ же въ груды, нѣсколько въ сторону отъ мѣста моленія. Послѣ всего старшіе пьютъ кумышку и поютъ въ честь усопшихъ, чтобы они приняли ихъ жертву.

Поминокъ умершихъ. Эти поминокъ дѣлаются два раза въ годъ, именно осенью и весною, когда пируютъ не болѣе, какъ два или три дня. Къ извѣстному дню въ каждомъ домѣ выкуриваютъ кумышку и варятъ пиво, пекутъ блины, картофельныя шаньги. Вечеромъ въ назначенный день каждый *бэякъ* (околодокъ) даннаго рода сходится въ одинъ домъ по обыкновенію на который нибудь конецъ бэяка. Старшій изъ нихъ накидываетъ на себя какой нибудь старый кафтанъ и начинаетъ готовить восковыя свѣчи. Когда надѣлаетъ: потребное количество свѣчъ, прилѣпляетъ ихъ на приступокъ, по которому поднимаются на печь, и начинаютъ поминать усопшихъ родственниковъ домохозяина. Для каждого онъ отщипываетъ часть хлѣба и часть шаньги, отливаетъ часть кумышки и пива и кладетъ ложку каши и бульона въ нарочно для того приготовленное корыто. Ему подражаютъ и всѣ прочіе, у которыхъ родители умерли; если же родители ихъ живы, то они сами и исполняютъ этотъ обрядъ. Изъ корыта послѣ отдаютъ собакамъ; при этомъ замѣчаютъ, — если собаки ѣдятъ мирно, то и покойники живутъ согласно, и наоборотъ. Затѣмъ садятся всѣ за столъ вкушать трапезу, за столомъ же пируютъ и поютъ. На другой день утромъ спохмѣливаютъ покойниковъ и самихъ себя, варятъ курицу. Поступаютъ такъ же, какъ наканунѣ, но ужъ потчуютъ ихъ послѣдній разъ на провожаніе, говоря: ѣште. пѣйте, да ступайте домой, къ товаришамъ, живите мирно, будьте къ намъ милостивы, дѣтей нашихъ храните, хлѣба наши, животныхъ и птицъ берегите. Затѣмъ опять пируютъ по обыкновенію, предаваясь всякимъ непристойностямъ. Женщины бывають въ это время новоздержки относительно питья. Послѣ же всего начинаютъ пировать и жещины, но ужъ безъ всякой чинности, ибо покойники уже ушли домой къ товаришамъ и воздержив-

ваться не для кого. Тѣмъ временемъ пользуются и мужики, ибо на кумышку тогда бабы бываютъ щедры и не жалѣютъ ся. Ъда во время, поминокъ или другого какого праздника у женщинъ бываетъ отлѣльно отъ мужчинъ. Передній уголь дается мужчинамъ, а противоположный ему, на противъ печки.—женщинамъ, почему онъ называется *кышино палъ*, что значитъ женская сторона.

7. Общія моленія непостоянныя.

Моленіе бѣсу надъ хлѣба мн. Это моленіе у вотяковъ называется *ю выл перымъ*. Оно имѣетъ цѣлю умилостивить бѣса, чтобы онъ не портилъ хлѣбѣ, т. е. не ломалъ и не развѣивалъ зеренъ вѣтромъ. Ему жертвуютъ селезня, покунасаго на счетъ общества. Его колютъ на озимовомъ полѣ, на чьей либо полосѣ. При этомъ нодъ селезня нужно класть сучки съ хвоей какого либо дерева; сучки эти вмѣстѣ съ кровью селезня сжигаются. Изъ селезня варятъ кашу въ чьемъ либо шалашѣ. Съ кашей отправляются опять въ поле на ту же полосу и тамъ послѣ моленія жрецами часть каши, нѣсколько ложекъ бросается, чрезъ сучки въ огонь. Потомъ каждый отвѣдываетъ каши по одной ложкѣ, стоя на ногахъ, какъ освященную. Оттуда опять отправляются въ тотъ же шалашъ и съѣдаютъ всю кашу. Послѣ чего жрецы опять отправляются на ту же полосу, тамъ сжигаютъ кости и перья и тѣмъ кончается вся церемонія и народъ расходится.

Мору болѣзней ¹⁾. Мору жертвуется черная овечка, чтобы умилостивить мора, обезопасить себя отъ болѣзней наводимыхъ имъ. Замѣчательно при этомъ моленіи то, что овечка, назначенная для жертвоприношенія, должна быть непременно украденная, а не купленная. Воруютъ овечку жрецы или закалатели у кого попало, такъ что часто попадетъ и сосѣдская, изъ той же деревни, въ которой совершается моленіе. Хозяинъ узнаетъ о томъ послѣ; искать же онъ въ томъ не въ правѣ, да и незахочетъ никогда, потому что онъ и самъ участвовалъ при моленіи, хотя и не зная о томъ, и самъ со своимъ семействомъ ѣлъ какъ мясо, такъ и кашу. Овечку эту колютъ жрецы у рѣчи, на нижнемъ концѣ деревни, гдѣ никто не ходитъ. Предварительно молятъ хлѣбы изъ яровой муки, верхъ которыхъ мажется масломъ, а сверху хлѣбовъ обыкновенно бываетъ ячичница въ видѣ лепешки. Въ этомъ случаѣ хлѣбы бываютъ только отъ жреца. Нѣкоторыя бабы также приносятъ кумышку, у кого есть. Но моленіи часть ихъ кладется въ нарочно приготовленную на томъ мѣстѣ яму. По омовеніи животнаго трижды водой, колютъ надъ ямой, кровь собирается въ особую чашку, а нѣкоторыя брызги попадаютъ въ яму. Въ тѣхъ случаяхъ, когда женщины могутъ присутствовать на моленіяхъ, кишки моютъ женщины и наполняютъ ихъ крупой, смѣшанной съ кровью; а концы кишекъ завязываютъ

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ деревняхъ это моленіе называется *беръ везь* и относится къ постояннымъ. Совершается оно послѣ общественнаго моленія на полѣ.

питками. Кишки варятъ въ котлѣ съ бульономъ; такимъ образомъ получается родъ колбасы, называемой вотяками *виртирем*. Обыкновенно же кровь варится вмѣстѣ съ бульономъ и мясомъ, а часть сжигается, или же вмѣстѣ сжиганія выливается сколько нибудь ложекъ въ яму, но въ этомъ случаѣ не полагается сжигать, а слѣдуетъ вливать въ яму, равнымъ образомъ и часть бульона по моленіи стоя въ шапкахъ вливаютъ туда же. Затѣмъ въ котелъ въ оставшіяся бульонъ, кладутъ крупу, чтобы сварить кашу, также поступаютъ и съ кашей, когда поспѣетъ. т. е. молятся стоя въ шапкахъ и опять ложки три каши бросаютъ въ яму, потомъ садятся ѣсть, кости бросаютъ въ одно мѣсто, подлѣ ямы, а послѣ кладутъ ихъ въ яму, яма засыпается землей. Послѣ ѣды благословляютъ Бога и расходятся домой.

Богу въ амѣнъ чело вѣ ка. Ему молятъ рыжаго жеребенка, соловяго, или чалаго цвѣта: эти цвѣта угодны Богу, по ихъ мнѣнію. Его молятъ въ старшемъ (родовомъ) шалашѣ, т. е. у того, у кого раньше всѣхъ поставленъ былъ онъ. И этотъ жеребенокъ приносится Богу въ жертву отъ имени всѣхъ жителей селенія, вмѣстѣ чело вѣ ка или иначе—вмѣсто того чело вѣ ка, котораго бы потребовалось молить отъ имени однодеревенцевъ. Это жертвоприношеніе имѣетъ цѣлю умилостивить Бога, чтобы онъ не каралъ дѣтей ихъ смертію и болѣзнію. Для сего потребны съ каждаго дома хлѣбы, масло, кумышка и яичница. Все это несется на мѣсто моленія въ чашкѣ и въ узлѣ, въ бѣлой скатерти. Мѣсто моленія назначается жрецами во дворѣ у того же шалаша, или у рѣчки. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно ограничиваться хлѣбами, масломъ и яичницей жреца. Однако чашки необходимы со скатерью, ибо на мѣстѣ моленія придется ѣсть кашу и мясо изъ своей чашки, какъ уже сказано выше. Каша и мясо дѣлятся по частямъ для каждаго семейства, кромѣ того оставшуюся часть полагается нести семейнымъ, тѣмъ, которые по домашнимъ обстоятельствамъ не могли придти на мѣсто моленія. При этомъ моленіи, послѣ моленія хлѣбовъ и сжиганія нѣкоторой части въ огнѣ, необходимо достать хвои или листьевъ какаго нибудь дерева, которыя подкладываются подъ общую скатерть, кромѣ того по омовеніи животнаго колотъ его на нихъ. Пока закалатели обдираютъ кожу, жрецы молятъ хлѣбы съ масломъ и яичницей, принесенные съ каждаго двора, если таковыя есть, ¹⁾ а хлѣбы жреца отъ лица всего селенія,—молятся до заклінія животнаго или же пьютъ кумышку. Тѣмъ временемъ повара стараются приготовить кашу. Кашу и мясо молятъ въ шапкахъ, стоя лицомъ къ югу и часть какъ каши такъ и мяса сжигаютъ. Затѣмъ садятся ѣсть, каждое семейство изъ своей чашки; впрочемъ можетъ быть такъ, что изъ одной чашки ѣдятъ нѣсколько семействъ, что бываетъ тогда, когда дается часть для многихъ душъ, однако и при такихъ случаяхъ часть каши для домашнихъ подучается послѣ ѣды. Затѣмъ слѣдуетъ принести Богу благодарность. При

¹⁾ Обыкновенно народъ собирается не вдругъ, посему и моленіе принесенныхъ хлѣбовъ бываетъ во всякое время.

этомъ стоя лицомъ къ югу же снимають шапки и дѣлають три небольшихъ поклона. Кости въ лукошкѣ или же въ скатерти уносятъ безъ пѣнія и шума, для этого командируются нѣсколько человекъ на мѣсто назначенія. По возвращеніи жрецы объявляютъ, что богъ хотѣлъ принять молитву ихъ, жрецъ высказываетъ свое желаніе: «пусть уже приметъ». Тѣмъ и кончается моленіе ихъ.

Лошадь умомъ и трудолюбіемъ сравнивается у вотяковъ съ человекомъ, поэтому считаютъ они, что взаменъ человека можно принести въ жертву лошадь. Также почему то можно молить взаменъ человека и гуся. При эпидемическихъ болѣзняхъ, особенно при холерѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ хоронятъ живую собаку послѣ моленія лошади или гуся. Стало быть находятъ въ нихъ какія нибудь человѣческія качества. Бываютъ случаи, когда живого человека одержимаго золотушной болѣзью или англійскою болѣзью, приносятъ также въ жертву богу и, замѣняя его моленіемъ гуся, сжигаютъ часть волосъ того больного человека. Это дѣлается какъ бы для возобновленія, пересозданія человека съ цѣлью содѣлать изъ больного здороваго человека. При этомъ больной отрекается отъ своего имени. Это подобно тому, какъ у русскихъ встрѣчается по мѣстамъ продажа больного ребенка, одержимаго какою нибудь хроническою болѣзью. Мать, какъ бы продаетъ кому нибудь своего ребенка и получаетъ за это пять или десять копѣекъ отъ кого нибудь, хотя ребенокъ остается у матери навсегда, лишь бы считался проданнымъ. Иначе сказать, если у нея нѣтъ счастья на дѣтей, то по крайней мѣрѣ ребенокъ жилъ бы на счастье даннаго человека и, такимъ образомъ, пользовался чужимъ счастьемъ. А у вотяковъ все же не то: тамъ съ отрицаніемъ своего имени, или иначе сказать самого себя, большой какъ бы получаетъ новую жизнь подъ именемъ другого. При этомъ отрицаніе больной съ матерью должны стоять въ сѣняхъ за дверями избы жреца, а жрецъ въ избѣ спрашиваетъ: «кто тамъ»? Мать больного ребенка отвѣчаетъ: «изъ сыновей Имъес или Поска» и пр. (здѣсь называетъ имя родоначальницы). «Кто—же тамъ, Николай? (если имя больного Николай). Николай молчитъ,—мать Николая говоритъ: «нѣтъ». Потомъ жрецъ начинаетъ перебирать имена, пользующихся здоровьемъ. Тогда мать при нравящемся ей имени отвѣчаетъ «да». Потомъ пускаетъ жрецъ больного съ матерью въ избу и довершаетъ обрядъ моленія. Такимъ образомъ больной долженъ жить какъ бы другимъ человекомъ, подъ другимъ именемъ. Этотъ обрядъ не вездѣ впрочемъ встрѣчается. А что касается до общаго моленія взаменъ человека, то оно въ прежніе времена не замѣнялось животными, а приносили въ жертву самого человека, какъ это дѣлалось у славянъ,—славяне послѣ войны одного плѣннаго непремѣнно приносили въ жертву богу Перуну мужчинъ и женщинъ. Древніе финнкіяне, уже вышедшіе изъ совершенной дикости, приносили кровавыя человѣческія жертвы богу Молоху, предавая ихъ долгой и мучительной смерти. Эта жертва была избранная обществомъ противъ желанія приносимаго. Въ жертву приносились плѣнники и вообще враги народныхъ боговъ (см. Монаха Митрофана. Какъ живутъ наши умершіе. Т. 2-й стр. 71 и 494). Изрѣдка и до сихъ поръ бываютъ у вотяковъ даже христіанъ человѣческія жертвоприношенія, что хотя и дѣлается у нихъ чрезвычайно скрытно, однако же находятяся и факты, обличающіе ихъ въ преступленія этого рода. Мнѣ привелось лично видѣть тако-

го чловѣка, который былъ закалаемъ вотяками и едва избавившись былъ возвращенъ къ жизни. Это мѣшанинъ города Мензлинска, Уфимской губерніи, Петръ Игнатьевъ Рѣпинъ, въ настоящее время проживающій въ селѣ Березовкѣ, Уфимской губерніи, весь искалѣченный, вслѣдствіе поврежденія жилъ на шеѣ и на ногахъ. Онъ былъ прикащикомъ, теперь же лишень всякой возможности чѣмъ либо заняться, не можетъ ни читать ни писать. Онъ закаласъ былъ 6 дек. 1884 г. крешеными вотяками Елабужскаго уѣзда, Кураковской волости, деревни Макашасвой и получилъ 23 раны, 8 ранъ ножемъ и 15 ранъ шиломъ,—такъ признали доктора, говорить Рѣпинъ. Лѣчился годъ и 10 мѣсяцевъ у доктора г. Уфы Виноградова отъ сумасшествія и отъ ранъ у доктора г. Елабуги Крылова. Слѣдствіе производилъ судебный слѣдователь Загилловъ, судилъ Сарапульскій Окружный судъ въ 1885 г. 36 семействъ вотяковъ сослали въ Сибирь съ лишнѣемъ правъ, а въ мѣсто ихъ поселили русскихъ (писано со словъ самого Рѣпина).

Богу в замѣнѣ животныхъ. Взамѣнъ чловѣка приносится въ жертву богу жеребенокъ, телка бѣлаго или краснаго цвѣта. Въ прочемъ оба эти моленія сходны.

Всѣ вышесказанныя моленія хотя и не случайныя, однако и не постоянныя, потому что они хотя и обязательныя, но могутъ быть и отложены по нѣкоторымъ обстоятельствамъ. Случайными же могутъ быть по указаніямъ ворожцовъ экстреннымъ образомъ, такъ напр. при холерѣ хоронять живую собаку въ могилу и т. д.

8. Моленія общія случайныя.

Бѣсу межевому (полосы). Моленіе это производится послѣ дѣлежа земли или полосы. Для него полагаются бѣлая утка, чтобы посѣянное не пугалось, чтобы жать было легко и свободно. На утиномъ бульонѣ варятъ кашу. Хлѣбъ приноситъ жрецъ отъ себя и молить его и кашу. При этомъ употребляется хвоя. Часть бульона, каши и мяса, также и кости сжигаютъ въ огнѣ. Варятъ, молятъ и ѣдятъ на полѣ.

Мору. Это бывастъ при эпидемическихъ болѣзняхъ. Заключается въ закапываніи живой собаки въ могилу. Болѣзни у вотяковъ олицетворяются и представляются въ видѣ чловѣка или же иногда въ видѣ собаки. *Примѣаніе.* Могутъ быть моленія и другія подобныя этому въ непредвидѣнныхъ случаяхъ по указанію ворожцовъ.

9. Моленія родовыя постоянныя

Опредѣленіе рода (моленіе въ будзумъ-куалѣ въ старшемъ народовомъ шалашѣ).

Прежде чѣмъ говорить о моленіяхъ родовыхъ, необходимо предварительно знать, что такое родъ (по вотячки *высы*). Въ каждомъ селеніи первоначальныя насельники пресобладаютъ надъ новыми. Послѣдніе зовутся пріемными, поэтому всегда и во всемъ должны уступать первымъ насельникамъ; такъ оно и бывастъ. По роду или племени селенія вотяковъ можно

раздѣлить на два вида: селеніе состоящее изъ нѣсколькихъ семействъ, происшедшихъ отъ одной родоначальницы, и селеніе состоящее изъ нѣсколькихъ семействъ, происшедшихъ отъ нѣсколькихъ родоначальницъ. Въ первомъ случаѣ *будзым куа* стронется только одинъ, въ силу родственнаго чувства и для единенія духа, а во второмъ случаѣ—по количеству племенъ и то только въ тѣхъ случаяхъ, когда въ родѣ болѣе пяти—шести семействъ (дворовъ), въ противномъ случаѣ малосемейное поколѣніе принуждено бываетъ присоединиться и ходить въ шалаши съ чуждымъ поколѣніемъ и свою родоначальницу чтитъ совмѣстно съ тѣмъ въ общемъ шалашѣ или куалѣ. Каждое поколѣніе имя своей родоначальницы крѣпко помнитъ. Общее же названіе родоначальницы есть *будзым ин ву* (въ переводѣ на русскій языкъ—покровительница или начальница, небесная роса). Она считается покровительницею рода. Собственныхъ же именъ имъ много, у каждой свое имя, какъ то: *какса, можна, имъес, турья* и т. д. Родовой шалашъ, какъ глава всѣмъ семействамъ даннаго рода, чтится выше, хотя частныя шалаши каждаго семейства, называемыя *воршудъ*, Богъ счастья четы даннаго рода, тоже произошли отъ того же родоваго шалаша. Объ этомъ *воршудъ* сказано было выше. Число старшихъ родовыхъ шалашей служить показателемъ числа родовъ или племенъ вотяковъ, населяющихъ деревню или село. Каждый родъ, состоящій изъ нѣсколькихъ дворовъ или селеній, считающійся происшедшимъ отъ одной родоначальницы, знаетъ приблизительно, откуда онъ переселился и по какому случаю и душевно почитаетъ свою старину, т. е. ту мѣстность, откуда переселились его родители или прародители, ибо названіе рода всегда сохраняется. Возданіе чести одной и тойже родоначальницѣ какъ переселившимся такъ и оставшимся на старинѣ, ихъ духовно соединяетъ и внушаетъ имъ особенную взаимную любовь. Одинъ родъ, какъ видно, обнимаетъ собою лицъ, считающихся происходящими въ женской линіи отъ общей всѣмъ имъ мнѣической родоначальницы (Максимъ Ковалевскій. Первобытное право, 1-й вып. III гл. Материнскій родъ). Посему можно полагать, что по имени сей то родоначальницы и называли покровителя воршуда. Даже можно думать, что подъ видомъ воршудовъ и будзым ин ву—покровителей прежніе вотяки молились этимъ когда то счастливымъ родоначальникамъ.

Въ древнее время вотяки назывались не по отечеству, а по имени матери, или родоначальницы, ибо въ первобытное время, когда имѣтъ множество мужей не считалось порокомъ, не было возможности опредѣлить отца. Въ настоящее же время дѣти опредѣляются по отцу и матери. Положимъ, что на улицѣ стоятъ двѣ женщины, проходитъ мимо ихъ мужчина, женщины одна другую спрашиваютъ: «кто это идетъ?» и та отвѣчаетъ: *чолы муртъ*, т. е. чловѣкъ изъ рода чолы-родоначальницы его отца. Кто же? отъ Іеремія сынъ Ивановой Можги т. е. отецъ Иванъ, а мать Можга, т. е. жена Ивана зовется по имени родоначальницы ся. Это послѣднее показываетъ, что отецъ матери Іеремія рода Можги, а отецъ Іереміи изъ рода Чолы. Изъ сего видно, что родоначальница мужской линіи, равно и женской, сохраняется навсегда въ родѣ отца. Сынъ и дочь называются по

родоначальницѣ отца, но никакъ не по родоначальницѣ матери. Дѣвушка, пока она въ дѣвкахъ, называется по имени, а по замужествѣ уже ее люди называютъ по имени родоначальницы отца ея. Хранителями рода всегда являются мужчины, а не женщины, ибо замужняя женщина, пока она живетъ, носитъ имя отцовой родоначальницы, и дѣти ея носятъ имя отцовой родоначальницы а не имя родоначальницы матери или отца ея. Со смертію ея прекращается имя ея родоначальницы. А когда рождается у дѣвушки сынъ или дочь, пока она въ дѣвкахъ, въ такомъ случаѣ новорожденный въ послѣдствіи времени долженъ именоваться по родоначальницѣ дѣда. Родовые шалаши устроятся для одного рода мужчинъ, а не женщинъ, женщина свою родоначальницу чтитъ въ отцовомъ шалашѣ.

Избраніе служащихъ въ куалѣ. Въ родовомъ шалашѣ дѣйствующія лица избираются опытнымъ старшимъ ворожцемъ, *усто туно*. *Утисъ* и *торе* отказываются большею частію, сознавая свое недостойнство, т. е. тогда, когда по какому нибудь случаю не будетъ хорошаго платья, или когда сами или семейные заболѣютъ, какъ бы въ наказаніе за грѣхи за недостойное отношеніе къ своей обязанности. Выборъ также можетъ послѣдовать за смертію служащихъ. Въ такихъ случаяхъ созывается экстренный совѣтъ. По рѣшеніи дѣла совѣтомъ о необходимости избранія кого либо въ дѣйствующія лица, командируются болѣе опытные лица къ главному ворожцу, болѣе славящемуся, какъ имѣющему даръ свыше и мудрость въ выборѣ достойныхъ на должность лицъ къ богослуженію, чтобы выборъ состоялся какъ бы дѣйствительно по указанію самого дѣйствующаго черезъ достойнаго ворожца. Большею частію въ подобныхъ случаяхъ прибѣгаютъ къ *усто-туно* такому, который почти никого не знаетъ въ данномъ селеніи. Однако еще до прибытія ворожца, вотяки по своему усмотрѣнію приблизительно, или даже иногда точно, опредѣляютъ кандидатовъ, но въ этомъ случаѣ они желаютъ видѣть подтвержденіе своего мнѣнія, для вящей авторитетности избираемаго. Могли бы они метать жребій, но этого никогда не дѣлаютъ. Но и ворожцы въ этомъ случаѣ плутуютъ: подкупаютъ кого либо, чтобы узнать имена кандидатовъ, имѣющихся въ виду, но скрытыхъ отъ ворожца. Къ тому времени *утисъ* заказываетъ своей женѣ сварить кумышку, назначая ее собственно для предстоящей церемоніи. При этомъ соблюдаются особая тщательность и аккуратность. Самый приступъ къ куренію кумышки дѣлается не раньше, какъ предварительно вымывшись въ банѣ.

Впрочемъ у вотяковъ существуетъ обыкновеніе посвящать кумышку на счастье кого нибудь, предполагая, что данный человѣкъ можетъ быть счастливъ, авось на его счастье и удастся. Это дѣлается въ видѣ ошты. Если окажется удача, то значить, богъ благоволитъ тому человѣку, ибо во имя его удастся кумышка; если это случится, то имя того посвящаемаго человѣка никогда не перемѣняется, ему всегда воздается честь, такъ что послѣ курительницы снѣ первый начинаетъ угощаться.

Примѣчаніе. Въ семейномъ положеніи такое посвященіе бываетъ довольно часто. Какъ только родится, отъ скотины кто нибудь, тотчасъ-же общаютъ его сыну или дочери, тоже въ видѣ опыта, дабы Богъ его счастье охранялъ во имя своего питомца. Но если такого рода общанія не оправдаются, въ такомъ случаѣ перестаютъ посвящать тому лицу, какъ несчастливцу, и посвящаютъ тому, кто болѣе оказался счастливымъ; это называется по вотски *ниманъ*.

Мѣстомъ для выбора назначается будымъ куа, или же камната утися. Призываютъ игрока на гусляхъ, на которыхъ онъ въ присутствіи усто туно играетъ на установленный мотивъ прировнительно къ данной церемоніи. Это есть священный тонъ или мотивъ, точно также священнымъ и благоугоднымъ Богу музыкальнымъ орудіемъ признаются только единственно гусли, прочіе же инструменты признаются запрещенными Богомъ. Въ комнатѣ ставится столъ съ бѣлой скатертью, на немъ три коравая хлѣба изъ яровой муки; хлѣбы обыкновенно мажутся масломъ, на хлѣбы кладется лепешка изъ яицъ; ставятъ тутъ же въ жбанѣ пиво и по полной бутылкѣ кумышки изъ каждаго двора. Кумышка для моленія употребляется изъ начального перваго куренія—она признается священной и называется *тыр омл*. Жена утися варитъ кромѣ того въ назначенный день кашу и печетъ хлѣбы, варитъ пиво, потребное на столъ къ тому времени; для этого жертвуютъ муки, соли, крупы и пр., у кого чего есть, дабы принять участіе всѣмъ. Выбираютъ утися на 12 лѣтъ. Обрядъ шествія за водой на рѣку для куренія кумышки совершается послѣ бани въ полномъ нарядѣ непременно женщинами въ благоговѣйномъ настроеніи духа; иную воду кромѣ рѣчной употреблять не дозволяется. Когда всѣ окажутся въ сборѣ мужчины и женщины, усто туно одѣвается въ бѣлое, обувается въ валенки, опоясываютъ его полотенцемъ, надѣваютъ на голову долгій остроконечный бѣлый чехоль. (Надо имѣть въ виду, что выборъ бываетъ обыкновенно лѣтомъ, когда *ин ву* находится на цвѣтахъ растений. Осенью или зимой не выбираютъ, тогда въ крайнемъ случаѣ допускается исправлять должность утися). Все это дѣлается обыкновенно въ домѣ старшаго утися. Начинается въ тоже время и игра на гусляхъ на данный мотивъ. Утисъ кладетъ старую серебрянную монету на столъ. Затѣмъ начинаетъ разсматривать бутылки, принесенныя изъ каждаго двора, годна или негодна въ нихъ кумышка, при этомъ случается, что иную бутылку онъ возвращаетъ хозяину, какъ неблагоугодную Богу. Заключаетъ же онъ это изъ того, что будто въ годныхъ онъ видитъ горящую восковую свѣчу, а въ негодныхъ головешку, причемъ причину этой разницы видитъ въ нечистоплотности, колдовствѣ и пр. Послѣднее по мнѣнію его есть недостатокъ или порокъ, не смотря на то, что каждый усто туно долженъ быть свѣдущъ въ колдовствѣ, и это считается не отъемлемой принадлежностью его. Потомъ усто-туно беретъ вмѣсто не допускаемой при моленіяхъ рюмки деревянную чашку самаго малаго формата, употребляемую вотками при моленіяхъ и по вотски называемую «чарка», наливаетъ въ нее кумышки изъ бутылки жены утися, опускаетъ въ нее серебрянную монету и ворожить, сидя за столомъ. Съ нимъ рядомъ сидитъ торе, около стола

на стулъ утись,—при этомъ глаза его наводятся то на монету, которая въ чаркѣ, то на небо. Далѣе усто-туно начинаетъ плясать на тактъ, который выигрывается игрокомъ на гусляхъ. Въ правую руку беретъ нагайку (по востски *урис*), черенъ которой долженъ быть изъ таволжки для разогнанія нечистыхъ духовъ, ибо таволжка имѣетъ такую силу, что имѣющей ее въ рукахъ не можетъ испытать на себѣ никакихъ дьявольскихъ козней и внушеній. Въ лѣвую же руку онъ беретъ саблю, при этомъ всѣ стоятъ, только одинъ тѣре сидитъ безъ шапки. Саблю при пляскѣ усто туно бросаетъ въ дверь, такъ чтобы сабля воткнулась въ нее, не задѣвая присутствующихъ. Это составляетъ его ловкость и опытность. Самъ же послѣ того валится на полъ, народъ при этомъ встаетъ на колѣни, усто-туно начинаетъ выкликать или по ихъ мнѣнію прорекать имена, которые должны быть дѣйствующими лицами при молснїяхъ въ шалашѣ. Если не окажется лицъ съ такими именами, то его поднимаютъ утись и тѣре: самъ онъ не въ состоянїи встать, такъ какъ онъ сильно затянутъ бываетъ опояской. Усто-туно снова продолжатъ плясать и опять падаетъ на полъ; это можетъ повторяться до трехъ разъ. Случается, что онъ падаетъ, говорятъ, на разведенный огонь и тогда онъ не жжется; при паденїи усто туно иногда испускаетъ изврта пѣну. Выборъ иногда не можетъ состояться вслѣдствїе не опытности усто-туно, или по ихъ мнѣнію, его грѣховности. Въ такомъ случаѣ народъ сильно негодуетъ противъ такого самозванца и отправляетъ его на мѣсто жительства безъ всякой чести, но однако на лошадяхъ, ибо о всякомъ безчестїи станеть повсюду извѣстно и вслѣдствїе этого могутъ отказаться ѣхать къ нимъ и прочіе усто-туно. Если же выборъ состоится, усто-туно, когда поднимутъ его, садится около чарки, заставлятъ избраннаго вставать на колѣни и потомъ ударятъ по нему 12 разъ нагайкой, обозначая этимъ, что онъ избирается на 12 лѣтъ. Однако онъ, зная напередъ, нарушитъ ли избираемый или соблюдетъ дисциплину требующую его службой, можетъ уменьшить годы прохожденія должности. При нанесенїи ударовъ усто-туно говоритъ: «соблюдай чистоту, не будь безчестнымъ, избѣгай блудолѣбнїй». Потомъ заставлятъ жену избираемаго въ утиси стать на колѣни, и сїи тоже самое говорить, что и мужу ея.

Примѣчаніе. Остальныхъ должностныхъ лицъ можно избирать безъ всякихъ церемонїй, или же избираются въ одно и тоже время съ утисемъ. На должность утиса нельзя выбирать холостаго и вдоваго, но непременно женатаго; остальные могутъ быть и вдовые, но не холостые.

Потомъ, отвѣдавъ изъ чарки, усто-туно передаетъ ее вновь избираемымъ. Пока сабля съ дверей не снята, входъ и выходъ запрещается, потомъ снимаетъ саблю и отправляются въ будымъ квала, а народъ расходится подъ звуки все время не прекращавшейся игры на гусляхъ. Путь къ куалу усто-туно совершаетъ пѣшкомъ, приплясывая подъ тактъ гуслямъ. Утись старый съ женой, новый утись съ женой, тѣре съ женой и усто-туно въ куадѣ садятся такъ же, какъ сидѣли въ домѣ при избранїи новаго утиса, и такъ же совершается молснїе, какъ обыкновенно въ шалашѣ. Туно вливаетъ въ чарку кумышку изъ трехъ бутылокъ—тѣре стараго утиса и новаго, въ дру-

гую чарку также изъ трехъ бутылокъ пива и ставитъ на столъ. Женщины достаютъ изъ котла кашу, утку и гуся и кладутъ въ разныхъ чашкахъ, передастъ—жена стараго утиса передастъ ихъ своему мужу, вмѣстѣ съ двумя яревыми хлѣбами. Все это кладется на столъ, потомъ старый утисъ начинаеть молить, сперва хлѣбы, потомъ кашу, кумышку и пиво, при этомъ послѣ каждаго моленія часть ихъ бросается въ огонь въ жертву, остальное ставится на столъ съ словомъ берекет, т. е. благодага. Потомъ утисъ молить мясо, но часть ихъ не кладется въ огонь. Въ это время всѣ стоятъ, кромѣ тѣре, онъ сидитъ. Дальше тѣре беретъ кумышку, говоря: *Оста*, т. е. Господи благослови и передастъ утисю утисъ беретъ съ тѣмъ же восклицаніемъ и передаетъ усто-туно, потомъ женщинамъ, при этомъ каждый пьетъ понемногу, какъ священное. Послѣ этого всѣ, что было, приготовлено, вносятся въ избу стараго утиса. Новый утисъ при этомъ наблюдаетъ за всѣми пріемами, хотя и раньше ему не разъ доводилось видѣть, но теперь онъ слѣдитъ въ силу необходимости. Въ избѣ у утиса туно начинаеть плясать, послѣ себя заставляя плясать и утиса стараго; потомъ пляшутъ жена этого утиса, потомъ тѣре, за нимъ жена тѣре, дальше новый утисъ, за нимъ жена его, дальше повора, за ними жены ихъ. Остальныя присутствующія женщины угощаютъ другъ дружку кумышкой, должностныхъ лицъ и прочихъ мужчинъ и ѣдятъ тс, что поставлено на столъ, т. е. кашу, хлѣбъ. Затѣмъ усто-тоно поѣтъ и со словомъ: «такъ пойте», заставляеть послѣ себя пѣть старыхъ должностныхъ лицъ, потомъ и вновь избранныхъ. Здѣсь уже новички садятся за столъ вмѣсто старыхъ. Потомъ б человекъ, упомянутыя уже лица, встаютъ на колѣни и туно беретъ чарку съ серебряною монетою, которая оставалась въ избѣ стараго утиса во время отлучки его въ куалу, передаетъ тому, кто спустил монету, обыкновенно которому нибудь изъ утисей. Эта монета становится священнымъ предметомъ. Вотъки это священнодѣйствіе сравниваютъ съ молсбномъ. Сказавъ при этомъ: *дземь мед уломы илау* («благослови, небесная вода или благодать, жить въ благополучіи»), отвѣдывають каждый, какъ сказано выше, соблюдая при передачѣ одного другому старшинство. Отъ стараго утиса ѣдутъ съ колоколами къ новому, оттуда къ старому и новому тѣре а также къ повару, и съ собой берутъ игрока на гусяхъ. Здѣсь порядокъ соблюдается тотъ же, что и у стараго утиса—пьютъ кумышку, пляшутъ, поютъ и т. д.

Рѣдко доводится избирать много должностныхъ лицъ, а большою частію одного или двухъ и для одного какого либо рода, но однако иногда участіе въ томъ принимается вся деревня. Въ с. Бурановѣ Сарапул. уѣзда. Вятской губерніи подобный выборъ состоялся не особенно давно. Вотъ разсказъ крестьянина того села М. С. «Когда я былъ луд утисъ, или иначе луд асаба, т. е. начальникомъ луда, или какъ говорить керемети¹⁾, то вмѣстѣ

¹⁾ *Примѣчаніе.* Кереметью называется стоячій на полѣ густой лѣсъ, въ которомъ совершается моленіе или жертвоприношеніе луду. Но этотъ лѣсъ

съ своими товарищами тѣре и порчась надумали получить отставку, поэтому мы отправились въ Учу къ усто-туно, какъ болѣе славящемуся лиду, но по справкамъ онъ оказался въ отлучкѣ,—онъ избиралъ таковыхъ же служащихъ, какъ и мы, въ дер. Малой Бодѣ. Здѣсь мы правлялись у крестьянина о его опытности и даровитости,—оказался подходящимъ. Когда мы зашли къ нему на квартиру, я предложилъ серебрянную двадцатикопѣечную монету (*югезь*, т. е. святыня или даръ); онъ принялъ, монета присталъ къ концу безымяннаго пальца его съ нижней стороны¹⁾.

Посмотрѣвъ на монету, онъ воскликнулъ, «О, ты, асаба» (начальственнос лицо) и сталъ плясать отъ радости, потомъ спросилъ: «чему же ты начальникъ?» я сказалъ: узнай самъ. Онъ отвѣтилъ: «ты начальникъ луда». Я, взволнованный, не вытерпѣлъ и прослезился. Товарищъ мой тоже предложилъ такую же монету, положивъ на столъ, усто туно, касаясь пальцемъ предложенной ему монеты, трижды пытался также зацѣпить объ палецъ, но не успѣшно; возвративъ монету по принадлежности, потребовалъ отъ него другую монету; послѣдняя оказалась подходящей. Посмотрѣвъ на нее или, сказать иначе, повороживъ на ней, сказалъ ему: «ты не подходящъ къ своей обязанности, несчастливъ ты, неподходящъ потому, что жена твоя,—дочь будымъ куа утися, тебѣ нельзя быть тѣре». Потомъ велѣлъ привезти тамгу, въ видѣ приговора, о которомъ было объяснено на своемъ мѣстѣ, и приѣхать за нимъ въ село Учу. Заручившись на сходѣ этимъ приговоромъ, мы на другой же день отправились къ нему. Я опять предложилъ югезь, потомъ предложилъ и тѣре, спрашивая о годности или негодности товарища своего парчась. Онъ посмотрѣлъ на югезь (ею можетъ быть и мѣдная монета) и отвѣтилъ: «какъ звѣзда этотъ человекъ, есть у него одинъ бѣлокурый сынъ, до его совершеннолѣтія пусть исправляетъ свою обязанность» (слѣдовательно сынъ его пріятенъ Богу), и еще добавилъ: «у васъ два ин ву» (т. е. старшихъ шалаша). Въ лудѣ, т. е. керемети, у васъ състь береза, она уже упала, лежитъ на землѣ, свинья изгрызла се луд былъ загороженъ, но теперь заброшенъ, нужно загородить, есть и подрастающій лѣсъ, есть и лиственный стоячій лѣсъ, сзади есть и сосна». Выѣхали на дорогу. «Если вы счастливы, все сдѣлаю, если же нѣтъ у васъ счастья, я не въ силахъ все устроить; мнѣ велѣно только 9 ин ву искать, а я теперь превысилъ, у насъ только старшій усто-туно можетъ искать 12 ин ву и не болѣе». Истопили баню, его переодѣли въ бѣлую одежду, все это взялъ онъ отъ тѣре, какъ то рубашку, штаны, лапти и портянки, *шотдэрэмъ* (верхній бѣлый кафтанъ), потомъ отъ меня, какъ отъ луд утися, взялъ полотенце, которымъ опоясали его два человекъ туго-на-туго, и 8

не слѣдуетъ смѣшивать съ молельнями на поляхъ, ибо молельни тоже иногда состоятъ изъ стоячаго густаго лѣса, и непременно на каждомъ полѣ, но лудъ или кереметь бываетъ только на одномъ полѣ.

¹⁾ *Примрчаніе.* Это считается чудомъ; иногда усто-туно съ этой югезью вертитъ рукой кругомъ головы, прежде чѣмъ начинаетъ ворожить.

аршинъ бѣлаго тонкаго холста, которымъ обвилъ голову, но безъ шапки. Тѣмъ временемъ и народъ собрался, женщинъ не было. На столѣ были приготовлены бутылки съ кумышкой и чарка отъ луд утисъ. Затѣмъ усто-туно сталъ изъ бутылокъ лить кумышку въ чарку понемногу, но изъ одной бутылки отказался брать кумышку, сказавъ, что не годится. Хозяинъ бутылки возразилъ: «почему не годится? вѣдь у насъ никто колдовствомъ не занимается, и кумышка чиста»—«Не оттого, что нечисто, отвѣтилъ усто-туно: и не оттого, что сила вражяя есть, но не знаю, отчего горить свѣча, если бы въ васъ была сила вражяя, то вмѣсто свѣчки бы горѣла головашка». Потомъ когда кончилъ лить кумышку въ чарку, вышли всѣ во дворъ молиться, чарку самъ молилъ, прося успѣха во имя бурановскихъ людей. Потомъ опять вошли въ избу и самъ внесъ чарку, выпивъ нѣсколько, передалъ мнѣ, я попивъ немного передалъ тѣре, а тѣре парчасю и т. д.; такимъ образомъ выпили всё. Изъ этой бутылки, въ которой горѣла свѣча по словамъ усто-туно, велѣлъ мнѣ налить въ чарку и молить во дворѣ особо; насъ вышло три человѣка. А изъ бутылки той велѣлъ намъ все выпить, равно и изъ чарки. Саблю свою усто-туно однимъ концемъ поставилъ на голову, такъ что другой конецъ чуть не касался потолка, уронилъ на полъ намѣренно и сабля воткнулась въ полъ. Повторялось это до двухъ разъ. Въ правой рукѣ у него въ это время была нагайка, черенъ которой со-ставленъ изъ таволожника на страхъ врагамъ. Потомъ велѣлъ играть на гусляхъ, а самъ сталъ плясать, во время пляски онъ вдругъ упалъ, такъ что пѣна пошла изо рта. Затѣмъ, находясь въ такомъ положеніи, крикнулъ «Митрофанъ!» Народъ спросилъ: «который?—у насъ ихъ два». Онъ отвѣтилъ: «тотъ, который 12—13 лѣтъ!» а другой былъ моложе еще. Потомъ сказалъ: «Тѣре Асаба (т. е. начальникъ тѣре), киме палале, значитъ выпрямте мои руки. Руки у него въ то время околѣбли. Мы подняли, онъ сказалъ: «иногда изъ люльки ребенокъ попадаетъ и тогда замѣняетъ его отецъ»; при этомъ сказалъ народу: «Тѣре Асабу не стегайте: хлѣба ваши Богъ градомъ побьетъ». Потомъ велѣлъ народу встать на колѣни для возношенія благодарности усто-туну и намъ. Мы сидѣли, и когда встали на колѣни всѣ сказали: тау. т. е. благодарю. До избранія народъ просилъ усто-туно, чтобы онъ поступалъ добросовѣстно, т. е. чтобы не подкупалъ кого нибудь для своей выгоды. За труды усто-туна выдали 5 руб. отъ общества. Далѣе онъ ходилъ по домамъ угощаться—къ служащимъ Луду и т. д.

Моленіе въ родовомъ шалашѣ (куалѣ) ^ППослѣ каждаго моленія въ частномъ шалашѣ, т. е. куалѣ, что бываеъ наканунѣ праздника вечеромъ,—ходятъ въ старшій шалашъ, въ бузым ин ву (небесная вода): Утромъ въ самый праздникъ, пекутъ лепешки, блины, мажутъ ихъ масломъ, кладутъ на тарелку, на столъ стелютъ бѣлую скатерть, на которую ставится тарелка съ лепешками. Хозяинъ посидѣвъ выходить съ блинами во дворъ и молится на югъ (поэтому къ заутрени вотяки не любятъ ходить въ церковь; а ходятъ къ обѣднѣ, когда наѣдятся блиновъ табаней).

Предъ сборами въ будзым куала жены будзым куа утись и төре варять кашу съ масломъ; а мужья готовятъ столъ, настилають бѣлую скатерть, на сѣну вѣшаютъ полотенце. Утись кладеть на столъ два хлѣба изъ яровой мѹки, намазанныхъ сверху масломъ на хлѣбъ, также кладеться масло, рядомъ кумышка и пиво; также поступаетъ и төре, каждый распоряжается своимъ, иногда бываютъ и яйца. Изъ хлѣбовъ одинъ полагается на полкъ, гдѣ вмѣстилище будзымъ ин ву, отъ имени утиса и төре съ молитвой. Этотъ одинъ хлѣбъ собственно полагается отъ имени двухъ женщинъ и отъ имени двухъ мужчинъ. Затѣмъ одинъ хлѣбъ отъ утиса и одинъ хлѣбъ отъ төре полагаются въ общую деревянную чашку, а на верхъ ихъ масло. Если это совершается зимой, то подъ скатерть кладутся сучки хвойнаго дерева, если же лѣтомъ, то лиственнаго. Кашу утись кладеть въ свою чашку, приходящiе несутъ кумышку въ полуштофѣ, утись ставитъ ихъ всѣ на столъ. Предъ молитвой утись вливаетъ изъ каждой бутылки въ свою маленькую деревянную чашку. Потомъ утись начинаетъ молиться, всѣ стоятъ въ шапкахъ, женщины стоятъ на правой сторонѣ, одинъ төре сидитъ въ переднемъ углу за столомъ лицомъ къ мужчинамъ, тоже въ шапкѣ, и жена его въ другомъ углу за столомъ. Когда кланяются молящiеся стоя на ногахъ, кланяются и төре съ женой. Сперва молятъ хлѣбъ съ масломъ и мясо, потомъ кашу, затѣмъ пиво и кумышку, послѣ всего часть моленныхъ яствъ кладеться въ огонь, чтобы дымъ ихъ вознесся къ Богу. Потомъ начинають оставшеся по немногу пить и ѣсть, чтобы каждому достало. Изъ полуштофовъ даетъ каждая женщина въ своей чаркѣ утисю төре и прочимъ, потомъ другъ другу. Послѣ этого поють: «старшая небесная вода, тебя вспоминаеть, просимъ и молимъ, покланяемъя тебѣ во имя твое, не прогнѣвайся на насъ». Потомъ предъ самымъ уходомъ снимають шапки, и дѣлають одинъ поклонъ стоя и расходятся по домамъ.

10. Моленiя родовыя непостоянныя.

Моленiя эти непостоянныя но, и не случайныя. Къ случайнымъ могутъ отнестись только такiя моленiя, когда моленiе совершается по указанiю ворожца, а не по обыкновенiю. Однакоже эти моленiя и непостоянныя, ибо ихъ можно по нѣкоторымъ обстоятельствамъ и отлагать.

Моленiе черной овечки. Кромѣ того, что въ будзым куалѣ бываеть моленiе передъ каждымъ праздникомъ, бываеть еще моленiе подъ осень, когда скотъ поправится, именно жертвоприношенiе черной украшенной овечки такимъ же образомъ и съ тою же цѣлью, какъ это бываеть при жертвоприношенiи такой же овечки всей деревней, только злѣсь все совершается въ шалашѣ. (см. выше).

Моленiе жеребенка.

О благосостоянiи цѣлаго рода приносится въ жертву саврасый жеребенокъ. Такъ какъ жеребенокъ не воровски достается, то и моленiе совершается съ надлежащемъ приготовленiемъ: къ назначенному дню пекуть ярушники,

варятъ пиво и кумышку. Два хлѣба, бутылка кумышки и въ жбанѣ пиво несутъ въ куалу; хлѣбы, какъ и всегда, несутъ въ деревянной чашкѣ за-вернутые въ узелъ скатертью. Кромѣ того жрецу несутъ изъ каждаго дома на предметъ приготовленія жертвы съѣстные припасы,—крупу, соль и т. д.

До закланія приносятъ хвою, часть ея стелется подъ скатерть, часть на мѣсто закланія подъ жеребенка и часть для обливанія водой чрезъ нее животнаго. Жеребенка окачиваютъ водой трижды. Переднія ноги опутываютъ путами, а заднія связываютъ веревками, на голову надѣвается недоузлокъ. Затѣмъ жеребенка „закаляютъ“. Жрецъ или всѣяеъ начинаеть молить сперва свои хлѣбы, пиво и кумышку и послѣ каждаго моленія часть моленнаго бросается въ огонь. Послѣ этого кумышку изъ бутылкѣ принятыхъ отъ людей отливаютъ въ одну чарку, также и пиво, потомъ снова начинаютъ молить ихъ хлѣбы, кумышку и пиво, часть также ихъ бросаютъ въ огонь. Кровь льютъ въ котель. Поваръ готовитъ въ томъ котлѣ бульонъ, часть котораго берется въ чашку, куда крошатъ мясо для моленія: часть бульона и мяса бросается въ огонь, затѣмъ поваръ готовитъ изъ оставшагося бульона кашу, которая опять молится и часть ея опять спускается въ огонь. Между моленіемъ хлѣбовъ, какъ сказано было выше, два немоленныхъ хлѣба поднимаютъ на полку, въ передній уголъ устлан-ный хвоей, в оршуду отъ имени мужчинъ и женщинъ. Эти хлѣбы отъ хранителя, или утиса, или же жреца (его жена преимущественно предъ другими отличается чистоплотностью). По окончаніи моленія хлѣбовъ эти два хлѣба съ мясомъ снимаютъ съ воршуда и молятъ, часть ихъ бросается въ огонь, затѣмъ каждый старается принять часть моленныхъ хлѣбовъ, пива и кумышки, какъ сказано выше. Ёсть же надлежащимъ образомъ кашу ходятъ въ избу жреца, тутъ же пьютъ кумышку, пиво. Послѣ ѣды и питья компадируются поводить кости на лошадахъ съ колколами и пѣснями; для этого кости и хвоя кладется въ лукошко и отвозятся въ поле подъ ель, тутъ же оставляются лукошки и узды. Тутъ напиваются до пьяна, по прїѣздѣ же опять начинаютъ пировать.

Дополненіемъ или заключеніемъ этого моленія служитъ моленіе гусей; если не успѣютъ его молить въ тотъ же годъ, на другой уже годъ молятъ двухъ гусей. Образъ моленія такой же. Моленіе это называется узда или по вотяцки серметъ. Не всякое моленіе требуетъ узду. Узда должна быть при всѣхъ тѣхъ моленіяхъ, когда приносится въ жертву кѣмъ нибудь лошадь. Какъ лошадь, такъ и гусь, у вотяковъ замѣняютъ цѣну человѣка, потому они одна отъ другой не отдѣляются при жертвоприношеніяхъ, какъ узда есть принадлежность лошади.

Моленіе теленка. При этомъ моленіи нѣтъ ничего особеннаго. Образъ моленія такой же. Только къ этому моленію присоединяется жеребячье мясо, чтобы какъ теленокъ такъ и жеребенокъ дошли до Бога совмѣстно. Въ этомъ случаѣ узда не полагается. Хлѣбы на полу воршуду не полагаются.

11. Моленія родовыя случайныя.

Моленія случайныя, какъ выше было сказано, бывають по особенному какому нибудь случаю, напр. въ родѣ, когда требуется перемѣнить шалашъ, или мѣсто для шалаша назначить другое болѣе удобное или счастливое мѣсто. Несчастливымъ мѣстомъ шалаша называется тогда, когда въ родѣ преобладаетъ какой нибудь недостатокъ, напр. болѣзни. Въ такомъ случаѣ родъ командируетъ пословъ къ ворожцу, чтобы привезти его для опредѣленія мѣста для шалаша.

12. Моленія посемейныя постоянныя.

Моленіе въ куалѣ. Обязательныя моленія бывають только въ началѣ каждаго праздника. Праздниковъ такихъ у вотяковъ много. Такъ наприм., а) весною повсемѣстно празднуется Пасха.

Примчаніе: Послѣ Пасхи въ честь лужка у вотяковъ бываетъ еще жертвоприношеніе, такъ называемый «гуждоръ джукъ», каша въ честь лужайки. Это то же, что и общественное моленіе на полѣ, о которомъ было уже сказано выше на своемъ мѣстѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ гуждоръ джукъ не существуетъ, но за то существуетъ «свизѣнъ» (свизѣн вильдось), т. е. общаніе, замѣняющее оное.

б) Лѣтомъ Петровъ день тоже должно быть празднуется вездѣ, потому что вотяки подъ словомъ *гужемъ йуон*, т. е. лѣтній праздникъ, вездѣ подразумѣвають, кажется, Петровъ день. Послѣ чего бываетъ моленіе въ лудѣ, передъ сѣнокосомъ, о чемъ было изложено на своемъ мѣстѣ. Троица тоже празднуется въ честь лѣсовъ, ибо послѣ нея начинаютъ снимать лубья. Вообще вотяки за работу любятъ вѣзяться послѣ праздника.

б) Осенью въ иномъ мѣстѣ Михайловъ день, въ иномъ Покровъ, смотря потому, гдѣ какъ установлено обществомъ.

г) Зимой Крещеніе или Рождество или же новый годъ и затѣмъ масленица, повсемѣстно и обязательно. Тутъ уже отразилось вліяніе христіанства на вотяковъ.

Подготовительныя дѣйствія. Передъ каждымъ праздникомъ, который они проводятъ въ пьянствѣ и необузданномъ развратѣ, каждый вотякъ молится въ своемъ шалашѣ. До наступленія самаго праздника, предварительно запасаются всѣми потребными къ празднику предметами—мукой, мясомъ, масломъ, пивомъ и кумышкой, а наканунѣ праздника моются въ банѣ, какъ и всегда дѣлается предъ моленіемъ. Въ самый праздникъ утромъ домохозяйинъ идетъ въ ближайшій лѣсъ за хвоей, а лѣтомъ за вѣтвями лиственнаго лѣса. Принесши тѣ или другія, кладетъ въ шалашѣ на покрытый бѣлою скатертью столъ, за столъ на нару кладетъ подушку, вѣшаетъ

на стѣнку полотенице. Жена тѣмъ временемъ печеть хлѣбы и варить кашу съ мясомъ, лѣтомъ въ шалашѣ, зимою въ избѣ. Въ послѣднемъ случаѣ хозяинъ самъ разводитъ въ шалашѣ огонь для моленія, такъ какъ часть молимаго должна сжигаться въ шалашѣ. Когда все готово въ шалашѣ, жена въ избѣ на столъ стелетъ чистую скатерть, и на столъ кладетъ все потребное для моленія, какъ то: 4 хлѣба, на верху которыхъ должно быть мясо и масло, бутылку кумышки, называемую *тыр выл*, и пиво въ деревянной посудинѣ, называемой *сарба*, по-русски буракъ или туесь. Когда все это готово, мужъ садится и затѣмъ, вставъ съ мѣста, безъ шапки дѣлаетъ къ югу поясной поклонъ и беретъ 4 хлѣба. Если у него есть сынъ, то изъ нихъ даетъ ему одинъ или два хлѣба, чтобы онъ помогъ ему нести въ шалашъ. Жена изъ рукъ мужа беретъ кумышку и пиво; если есть дочь, то ей даетъ пиво или кумышку, и такимъ образомъ отправляются въ шалашъ: впереди хозяинъ съ сыномъ или сыновьями, потомъ жена его съ дочерью или дочерьми. Въ шалашѣ хозяинъ сперва самъ кладетъ на столъ изъ своихъ рукъ, потомъ беретъ отъ сына, кладетъ также на столъ, а потомъ беретъ отъ жены и отъ дочери и также кладетъ на столъ. Послѣ этого хозяинъ начиняетъ наливать въ двѣ маленькія деревянныя чашки кумышку и пиво. Беретъ обѣими руками два хлѣба другъ на другѣ, на хлѣбахъ яичницу и на яичницѣ мясо. Нужно замѣтить, что при этомъ во все время молитвы шапка не снимается съ головы, хотя въ шалашахъ у многихъ вотяковъ имѣются въ переднемъ углу иконы, снимается же шапка обыкновенно при поясныхъ поклонахъ, при этомъ предметъ моленія находится въ лѣвой рукѣ; здѣсь поклоны полагаются лишь въ видѣ киванья головой, но отнюдь не съ крестнымъ знаменіемъ.

Послѣ моленія 2 хлѣба кладутся въ воршудъ, изъ остальныхъ двухъ хлѣбовъ съ масломъ сверху одинъ не молятъ до другого дня и болѣе вмѣстѣ со скатертью, второй же съ масломъ молятъ. Послѣ молитвы изъ воршуда берутъ два хлѣба и молятъ снова и кладутъ часть въ огонь. Потомъ молятъ кумышку, пиво. Части хлѣба раздаются изъ-за печки женщинамъ. Потомъ хозяинъ беретъ все и идутъ во дворъ изъ *куалы*, здѣсь поминаетъ бога Луда и *акташ*. Дѣлаетъ поклоны богу на югъ-востокъ, луду на сѣверо-западъ, акташу на сѣверъ.

Части раздаются для вкушенія тутъ же и опять возвращаются въ куалу. Во дворъ выходятъ мужъ и жена. Въ то время, когда молятъ пиво, кумышку держитъ жена, а когда молятъ кумышку, то пиво держитъ опять жена. Также и въ куалѣ, когда хозяинъ молить хлѣбы, пиво и кумышку держитъ кто либо изъ семейныхъ, когда молить пиво, то хлѣбы и кумышку держатъ семейные и наоборотъ, когда кумышку, то пиво и хлѣбы держитъ ктонибудь изъ семейныхъ. Такимъ образомъ, когда все бываетъ уже молено, части сожигаются въ огнѣ и по части моленнаго дается для вкушенія каждому.

Предъ уходомъ изъ куалы мужъ дѣлаетъ поясной поклонъ, снимая при этомъ шапку, тоже дѣлаютъ и семейные. Чашка, ложка и все прочее,

все что только употребляется при моленіи, считается священнымъ и неприкосновеннымъ для прочихъ лицъ и на другой предметъ никогда не употребляется; то же скатерть и полотенце (только не подушка). *Лыс* (хвоя) остается до другого праздника, когда сожигается на огнѣ и замѣняется свѣжимъ, который опять остается до другого праздника, и также впоследствии сжигается. Два хлѣба, воршуду данные, означаютъ мужа и жену, поэтому ихъ чужимъ никому не даютъ: женинъ хлѣбъ (внизу лежащій) она одна только и ѣсть, а мужъ—свой, ихъ не ѣдятъ даже дѣти. Ёсть эти хлѣбы долженъ каждый самъ, потому что иначе, если въ случаѣ болѣзни придется идти къ ворожцу, то не откроется свыше причина болѣзни.

Если же молится въ куалѣ вдовой человекъ, то онъ, какъ не имѣющій пары, молится съ однимъ хлѣбомъ.¹⁾

При моленіяхъ въ куалѣ, какъ и при другихъ моленіяхъ, мужчины стоятъ на лѣвой сторонѣ, а женщины на правой; ихъ отдѣляетъ мѣсто котла, замѣняющее печь, гдѣ варятъ пищу.

Моленіе въ куалѣ можетъ быть по мѣстности въ различное время.

Праздники у вотяковъ хотя и совпадаютъ съ русскими христіанскими праздниками, но все же независимо отъ нихъ. У нихъ собственно были и есть свои праздники, напр.: *тулмс геры* (геры шьд, гуждор джукъ), *гужем ион*, *свизыль юон*. Но все же стараются, чтобы они совпадали съ русскими христіанскими праздниками. Такъ, напр., въ с. Юскинскомъ таковыхъ праздниковъ 7: въ Пасху, въ Троицу, въ Петровъ день, въ Покровъ, въ Екатерининъ день, въ Крещеніе, въ масланицу.

Воршудъ или *вожшудъ*, богъ счастья, которому посвящается жертвенный хлѣбъ, обитаетъ въ куалѣ (шалашѣ) каждаго домохозяина-вотяка. Здѣсь его мѣстомъ считается лѣвый уголь съ южной стороны на полицѣ; для этого и дѣлается мѣсто изъ досокъ въ видѣ скамейки.²⁾ Самое поднятіе хлѣба называется: *«выль мылонъ»*. Само собой разумѣется, мѣсто воршуда должно быть мѣстомъ чтимымъ. Воршудъ есть покровитель каждаго семейства. Онъ вотяками представляется отдѣльнымъ для каждаго домохозяина. Вожшудъ имѣетъ кромѣ общаго имени нарицательное,—по имени родоначальницы семейства по мужской линіи. Вотякъ ни за какія блага не согласится лишиться покровительства своего воршуда, пока онъ не познаетъ сусту язычества, въ противномъ случаѣ это значило бы лишиться земного счастья. Это выражается слѣдующимъ образомъ. Сынъ или братъ, жившій съ малолѣтства вмѣстѣ съ отцемъ или братомъ въ одномъ домѣ, когда расходится съ нимъ, старается уйти съ его благословеніемъ. Варятъ предварительно пиво, кумышку и пекутъ хлѣбы и мужъ съ женой и, если есть, съ дочерью, омывшись въ банѣ и одѣвшись въ чистое праздничное одѣяніе, полъ вечеръ съ кумышкой въ бутылкахъ, пивомъ и хлѣбомъ, завернутымъ въ узлѣ, идутъ въ родитель-

¹⁾ Впрочемъ въ иныхъ мѣстахъ кладется одинъ хлѣбъ всегда.

²⁾ а въ иныхъ мѣстахъ дѣлается изъ лубковъ.

скій или прародительскій домъ, кладутъ хлѣбъ и кумышку на столъ. Потомъ изъ избы выходятъ въ шалашъ. Тамъ въ рукахъ отдѣлившагося долженъ быть бѣлый и чистый кусокъ холста. На этотъ холстъ хозяинъ, оставшійся въ старомъ домѣ, со словами «даю воршудъ», три раза кладетъ шепоткой зоѣ изъ шалаша и затѣмъ этотъ холстъ съ золой кладетъ на столъ, накрытыи скатертью, при чемъ подъ скатертью должны быть хвоя или березовые листья, если дѣло происходитъ лѣтомъ. Хозяинъ шалаша долженъ молить хлѣбъ и кумышку, такимъ же порядкомъ, какъ это бываетъ при молении въ шалашѣ. Часть же моленнаго должна куриться, равно раздаваться всѣмъ мужчинамъ и женщинамъ. Точно такимъ же образомъ долженъ поступать и отдѣлившійся. Послѣ того послѣдній долженъ говорить: пойдѣмъ, воршуд мой, на новое мѣсто,—своего воршуда уношу, отцова оставляю. Потомъ садятся и пьютъ кумышку, при этомъ поютъ духовную пѣснь воршуду извѣстнымъ напѣвомъ. Послѣ того уже всѣ отправляются съ пѣніемъ въ новый шалашъ отдѣлившагося, при этомъ все принесенное уносятъ изъ шалаша обратно съ собой, а въ новомъ шалашѣ, такъ же какъ и въ старомъ, соблюдая тотъ же порядокъ, сынъ или братъ молить такимъ же образомъ. Пиво, хлѣбъ, кумышка, хвоя, скатерть должны быть другіе. Послѣ моленія должно быть куреніе, а холстъ съ золой кладется въ золу, въ горнъ, гдѣ онъ и сгоритъ. Части моленнаго раздаютъ. Потомъ въ новомъ домѣ пируютъ. Если же раздѣлившійся отошелъ безъ благословенія и общаго согласія, то въ такомъ случаѣ доводится воровать тайно воршуд, соблюдая всѣ извѣстные обряды, только конечно по возможности избѣгая гласности, чтобы не слышно было домохозяину. Изъ этого видно, что воршудъ раздробляется по числу семействъ. Наричательное имя остается тоже, какое прежде было въ отцовомъ домѣ, напр. въ родѣ чолы-чолы. Это нарицательное имя есть не что иное, какъ имя родоначальницы того рода. Слѣдовательно, покровительство вожшуда простирается на весь родъ.

Моленіе лѣтомъ въ Троицу на полосѣ.

Омывшись накануне въ банѣ, перемѣняютъ одежду; на другой день, утромъ, въ самый праздникъ, молятся на озимовомъ ржаномъ полѣ на ближней полосѣ. Для этого жена еще накануне начинаетъ готовить съѣстные припасы, потребные для моленія, какъ то: три яйца, блины (табани), яичницу въ видѣ лепешки, пиво, кумышку и въ самый день кашу. Когда все это готово, жена въ избѣ на столъ стелетъ скатерть чистую и на столъ кладетъ все потребное, въ деревянную тарелку блины, на блины яичницу, въ чашкѣ кашу, бутылку кумышки и сарбу, хлѣбы завязываютъ скатертью въ узелъ, равно и каша завязывается другою скатертью также въ узелъ. Хозяинъ беретъ топоръ, ножикъ и ложку. Когда все приготовлено, хозяинъ садится на мѣсто, встаетъ, дѣлаетъ поклонъ безъ шапки и раздастъ семейнымъ кому что достанется, и всѣ идутъ на полосу, каждое семейство на свою. Пришедши, стелютъ скатерть на рожъ и хозяинъ кладетъ на скатерть все, что взято съ собой, а потомъ тутъ неподалеку роетъ яму (топоромъ) и нали-

ваетъ въ маленькую деревянную чашку пива, а въ другую такую же чашку кумышки и начинаетъ молиться, послѣ молитвы частицы пищи кладутся въ яму и онъ раздаетъ по части членамъ семейства; беретъ и отвѣдываетъ самъ. Потомъ жена начинаетъ подчивать своего мужа изъ священныхъ посуды. Послѣ всего, засыпавъ землею яму, идутъ домой. Яйца кладутся одно въ яму, одно съѣдается всѣми и одно берется домой. Передъ уходомъ домой хозяинъ снова молится и, дѣлая земной поклонъ, снимаетъ шапку. Пришедши домой, молится въ шалашѣ съ хлѣбомъ, кумышкою, пивомъ и кашей, въ особомъ котлѣ сваренной. Порядокъ моленія въ шалашѣ извѣстенъ (см. моленіе въ куалѣ).

Примѣчаніе: Въ Троицу употребляются ивовыя вѣтви при моленіи, въ Петровъ день березовыя, осенью хвоя, въ Покровъ—осока. Впрочемъ это дѣлается по мѣстному обычаю.

Моленіе на гумнѣ у кладей

Послѣ свозки ржи и послѣ свозки овса, каждый домохозяинъ старается заблаговременно къ назначенному имъ дню приготовить овсяной муки. Для этого хозяйка сушитъ извѣстное количество овса и отправляетъ хозяина своего на мельницу. Хозяинъ же въ свою очередь представляетъ хозяйкѣ овсянную муку. Изъ этой муки хозяйка должна испечь блины (*табани*). Предварительно наканунѣ дня, назначеннаго для совершенія молитвеннаго обряда, обычно воскреснаго или праздничнаго, какъ болѣе свободнаго и подходящаго, моются въ банѣ, перемѣняютъ бѣлье, равно и обувь, вообще одѣваются по возможности чище. Въ такомъ видѣ хозяйка заводитъ квашню. Въ самый же праздничный день хозяйка встаетъ пораньше, топить печку и въ свое время, именно въ восходъ солнца, начинаетъ печь блины. На столъ стелетъ скатерку, а на скатерку на деревянной тарелкѣ складываетъ лепешки, старшій же въ семействѣ, благословясь и говоря по вотяцки «Остэ», завертываетъ тарелку въ заранѣе приготовленную бѣлую скатерть, и идетъ на гумно къ кладямъ. Здѣсь развязываетъ узелъ, стелетъ скатерть беретъ тарелку съ блинами и начинаетъ молитвословить лицомъ къ югу, какъ и всегда. Послѣ молитвы, пришедши домой, частицы бросаетъ въ печь и начинаетъ отвѣдывать, говоря «Остэ», т. е. «Господи благослови», и ѣстъ; садятся за столъ и другіе.

Моленіе на полосѣ осенью. Это осеннее моленіе совершается на озимовомъ полѣ. Тогда каждый домохозяинъ старается на своей полосѣ принести жертву. Въ жертву должно принести быка, или телку, или угку, или овечку, или барана, вообще у кого что есть, или что кто выберетъ. Изъ жертвенныхъ животныхъ дозволяются только чернаго цвѣта и безъ роговъ, ибо жертва приносится ангелу земли, *мукаминию*, а ангелъ земли по мнѣнію вотяковъ долженъ быть черный, оттого и жертва должна состоять изъ жертвеннаго животнаго чернаго цвѣта. Предъ наступленіемъ времени жертвоприношенія каждый домохозяинъ рѣшаетъ время и день жертвоприношенія и къ этому дню долженъ готовиться. Это дѣлается не

вразъ всей деревней, а кто когда надумаетъ. Заблаговременно запасаются къ тому времени крупой, мукой, пивомъ и кумышкой, пекутъ хлѣбы на рѣчной водѣ и яичницу. Послѣ того хозяинъ завязываетъ ихъ въ скатерть, беретъ также двѣ маленькія деревянныя чашки для пива и кумышки. Остальные же предметы, какъ то: соль, пиво, кумышку, ножики, жертвенное животное, топоръ и сырыя хвойныя сучья берутъ семейные. Самъ же хозяинъ несетъ одинъ узелъ, въ крайнемъ случаѣ, если семейство состоитъ изъ мужа и жены, помогаетъ женѣ самъ. Такимъ образомъ благословясь выходятъ изъ избы и идутъ на назначенную полосу, каждый домохозяинъ на свою полосу. Пришедши на полосу на избранномъ мѣстѣ, хозяинъ дома роетъ топоромъ маленькую яму и стелетъ въ нее сучья съ хвоями, далѣе неподалеку отъ ямы взамѣнъ стола кладетъ на землю опять сучья съ хвоями, развязываетъ скатерть и стелетъ на хвой, снимаетъ потомъ шапку съ головы, наливаетъ пиво и кумышку въ маленькія чашки, даетъ женѣ пиво, сыну или дочери кумышку, остальные съ пустыми руками. Если же семейство состоитъ изъ мужа и жены, тогда женѣ въ правую руку даетъ пиво, а въ лѣвую кумышку, самъ послѣ того беретъ хлѣбъ и на хлѣбѣ яичницу, держитъ обѣими руками и, обратившись лицомъ къ югу, начинаетъ молиться, во время молитвы дѣлаетъ нѣсколько поклоновъ поясныхъ; также поступаютъ жена и дѣти. Хозяинъ молитву произноситъ вслухъ, остальные въ глубокомъ молчаніи. Послѣ окончанія молитвы, хозяинъ передаетъ свой хлѣбъ тому изъ членовъ семейства, кто держалъ пиво, а пиво беретъ къ себѣ въ руки и опять начинаетъ молиться такъ же, какъ онъ поступалъ съ хлѣбомъ, потомъ даетъ пиво тому, кто держалъ кумышку, а кумышку беретъ себѣ въ руки и снова начинаетъ молиться такимъ же образомъ. По окончаніи моленія ставитъ свою кумышку на скатерть, беретъ пиво и хлѣбъ изъ рукъ державшихъ и также кладетъ на скатерть. Потомъ отрѣзываетъ часть хлѣба и кладетъ въ вышеупомянутую яму, также кладетъ часть яичницы, льетъ часть пива и кумышки, говоря въ каждомъ случаѣ «Остѣ». Все это дѣлается на колѣняхъ. Потомъ самъ отвѣдываетъ часть хлѣба, яичницы, пива и кумышки, и даетъ семейнымъ по старшинству. Все это принимается какъ священное со словомъ: «Остѣ!» Далѣе хозяинъ окатываетъ холодной водой изъ ковша жертвенное животное до трехъ разъ для того, чтобы этимъ выразить ангелу земли чистоту животного, дабы онъ принялъ жертву ихъ. При этомъ нѣкоторые вотяки наблюдаютъ, встрепенулось ли животное или встряхнулось ли по крайней мѣрѣ хоть одинъ разъ: это для нихъ служитъ признакомъ благоволенія божія къ молящимся и доказательствомъ, что жертвенное животное пріятно богу и жертва угодна ему. Затѣмъ хозяинъ начинаетъ связывать жертвенному животному переднія ноги, потомъ заднія и сваливаетъ на землю. На землѣ подъ рогатымъ животнымъ обязательно должна быть хвоя, подъ уткой же этого не бываетъ, и ногъ ей не связываютъ, а кладутъ два крыла подъ ноги и колютъ ножомъ; кровь же всякаго жертвеннаго животного берутъ въ чашку. Далѣе хозяинъ снимаетъ кожу, вынимаетъ внутренности, отрѣзы-

влетъ голову, ноги; жена начинаетъ промывать кишки и на разведенномъ мужемъ огнѣ начинаетъ палить голову и ноги. Въ кишки кладутъ кровь смѣшанную съ крупой, а концы кишекъ завязываютъ ниткой, варятъ и получается видъ колбасы, называсмой вотяками *вир тырем*. 4 ноги, кишки, голова, ребра съ правой стороны, 4 бедра безъ мяса, грудь, сердце, печень, легкія кладутся въ котель, висійшій на трехъ сверху связанныхъ веревками, снизу развѣтленныхъ, жердяхъ. Когда все это сварится, часть бульона наливаютъ въ чашку и начинаютъ молиться, хозяинъ безъ шапки, а послѣ моленія ложки три бульона лить въ яму на колѣняхъ, послѣ сего каждый начинаетъ отвѣдывать. Далѣе хозяинъ беретъ голову на особой деревянной тарелкѣ и начинаетъ также молиться и опять послѣ моленія часть мяса отъ головы кладетъ въ яму, это называется по вотячки *тылан*, значить куреніе, и опять самъ отвѣдываетъ и даетъ прочимъ. Этотъ бульонъ и голова моленные больше въ котель не кладутся. Потомъ вынимаются мясо и кости, спускается крупа и такимъ образомъ получается каша. Кашу эту, положивши въ особую чашку, опять молятъ и опять ложки три каши кладется хозяиномъ на колѣняхъ въ яму и потомъ каждый отвѣдываетъ. Наѣвшись, хотя не досыта, кладутъ оставшіяся кости опять въ яму, и ее засыпаютъ землей. Оставшіеся мясо, бульонъ и кашу прибираютъ, и съ прочими вещами связываютъ въ скатерть. Потомъ опять молятся на колѣняхъ всѣ и, отступивши на нѣсколько шаговъ назадъ, опять на колѣняхъ молятся и, опять отступивши назадъ, такимъ же образомъ молятся на колѣняхъ, и тѣмъ кончается вся церемонія ихъ. Идя домой, каждый несетъ, что достанется изъ взятыхъ вещей.

13. Моленія посемейныя непостоянныя.

Почему эти моленія называются непостоянными, объ этомъ было сказано при родовыхъ моленіяхъ, почему здѣсь распространяться нѣтъ надобности.

а) Въ стаѣ о стаѣ. Это моленіе совершается весною въ стаѣ о размноженіи скота, причемъ приносится въ жертву пара шукъ: подобно тому, какъ много рыбъ въ водѣ, такъ чтобы и численность скота увеличивалась. Въ стаѣ стелется скатерть, на которую полагается на тарелкѣ хлѣбъ, соль, масло; по возношеніи ихъ и молитвѣ часть ихъ сжигается на огнѣ, затѣмъ чистятъ рыбу и варятъ уху, съ которой снова идутъ въ стаю и также молятъ, — первоначально уху, затѣмъ рыбу, и часть ухи и рыбы опять сжигается въ огнѣ. Потомъ, возвратившись въ избу, садятся за столъ и по вкушеніи кости сжигаются опять въ стаѣ.

б) О стаѣ умершимъ (моленіе) изъ домашнихъ птицъ. Чтобы умершіе охраняли весной выпущенную на волю скотину, чтобы ихъ содѣйствіемъ скотъ не утонулъ въ рѣкѣ, не завязъ въ тинѣ,

въ болотѣ, въ грязи, чтобы хищные звѣри не похищали, чтобы осенью ихъ принять въ цѣлости и благополучіи,—дѣлають *виру* (вир-кровь), т. е. дѣлають кровопролитіе, колютъ гдѣ нибудь во дворѣ курицу ¹⁾). Въ куриный бульонъ крошатъ катышки изъ ржаного тѣста (какъ бы клецки).

При рѣзаніи курицы, хозяинъ, снявъ шапку, говоритъ: «жертву кровопролитіемъ курицы, клянусь и обѣщаюсь осенью изъ выпущенныхъ весною животныхъ, соблюденныхъ и сохраненныхъ вами, заколотъ въ честь вашу». Когда все будетъ приготовлено, вечеромъ семьянинъ готовить свѣчи восковыя своей работы, а если есть возможность, покупаетъ изъ церкви. Вносить въ избу небольшое корыто, кладетъ у дверей на приступкѣ у печки, надъ нимъ зажигаетъ свѣчи, жена между тѣмъ собираетъ на столъ. Затѣмъ хозяинъ и его жена накидываютъ на себя верхнюю одежду, берутъ по ложкѣ бульону и льютъ по немногу въ корыто, перебирая имена умершихъ родственниковъ, чтобы не сердились на нихъ, не отказались отъ еоблюденія животныхъ, но приняли ихъ дары и ѣли все имъ подносимое. Затѣмъ кладетъ изъ ложки же и салму (клецки). При этомъ мужнинъ необходимо быть въ шапкѣ и поминать покойниковъ. Какъ мужчины такъ и женщины не въ нравѣ поминать умершихъ, пока родители живы.

Въ то время, когда крошатъ въ корыто, никто не долженъ входить и выходить. Изъ корыта отдается все собакамъ. При этомъ наблюдается, мирно ли ѣдятъ собаки, не грызутся ли; если грызутся, значить и умершіе родственники живутъ не въ согласіи.

О стадѣ умершимъ (моленіе) изъ домашнихъ животныхъ. Согласно вышеозначенному своему обѣщанію, въ благодарность за хранение и соблюденіе стада, осенью умершимъ обыкновенно закаляютъ въ жертву барана. На этотъ разъ цвѣтъ шерсти не разбирается. Хозяинъ дома по соглашенію со своей хозяйкой назначаетъ день. Моленіе происходитъ во дворѣ. Сперва выносятъ столъ, стелютъ на него бѣлую скатерть, выносятъ хлѣбъ, корыто. Хвои не полагаются на этотъ разъ, и барана не омываютъ. Обрядъ закаланія уже извѣстенъ. Кровь закалаемаго животного всегда выпускается въ особую чашку и она употребляется въ пищу въ вареномъ видѣ. Предварительно въ корыто крошится часть хлѣба—въ воспоминаніе умершихъ, потомъ по закланіи барана часть крови изъ чашки выливаютъ въ корыто. Изъ нѣкоторыхъ частей варятъ кашу. Какъ часть каши, такъ и мяса опять должна крошиться въ корыто, когда все это сварится, но уже въ избѣ. Все это, что только есть въ корытѣ, дается собакамъ. Испрашивается благоволеніе умершихъ къ живымъ и чтобы они продолжали охранять животныхъ и послѣ.

¹⁾ *Примѣчаніе:* Курицы считаются у вотяковъ какъ бы достояніемъ умершихъ, посему въ частныхъ случаяхъ очень часто приносятся онѣ въ жертву умершимъ, также и яйца ихъ.

Объ озимыхъ умершимъ. Осенью домохозяинъ въ опредѣленный имъ день беретъ пѣтуха или курицу и ножъ и прямо отправляется на свою ближнюю полосу и колеть тамъ, поминая своихъ умершихъ стариковъ. Потомъ, пришедши домой, сдаетъ женѣ, она варитъ супъ и крошитъ въ него, какъ выше сказано, клецки или салму изъ ржаного тѣста или какъ, говорятъ вотяки, *чумер* или *мыкель*. Часть супа, мяса и салмы также крошатъ въ корыто, причемъ перебираютъ имена умершихъ и просятъ ихъ, чтобы они постарались о лучшемъ исходѣ посянной ржи, или озимоваго хлѣба, не предавали червямъ и разнымъ вреднымъ насѣкомымъ и птицамъ. Что въ корытѣ, отдается собакамъ. Кости и перья относятъ на ту полосу, на которой хозяинъ кололъ пѣтуха или курицу.

О стадѣ, птицахъ и людяхъ моленіе подводному бѣсу. Въ предостереженіе какъ самихъ себя, такъ животныхъ и птицъ, отъ несчастныхъ случаевъ, могушихъ быть на водѣ,—вотяки у рѣки колютъ утку въ честь подводнаго бѣса и варятъ изъ той утки кашу, а когда все это сварится дома, опять отправляются на то мѣсто, гдѣ кололи утку, съ кашей въ чашкѣ, хлѣбсмъ и уткой, завязавъ все это въ скатерть, и тамъ хозяинъ молить все это въ шапкѣ и просить, чтобы тотъ бѣсъ не вредилъ ни ему, ни семейству его, ни скотинѣ, ни птицамъ его. Части приносимой имъ жертвы бросаются въ воду взамѣнъ куренія.

Бѣсу вѣтровъ, — хранителю стаи. Это моленіе бываетъ осенью. Для него требуются сучья хвойныя, на которыхъ колютъ бѣлую утку и дома изъ нея готовятъ кашу. Когда все это поспѣетъ, снова отправляются на то мѣсто, гдѣ кололи утку въ стаѣ, тамъ молятъ кашу и утку и часть ихъ съ частью крови и съ хвоями сжигаютъ. Послѣ, когда дома наѣдятся, часть костей также сжигается. Цѣль моленія—умилостивить бѣса, чтобы онъ не вредилъ стаѣ и надворному строенію, а также животнымъ и птицамъ, занимающимъ пристройки.

Воршуду въ шалашѣ. Воршуду приносится весной пара щукъ (*миналь чорыгъ*). Когда рыба готова, въ шалашѣ на столъ стелютъ скатерть, а подъ скатерть кладутъ сучья хвойнаго дерева, затѣмъ домохозяинъ выходитъ съ хлѣбомъ и рыбами въ особой чашкѣ. Сперва онъ молить хлѣбъ и часть его крошитъ и сжигаетъ въ огнѣ, разведенномъ для того благо- временно, потомъ молить щукъ, не сжигая ихъ части, и варитъ изъ нихъ уху. Часть уха по молитвѣ въ шалашѣ, и послѣ ѣды бросается въ огонь чрезъ сучья и сжигается. Какъ рыбы, такъ и уха и кости рыбъ сжигаются, но уже безъ молитвы. Цѣль моленія этихъ рыбъ—умноженіе въ семействѣ счастья въ дѣтяхъ.

Богу матери солнца. Богу, матери солнца, молятся всегда на югъ, оборачиваясь къ солнцу. Приносятъ ему бѣлую утку. Прежде чѣмъ колеть ее, окатываютъ водой, льютъ изъ ковша воду раза три, чтобы жертвуемая птица встрепенулась въ знаменіе благоволенія божія. Если утка встрепенет-

ся, хозяинъ съ особеннымъ восторгомъ произносить молитвенныя слова: «Оста!» «или Остое!» «киадкуть!» Господи! прїими въ руки, или Господи благослови, благоволи принять въ руки. Затѣмъ домохозяинъ передастъ живую утку въ руки жены или, если есть, сыну, а самъ беретъ хлѣбъ въ руки вмѣстѣ съ тарелкой и всѣ выходятъ изъ избы во дворъ и молятся такимъ образомъ на югъ, прося милости, жизни отъ матери солнца, причемъ хозяинъ указываетъ на свою жертву—утку, съ нимъ находящуюся. Затѣмъ снова идутъ въ избу; положивъ хлѣбъ на столъ и взявъ изъ рукъ сына или жены утку, хозяинъ беретъ ножъ и отправляется колоть ее во дворъ, къ тому мѣсту, гдѣ обыкновенно колютъ утку, гдѣ не позволено ходить. Посему оно даже огораживается иногда прясломъ или тыномъ. Изъ утки варятъ кашу; се и мясо, когда сварится, хозяинъ снова молить. По моленіи ихъ, часть каши, мяса и крови сжигается въ огнѣ, при этомъ моленіи хвоя не полагается, кости послѣ ѣды снова сжигаются, на томъ же мѣстѣ.

14. Моленія посемейныя случайныя.

Отъ чесотки, *мидонъ потамм*, вотяки всегда колютъ курицу или пѣтуха. Но однако для этого не держатъ лишняго пѣтуха или лишнюю курицу. Посему, если чесотка появилась зимой или весной, ограничиваются вначалѣ обѣщаніемъ. Обѣщаніе это совершается такъ: жена или мать больного, въ крайнемъ случаѣ, отецъ или мужъ больной, беретъ сырое яйцо и съ нимъ стправляется на рѣку и бросаетъ въ воду говоря: «до оссни (т. е. до того времени, когда будетъ много домашнихъ птицъ), подожди!» затѣмъ идетъ домой. А осенью свое обѣщаніе обязанъ исполнить, какъ слѣдуетъ.

Отъ водянки или опухоли моленіе мыжу. Мѣсто моленія отъ этой болѣзни разъ навсегда опредѣляется ворожителемъ и всегда вблизи рѣки, напр. въ селѣ Юскахъ назначено мѣсто рѣки Ижа, по вотячки мѣсто это называется *очъ-вожо*, мѣсто управления Ижа. Мыжь—это нечто иное, какъ олицетворенная болѣзнь, требующая себѣ козла. Болѣзнь эта, т. е. водянка, по вотячки называется *кечъ мыю*, козлиная болѣзнь. На опредѣленномъ мѣстѣ козла окатываютъ водой, закаляютъ на хвойныхъ сучьяхъ и варятъ въ котлѣ тутъ же кашу, молятъ часть сварившейся каши и мяса, часть каши и крови сжигается въ огнѣ, а мясо возносится въ *выла мычон*,—на устроенный изъ сучковъ столъ ¹⁾. Втыкаются въ землю четыре сучка,

¹⁾ На общественныхъ мольбищахъ изъ сучковъ дѣлается два стола: 1-й выла мычонъ, замѣняющій по мнѣнію вотяковъ престолъ, 2-й для жрецовъ, замѣняющій жертвенникъ.

на нихъ 4 перекладины. На перекладины кладутся мелкіе сучки. Наконецъ и мясо снимается и часть его также сжигается въ огнѣ. При этой болѣзни до жертвоприношенія козла можно ограничиваться, какъ сказано выше, общаніемъ, которое совершается такъ: нѣсколько разъ берутъ шепотью крупы въ лоскутокъ тряпки и, собравъ въ одно мѣсто, связываютъ ниткой и вѣшаютъ куда нибудь на гвоздь или на лучину до поры до времени, а потомъ избираютъ удобное время и относятъ на то мѣсто, куда общали принести въ жертву. Это по вотяцки называется: *связѣнъ*.

Отъ боли живота, пученія или спазмы въ тѣренному или воздушному богу-бѣсу.

При этомъ случаѣ молятъ на дворѣ утку. По вотяцки это называется: *тэл-жыл булык перилы*. Изъ утки варятъ кашу, часть каши и мяса молятъ во дворѣ, потомъ часть ихъ и часть крови сжигается въ огнѣ. Послѣ ѣды кости тоже сжигаются.

Отъ оспы богу-матери оспы. Это моленіе по вотяцки называется: *пужы качамумылы*. Для этого требуются сучья съ хвоями, чтобы постлать ихъ подъ приносимую бѣдую утку на томъ мѣстѣ, гдѣ ее будутъ колоть. Прежде чѣмъ колоть, окатываютъ утку водой, потомъ хозяинъ передаетъ утку сыну или женѣ, самъ беретъ хлѣбъ и выходятъ такимъ образомъ во дворъ и тамъ хозяинъ молить хлѣбъ, а утку выносятъ какъ бы на показъ. Затѣмъ колотъ утку, варятъ изъ нея кашу, кашу и мясо снова молятъ, части ихъ и крови сжигаются, а послѣ ѣды и кости также сжигаются.

Отъ глазной и зубной боли мыдору отъ молодежи. Название *мыдор* или *воршуд* молодежи получило это моленіе потому, что вначалѣ это моленіе выдумано было ребятами. Въ селѣ Юскинскомъ первый разъ совершали его въ шутку маленькія дѣвушки; моленіе это происходило на покосѣ, называемомъ Поска, подъ елью, отъ глазной болѣзни, и самыя дѣвушки были изъ рода Поска. Съ тѣхъ поръ моленіе это принято совершать на томъ мѣстѣ. Моленіе это никогда не совершается въ с. Юскинскомъ безъ человѣка изъ рода Поска, въ противномъ случаѣ моленіе можетъ быть неслышаннымъ. Подобныя моленія бываютъ и въ прочихъ вотскихихъ селахъ, въ данномъ какомъ нибудь мѣстѣ. При немъ приносятъ въ жертву дергача, или коростеля (пиналь). Дергачей этихъ стараются поймать во время покоса. Въ Юскахъ это вотъ какъ дѣлается: одержимый глазной или зубной болѣзью, или родитель его отправляется на мѣсто моленія, разводитъ огонь изъ щепокъ; потомъ колетъ на шепкѣ дергача, щепку эту съ кровью бросаетъ въ огонь, затѣмъ чиститъ заколотога дергача, разрѣзавъ пополамъ и посоливъ сго, на виллообразномъ сучкѣ печетъ на огнѣ, а когда испечется, кто нибудь изъ рода Поски молить мыдору и часть его бросаетъ въ огонь, потомъ остатки тутъ же съѣдаютъ, кости и перья сжигаются. Въ крайнихъ случаяхъ, когда негдѣ достать дергача, ограничиваются

объщаніемъ. Общаніе это состоитъ въ приношеніи на то мѣсто крупы съ общаніемъ дергача.

Въ самомъ большомъ употребленіи отъ глазной и зубной болѣзней моленіе глухаря въ старшемъ родовомъ шалашѣ. Для этого глухаря покупаютъ гдѣ нибудь. Въ шалашѣ обыкновенно съ этою цѣлю ходятъ женщины. Утись или жрецъ шалаша запасается сучьями хвойнаго дерева, стелетъ скатерть, взявъ отъ принесшаго одинъ хлѣбъ, и молятъ глухаря. Затѣмъ утись съ женой варитъ кашу, и молитъ кашу и мясо, когда сварятся, и части ихъ бросаетъ въ огонь, въ горну, потомъ садятся и ѣдятъ кашу и мясо. Принесшій глухаря оставляетъ себѣ и домашнимъ своимъ только нѣкоторую часть, остальное отдаетъ утису, жрецу.

Въ крайнихъ случаяхъ ограничиваются общаніемъ, которое дѣлается не крупой, какъ сказано выше, но хлѣбомъ, а самый хлѣбъ для этого приносится въ данный родовой шалашъ жрецу, который и молигъ въ шалашѣ.

Отъ чирьевъ и отъ чесотки молятъ пѣтуха или курицу у какой нибудь сердитой рѣчки или ключа. Въ Юскахъ, въ Шамарданскомъ логу, такъ называемый *камджо-шуръ* признается очень злымъ, сердитымъ, такъ что, если кто тутъ позволитъ себѣ мочиться, тотъ наказывается страшною опухолью. Это многіе испытали на опытѣ, вотъ почему существуетъ и много мѣстъ моленія. Недавно, въ 1888 году, одна вотячка надумала кроить. т. е. крошить хлѣбъ въ каравайскую рѣчку предъ куреніемъ кумышки, чтобы кумышка была хорошая. Желаніе ея исполнилось, кумышка оказалась хорошею. Въ тоже время у той рѣчки дѣти ея по неосторожности стали мочиться, послѣ чего на тѣлѣ ихъ показалась сыпь. Съ тѣхъ поръ на этой рѣчкѣ крошатъ хлѣбъ и яйца отъ чирьевъ, коросты и пр. Затѣмъ каждая вотячка старается умиловлять воду или водянаго, когда желаетъ, чтобы кумышка была хороша. Въ Юскахъ на вышесозначенной рѣчкѣ молятъ пѣтуха или курицу. Въ этомъ случаѣ кровь не берется, но пускается въ логъ; изъ птицы варятъ кашу, хвой при этомъ не полагаются. Кашу и мясо молятъ. Такъ какъ мѣсто это находится въ родѣ, называемомъ Поска, то и моленіе совершаетъ кто либо изъ рода Поска по просьбѣ приносящаго. Часть каши, мяса и костей сжигается. Вообще, въ какихъ бы то ни было случаяхъ, за указаніемъ мѣста моленія отъ чего бы то нибудь ходятъ къ ворожцу, а ворожецъ при этомъ пользуется платой. Это мѣсто называется въ Юскахъ во вотяцки Писка Юрукъ. Это значитъ, что причиной моленія послужило проклятіе, высказанное вотякомъ—фанатикомъ изъ рода Писка на неуважающихъ эту рѣчку. Въ крайнихъ случаяхъ можно ограничиваться общаніемъ, а общаніе совершается приношеніемъ крупы на то мѣсто.

Богу земли за новоселіе въ подпольѣ. Это моленіе бываетъ по переходѣ въ новый домъ, или когда перекатываютъ или перестраиваютъ старый домъ, богу земли, т. е. хранителю земли, *Му кылчильмы*. Время для постройки домовъ, или перестройки старыхъ домовъ опредѣляется

осенью. Обыкновенно по переходѣ въ новый домъ стараются скорѣе дать обѣщаніе—принести чернаго барана. При этомъ обыкновенно печется хлѣбъ изъ яровой муки и верхъ хлѣба мажутъ масломъ. Хлѣбъ этого молятъ самъ домохозяинъ во дворѣ. Когда представится возможность исполнить обѣщаніе, т. е. когда будетъ свой баранъ (купленный не употребляется для этого моленія, ожидаютъ своего и колютъ его осенью, когда скотина поправится), хозяинъ дома по соглашенію съ женой назначаетъ день моленія. Жена въ тотъ день печетъ хлѣбы изъ яровой муки, при этомъ для закваски хлѣба или растворенія въ квашнѣ вода полагается непременно рѣчная. Къ тому времени забасуютъ водкой или кумышкой, пивомъ, масломъ, пекутъ лепешку изъ яицъ и т. д. Столъ уноситъ хозяинъ въ подполье, накрываетъ сверху скатертью, затѣмъ уноситъ хлѣбъ, на него посыпаетъ немного соли, приноситъ хвойные сучья, кладетъ ихъ подъ скатерть и также на то мѣсто, гдѣ думаютъ колоть барана, чтобы баранъ не лежалъ на голомъ мѣстѣ. Въ то же время вносится и самый баранъ. Приготовивъ такимъ образомъ все потребное въ подпольѣ, хозяинъ начинать молить хлѣбъ, при этомъ говорить, что обѣщаніе свое исполняетъ и просить принять въ руки и ноги, *«киадъ ныдадъ кутья»* какъ говорится по вотяцки. Моленіе заключается крошеніемъ части моленнаго хлѣба въ яму, яма эта дѣлается тутъ же въ землѣ топоромъ. Затѣмъ, положивъ хлѣбъ на столъ, хозяинъ колетъ барана, кровь его спускаетъ въ особую деревянную чашку, изъ которой послѣ взявъ одну столовую ложку, каплетъ въ ту же яму, прося *«му кылчинъ»* (принять). Для коленія животныхъ у вотяковъ имѣются особенные ножи, которые при другихъ случаяхъ никогда не употребляютъ. Изъ крови и кишекъ готовится родъ колбасы. Послѣ того баранъ выносится изъ подполья въ избу и хозяинъ снимаетъ шкуру. Изъ праваго плеча, ребра, изъ головы, ногъ, легкихъ и печени готовится каша, которая обыкновенно варится въ шалашѣ, въ котлѣ, который виситъ на крючкѣ всякаго шеста, прикрѣпленнаго къ брусу шалаша. (Можно, конечно, и въ избѣ, такъ какъ въ избѣ тоже, какъ и въ шалашѣ, у каждаго вотяка имѣется котелъ). Кашу и мясо хозяинъ снова молить въ подпольѣ, при этомъ опять полагается молить хлѣбъ, по уже не тотъ, а другой; часть его опять бросается изъ ложки въ ту же яму. Заканчиваютъ тѣмъ, что яму эту заваливаютъ сверху землей. Послѣ каждаго крошенія, когда бы то ни было, въ яму ли или огонь, всегда хозяинъ спѣшитъ хлебнуть ложку или двѣ, какъ бы для освященія себя моленнымъ, также даетъ и семейнымъ своимъ. Изъ моленнаго чужимъ ничего не полагается давать, иначе домъ лишится благословенія и счастья. Кромѣ того въ этотъ день изъ дома и въ долгъ ничего не полагается давать никому, если только проситель не оставитъ что либо въ закладъ изъ своихъ вещей. Подобный же обычай существуетъ у вотяковъ при рожденіи жеребенка, ягненка, теленка и пр. Это подпольное моленіе у вотяковъ называется: *«цубече вандомъ»*.

Богу земли за новоселіе во дворѣ. Моленіе это соверша-

ется за землю, занятую дворомъ, а вышесказанное моленіе приносилось собственно за землю, занятую домомъ, посему эти два моленія не должно смѣшивать. Впрочемъ, въ основаніи этого различенія лежитъ мысль, что и землею обладаетъ не одинъ богъ, что и земля раздѣлена между многими богами, зависящими отъ единого старшаго бога земли. До моленія ограничиваются общаніемъ богу черного быка, а общаніе это заключается въ моленіи хлѣба во дворѣ. Въ самый же день моленія должны быть испечены хлѣбы изъ яровой муки; для моленія въ этомъ случаѣ потребно три хлѣба, яичница въ видѣ лепешки, немного масла, соли и, если можно, пиво и кумышка. Послѣ моленія хлѣбовъ вмѣстѣ съ яичницей, масломъ и солью, молятъ пиво и кумышку,—все въ три приема; части ихъ бросаются въ яму, а яма эта копается топоромъ во дворѣ, на такомъ мѣстѣ, гдѣ никто не ходитъ, чтобы оно не было попираемо ногами. Затѣмъ приводится черный быкъ, котораго окатываютъ трижды холодной водой и затѣмъ стелютъ хвойные сучья на то мѣсто, гдѣ предполагаютъ колоть быка. Затѣмъ надѣваютъ путы (путало) на переднія ноги, а заднія связываютъ веревками и такимъ образомъ быка роняютъ и закаляютъ на томъ мѣстѣ. Кровь собирается въ чашку, изъ которой часть берется хлебальной ложкой и льется въ яму. На дно въ эту яму предварительно кладутъ хвои деревьевъ. Затѣмъ снимается съ быка кожа и нѣкоторыя части, какъ то: ноги, голова, печень, легкія и правый бокъ варятся; изъ бульона готовится каша. Часть каши кладется въ чашку, равнымъ образомъ и мясо, потомъ берется одинъ хлѣбъ, приготовленный для моленія, кладется также въ чашку и начинается его моленіе. потомъ часть каши и мяса полагается въ яму. Затѣмъ хозяинъ, отвѣдавъ часть ихъ, даетъ и другимъ, потомъ отправляются домой. Обѣдки полагаютъ въ яму и закапываютъ ее землей.

Ангелу хранителю или Богу Творцу за новорожденного младенца. Въ этомъ случаѣ приносится баранъ. Цвѣтъ шерсти его долженъ быть бѣлый, или по крайней мѣрѣ должно быть сколько нибудь бѣлыхъ пятенъ. Въ самый день рожденія обыкновенно бываетъ каша, моленіемъ которой во дворѣ совершается обрядъ общанія ангелу-хранителю или Богу Творцу. Кашу эту, съ масломъ, можетъ ѣсть каждый, но безъ денегъ вкушать не полагается, иначе будетъ для хозяина безчестіе, признакъ недоброжелательства. При этомъ у хозяина обязательно должна быть кумышка или водка для угошенія гостей. Общанный баранъ ангелу-хранителю приносится въ жертву при первой же возможности. Прежде чѣмъ заколотъ барана, запасаются хвойными сучьями, выносятъ столъ во дворъ, одинъ каравай хлѣба, кумышку, пиво и масло. Подъ скатерть на столъ полагаются сучья съ хвоями. Затѣмъ, когда все готово, зовутъ крестнаго отца и крестную мать (кума и куму) въ гости. Хлѣбъ съ масломъ хозяинъ молить и просить счастья новорожденному, часть хлѣба крошатъ въ приготовленную заблаговременно яму. Хозяинъ, закусивъ часть моленнаго хлѣба, предлагаетъ домашнимъ и званнымъ гостямъ. Самъ тѣмъ временемъ, ока-

тивъ трижды барана холодной водой, сваливаетъ на хвои и колетъ; при этомъ помогаетъ ему жена его; она же беретъ кровь въ посуду; часть крови также полагается ложкой въ яму. Снявъ кожу, хвостъ раздробляетъ барана на части, при этомъ правый бокъ, ноги, голова, печень и легкія назначаются на варево, изъ котораго варятъ кашу. Каша, мясо, хлѣбъ также и кумышка должны быть молимы и часть ихъ полагается въ яму, взмѣнъ сжиганія огнемъ, послѣ чего яма засыпается землей. Кости и хвою послѣды, собравъ въ лукошко, увозятъ на телѣгѣ, или, если зимою, на саняхъ, въ коле и бросаютъ у прясла, съ восклицаніемъ «Остэ!», при этомъ берутъ съ собою вино, или кумышку, которая выпивается на мѣстѣ.

15. Брачныя моленія.

Вотяки избѣгаютъ всячески бездѣтства, посему стараются преимущественно брать снохъ изъ беременных дѣвушекъ, что служитъ доказательствомъ способности къ чадородію. Блудная жизнь дочерей не унижаетъ родителей, напротивъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, родители еще гордятся тѣмъ, что молодые парни начинаютъ любить и дарить ихъ дочь. Отступленіе отъ чистоты нравственности христіанской у вотяковъ повсюду развито, потому и случаевъ незаконнорожденности у вотяковъ не мало. Униженіемъ для вотяка служить, когда пренебрегаютъ его дѣтьми.

Бракъ, законный ли онъ или незаконный— для вотяковъ все равно—налагаетъ на семейство множество обязанностей по отношенію къ божествамъ. Бракъ обязываетъ умиловать жениховыхъ и невѣстныхъ боговъ-покровителей. Неисполненіе же брачныхъ моленій навлекаетъ, по ихъ понятію, множество семейныхъ несчастій. Обязанности эти состоятъ въ моленіяхъ и жертвоприношеніяхъ божествамъ, чтобы такимъ образомъ вымолить счастье новобрачнымъ въ отношеніи семейной жизни, главнымъ же образомъ въ томъ, чтобы боги благословили новобрачныхъ видѣніемъ сыновъ и дочерей. Между враждующими главное проклятіе состоитъ въ томъ, чтобы богъ не давалъ дѣтей, или же чтобы рождались мертвыя. Когда приходится прибѣгнуть къ клятвѣ, особенно оправдываясь отъ обвиненій въ клеветѣ, вотяки и особенно вотячки клянутся именемъ своего ребенка, существующаго или же имѣющаго родиться. Клянутся такъ: если я говорю ложь, то пусть дитя, которое имѣетъ родиться отъ меня, родится мертвымъ¹⁾. Точно также проклинаютъ другихъ въ ихъ дѣтяхъ. По-вотяцки выражаются такъ: «ныллэ пидэ убирь сіонъ», т. е. чтобы съѣлъ твоихъ дѣтей дьяволъ. Или еще: «ныльд пид той медло», т. е. чтобы дѣти твои рождались мертвыя.

Богу творцу (или свѣтлому бѣлому богу) о дѣтяхъ. Это моленіе, называемое по вотяцки «югытъ тѣды кылчинь Инмарлы азва-

¹⁾ При клятвѣ иногда ѣдятъ хлѣбъ или просто берутъ хлѣбъ.

ре тѣды така ныл-пишуд-бур курыса», совершается во дворѣ дома. Для этого предварительно за день, или въ тотъ-же день, готовятъ хлѣбы изъ яровой муки, которые обыкновенно мажутся сверху масломъ, лепешки изъ яичь, масло, соль. Все это вмѣстѣ хозяинъ дома молить во дворѣ. Затѣмъ часть припасовъ сжигаетъ въ огнѣ, разведенномъ къ тому времени. Послѣ того *бѣлый баранъ*, назначенный къ закланію, окатывается трижды водой, связывается веревками и закалается, причемъ кровь обязательно берется въ чашку и часть ея (одна хлебальная, т. е. столовая, ложка) сжигается тогда же въ огнѣ. Потомъ снимается кожа; туша рубится на части, и нѣкоторыя изъ нихъ варятся. Когда сварится каша, то кашу вмѣстѣ съ мясомъ снова молятъ и часть ихъ также сожигается въ огнѣ. Прочія части ихъ, какъ освященные молитвою, даются каждому присутствующему тутъ семьянину. Потомъ идутъ въ избу и садятся за столъ обѣдать. Само собою разумѣется, что рѣзать барана нужно осенью, потому что кормить барана до зимы собственно для жертвоприношенія нѣтъ расчета. Покупать же барана для этой жертвы не рекомендуется. Каша варится въ шалашѣ, если осенью, а если же зимою—въ избѣ; впрочемъ это по усмотрѣнію домохозяина. Ъсть эту жертву постороннимъ не дозволяется, иначе это значило бы подѣлиться счастьемъ съ чужими, а это не принято у вотяковъ. За неимѣніемъ барана ограничиваются общаніемъ богу молить въ жертву при первой же возможности. Обрядъ же общанія состоитъ въ моленіи въ куалѣ хлѣбовъ съ яичницей, масломъ и солью, причемъ послѣ моленія часть ихъ сжигается также въ куалѣ. Цѣль этого моленія испросить дѣтей у бога.

Моленіе бѣлой овечки въ куалѣ подъ березой въ благодарность богу за ребятъ (кызь-пу улѣмжъ). Моленіе это собственно посвящается богу-творцу, чтобы онъ дѣтей, которыхъ имѣютъ молодые, избавлялъ отъ болѣзней. Для этого предварительно достаютъ изъ лѣсу хвой деревъ и срубаютъ верхушку березы, которую въ куалѣ ставятъ въ передній уголъ на нарѣ, а хвой кладутся на столъ подъ скатерть и подъ голову овечки при ея закланіи. При этомъ моленіи нужны четыре хлѣба, яичная лепешка и соль. Столъ, какъ въ куалѣ, такъ и въ избѣ, накрывается скатертью. Предъ березой же кладется сѣлокъ, головной уборъ, или покрывало жены, а подъ сѣлокъ кладутся сучья хвойнаго дерева; требуется и кумышка (двѣ бутылки). Къ моленію домохозяинъ приглашаетъ своего любимаго родственника вмѣстѣ съ женой. Два хлѣба возносятся въ куалѣ воршуду и два для моленія отъ имени мужа и жены, но часто ограничиваются моленіемъ одного хлѣба, а сжигаются части отъ двухъ. Хлѣбы съ яичницей, масломъ и солью домохозяинъ молить заразъ, а часть кумышки изъ двухъ бутылокъ, посвященныхъ молодымъ—мужу и женѣ, вливается въ маленькую деревянную чашку, которую во время моленія хлѣба держитъ приглашенный мужчина-родственникъ. Часть же ихъ сжигается въ огнѣ. Затѣмъ по обычаю закалается овечка. Часть крови также сжигается. Кожа должна быть предъ березой. Внутренности, ноги, голва варятся и когда сварится

каша, то часть каши и мяса снова молятъ, часть мяса кладется предъ березой, части мяса и каши опять сжигаются въ огнѣ. При этомъ моленіи предъ березой полагается въ маленькой деревянной чашечкѣ толокнянная мука. Затѣмъ уходятъ въ избу и садятся ѣсть. Чужимъ не позволяется ѣсть. При моленіяхъ произносятся имена дѣтей. Вотяки воображаютъ, что творецъ-богъ играетъ на березѣ. Послѣ же всего кости съѣденныхъ частицъ жертвеннаго животнаго собираются и кладутся въ лукошко и увозятся на извѣстное мѣсто (зимомъ съ колоколами) и тамъ бросаются подъ березу всѣ кости и самое лукошко. При этомъ участвуютъ и мужчины и женщины, пируютъ и поютъ пѣсни, потомъ ѣдутъ домой съ пѣснями.

Моленіе въ куалѣ саврасаго жеребчика за брачный союзъ. По-вотячки моленіе это называется: «куала курбон уж чуни ваче-ьяськем понна», т. е. жертва въ куалѣ жеребенка за брачный союзъ. Какъ и въ предыдущемъ случаѣ, вначалѣ молятъ четыре хлѣба съ яичницей, масломъ и солью и часть сжигается въ огнѣ, а для участія приглашается кто нибудь изъ родственниковъ. вмѣсто березы въ углу ставится вершина хвойнаго дерева, предъ которой стелется бѣлая скатерть. Столъ въ куалѣ накрывается бѣлою же скатертью. Подъ скатерть кладутся хвои. Затѣмъ закаляется жеребенокъ, кожа полагается предъ елкой. Извѣстныя части варятся, бульонъ молятъ въ деревянной чашкѣ и часть сжигается въ огнѣ, потомъ изъ бульона варятъ кашу, которую опять молятъ, при этомъ сжигается въ огнѣ часть мяса и кумышки. Предъ елкой кладутся хлѣбы и мясо. Кумышка должна быть въ двухъ бутылкахъ—одна хозяйская, другая званнаго родственника. Потомъ идутъ въ избу и садятся ѣсть. Кости собираются въ лукошко, которыя такъ же, какъ выше, провожаются на мѣсто назначенія съ колоколами. Тамъ пьютъ кумышку и идутъ домой съ пѣснями, только при этомъ моленіи женщины не участвуютъ. Слѣдствіемъ, или заключеніемъ этого моленія является моленіе гуся, который долженъ принестись въ жертву не теперь, но послѣ, когда нибудь при первой возможности. Этотъ гусь называется серметъ, т. е. спутникъ.

Моленіе въ куалѣ телки и бычка за брачный союзъ. Моленіе это по-вотячки называется «выл-вось». При немъ избѣгаютъ жертвеннаго животнаго черной шерсти. Если есть налицо телка и бычокъ, то молятъ ихъ заразъ, а если нѣтъ, ограничиваются кѣмъ-нибудь однимъ изъ нихъ или, въ крайнемъ случаѣ, даже обрядомъ общанія. Обрядъ этотъ совершается въ куалѣ домохозяиномъ слѣдующимъ образомъ: мужъ беретъ испеченный на тотъ предметъ яровой хлѣбъ въ деревянной чашкѣ и, завязавъ въ скатерть, отправляется въ куалу. Здѣсь онъ молится, общая богу принести въ жертву телку и быка при первой же возможности. Часть моленнаго хлѣба кладется предъ моленіемъ въ яму въ куалѣ и засыпается землей; это—взамѣнъ куренія, или сжиганія въ огнѣ. Самое же моленіе телки и бычка совершается слѣдующимъ образомъ. Жена въ назначенный день печетъ ярушники и яичницу, хозяинъ приноситъ въ это время въ шалашъ

верхушку хвойнаго дерева, которую ставитъ въ передній уголъ въ куалѣ, а предъ нимъ кладѣтъ головной уборъ молодухи, называемый по вотяцки *сюмыкъ*. также мѣки въ маленькой чашкѣ, медовое и толокно, приготовленное особеннымъ образомъ. Столъ въ куалѣ накрывается бѣлою скатертью. Потомъ хозяинъ созываетъ своихъ родственниковъ съ женами. Затѣмъ взявъ одинъ хлѣбъ, на немъ яичницу, а на яичницѣ соль, кладетъ въ деревянную чашку и, завязавъ въ скатерть, отправляется въ куалу, беретъ еще двѣ бутылки кумышки отъ имени мужа и жены, также и пиво въ чемънибудь. Все это мужъ (домохозяинъ) молить, сначала хлѣбъ съ яичницей, солью и масломъ. А кумышка изъ двухъ бутылокъ льется въ одну маленькую деревянную чашку, также и пиво въ одну маленькую чашку и то и другое молится отдѣльно и часть ихъ сжигаетъ въ огнѣ, разведенномъ хозяйкой или кѣмънибудь другимъ. Затѣмъ совершается обрядъ омовенія животнаго и закланіе его. Кожа кладется предъ елкой. Обрядъ же варенія и моленія совершается такъ же, какъ сказано было выше. Извѣстныя внутреннія части варятся, бульонъ также молится и часть его сжигается; потомъ варятъ кашу, которую вмѣстѣ съ мясомъ опять молятъ и часть ихъ опять сжигаютъ. Затѣмъ отправляются въ избу и тамъ ѣдятъ и пьютъ. Кости собираются въ лукошко и провожаются на определенное на такой случай мѣсто, обыкновенно подъ елку въ полѣ, на саяхъ съ колоколами; туда бросаю и елку. Попировавъ тамъ, ѣдутъ домой съ пѣснями; навстрѣчу выходятъ обыкновенно двѣ женщины и потчуютъ ихъ во дворѣ. При проходахъ костей женщины не участвуютъ.

Примѣчаніе. Если женившійся вдовый, то онъ до соблюденія брачнаго обряда обязанъ выполнить сперва всѣ обычаи, не исполненные за первый бракъ.

Моленіе въ лудѣ жеребенка за брачный союзъ. Означеніи луда, о дѣйствующихъ лицахъ въ лудѣ и также о правахъ ихъ, сказано было уже на мѣстѣ. За немѣніемъ жертвеннаго животнаго ограничиваются однимъ обѣщаніемъ. Обрядъ обѣщанія совершается извѣстнымъ порядкомъ, только обѣщаніе это совершается у лудъ-утися въ куалѣ моленіемъ блиновъ съ масломъ. Самое же моленіе совершается лудъ-утисемъ съ обращеннымъ къ луду лицомъ, причемъ часть блиновъ сжигается. А когда представится возможность молить жеребенка, предварительно пекутъ блины, яичницу и, взявъ потребное число блиновъ и яичницу, хозяйка мажетъ ихъ масломъ и кладетъ ихъ въ деревянную тарелку, а на нихъ комокъ масла и немного соли. Завязавъ ихъ въ такомъ видѣ въ бѣлую скатерть, хозяинъ отправляется къ лудъ-утисю и, взявъ его съ помощникомъ, отправляется въ лудъ. Тамъ сперва молятъ блины съ яичницей, масломъ и солью, часть ихъ сжигаютъ, также поступаютъ и съ кумышкой. Затѣмъ начинается моленіе самого жеребчика. Цвѣтъ шерсти жеребчика на этотъ разъ не разбирается. Сперва обливаютъ жеребчика трижды водой, потомъ, связавъ ему ноги, сваливаютъ и закаляютъ. Кровь при этомъ, какъ и всегда, берутъ въ чашку.

Внутренности, а также лопатки, ноги и немного мяса варятъ въ котлѣ. Сперва готовятъ бульонъ; часть его, когда сварится, лудъ-утись (иначе луд асаба, или же луд мурт) наливаетъ въ чашку и молить по обычаю, затѣмъ часть его сжигаетъ. Предъ этимъ зажигаются свѣчи на полицѣ. Свѣчи обыкновенно бываютъ восковыя. Потомъ лудъ-утись беретъ на блюдѣ блины, и часть мяса, кои также молить и часть ихъ сжигаетъ. Затѣмъ спускается крупа и варится каша, а бульонъ и также мясо ставятся предъ свѣчами,—бульонъ въ деревянной чашкѣ, а мясо въ деревянной тарелкѣ. Наконецъ утись кладетъ и кашу въ чашку, молить и часть ея сжигаетъ въ огнѣ. Потомъ достаютъ бульонъ и мясо съ полицы и садятся ѣсть за столъ, послѣ чего всѣ кости сжигаются.

Примѣчаніе. При моленіяхъ въ лудъ женщинамъ не позволяется участвовать и самый входъ въ лудъ имъ строго воспрещается, даже и мужчины безъ цѣли никогда не рѣшаются заходить туда. Мужчинамъ во все время моленія не разрѣшается надѣвать шапку. Моленіе и молитвенные обряды всегда совершаетъ самъ утись и самое вареніе производится подъ его строгимъ наблюденіемъ. Образъ же моленія всегда одинаковъ—на колѣняхъ. Заключительнымъ же моментомъ сего моленія или, какъ говорятъ вотяки, *серметъ-узда*, должно быть моленіе гуся.

Моленіе одной пары дергачей (коростелей) на лугу за брачный союзъ.

Это моленіе по вотяки называется «Гыръ-понна», т. е. за голову, цѣна головы, цѣна дѣвства, или еще разставаніе съ образомъ жизни холостяцкой. Моленіе это часто совершается при болѣзняхъ. Должно полагать, что вотяки переходъ холостой жизни къ семейной считаютъ переходомъ изъ-подъ управленія одного бога подъ управленіе другого бога, посему цѣлью этого моленія служитъ умиловленіе прежняго-холостяцкаго бога. Болѣзни признаются вотяками «мыжемъ». «Мыжъ»—болѣзнь, хворость, это въ родѣ того, что называлось по древне-славянскому языческому вѣрованію чеморъ-спазмы въ желудкѣ, олицетворенная болѣзнь въ образѣ стихійнаго демона. И у вотяковъ по сіе время болѣзни олицетворяются, какъ у славянъ. Но «мыжъ» обыкновенно приписывается дѣйствіемъ покойниковъ. При «мыжѣ» ограничиваются моленіемъ одного дергача, а до нахождения его довольствуются однимъ общаніемъ. (О самомъ моленіи дергача см. выше, въ отдѣлѣ Случайныхъ посемейныхъ моленій). Послѣдствію или заключеніемъ сего моленія служитъ моленіе утки, *серметъ* (тамъ же). Здѣсь холостая жизнь, какъ видно, уподоблена почему то жизни дергачей.

Моленіе за брачный союзъ одной пары глухарей въ родовомъ шалашѣ.

Моленіе это совершается при болѣзняхъ, по указанію ворожцовъ. За немѣніемъ птицъ ограничиваются однимъ общаніемъ, самое общаніе совер-

шается въ родовомъ шалашѣ моленіемъ хлѣбовъ у *будзым-куала-утися* (см. въ главѣ о случайныхъ посемейныхъ моленіяхъ).

Моленіе пѣтуха на лугу за брачный союзъ.

Заключительнымъ актомъ этого моленія служитъ моленіе барана, а за нимънїемъ его ограничиваются общаніемъ во время моленія пѣтуха (см. въ главѣ о случайныхъ посемейныхъ моленіяхъ).

Моленіе молодущокъ за брачный союзъ утки въ отцовомъ куалѣ.

Для совершенія этого моленія молодущка съ родственникомъ съ мужниной стороны или одна отправляется къ отцу, взявъ съ собой живую утку и также хлѣбы изъ яровой муки. Предъ моленіемъ отецъ молодущки или братъ долженъ сходить въ ближайшей лѣсѣ, нарубить хвойныхъ сучьевъ и принести домой, какъ необходимый предметъ для моленія. Изъ хлѣбовъ, привезенныхъ молодущкой, одинъ должно молить, а другіе молодущка должна поднести въ даръ родителямъ и родственникамъ, а одинъ имѣть при себѣ, чтобы, поравнявшись съ кладбищемъ, поминуть покойныхъ крошеніемъ кусковъ хлѣба; это можно дѣлать и за полевыми воротами, если не приходится ѣхать домой мимо кладбища. Впрочемъ, крошить хлѣбъ въ честь покойныхъ полагается, когда уже умерли родители, а пока они живы, крошить нѣтъ нужды. Поднесенный въ даръ хлѣбъ называется по вотяцки «саламъ». Слово «саламъ», по-татарски саламъ, значитъ еще поклонъ, почтеніе. Въ письмахъ пишутъ по татарски: «бикъ къбъ саламъ айтъ», а по-вотяцки: «туж трос саламъ вера»,—«скажи премногій поклонъ». Никакое жертвенное животное не закалается на голой землѣ, а всегда стелютъ подъ него сучья хвойнаго или лиственнаго лѣса (обыкновенно березы); послѣднее—если лѣтомъ послѣ Троицы; кромѣ того хвоя стелется на столъ подъ скатерть въ куалѣ, таже на полицѣ куалы, въ переднемъ углу, гдѣ дѣлается «вылэ мичѣн», возношеніе (см. моленіе въ куалѣ). Сперва хозяинъ куалы молить хлѣбъ съ солью и часть ихъ сжигаетъ, а хлѣбъ кладетъ на полицу, какъ возношеніе; потомъ поливаетъ водой утку изъ ковша трижды и рѣжетъ гдѣ нибудь ножомъ; затѣмъ ошипавъ утку, варить кашу съ мясомъ и опять молить и части сжигаетъ въ огнѣ, а голову, какъ возношеніе, также кладетъ на полицу. Наконецъ садятся ѣсть, если лѣтомъ, въ шалашѣ, а зимой въ избѣ. Тогда снимаютъ возношеніе, хлѣбъ и голову. Кости сжигаютъ въ шалашѣ. Заключительнаго моленія не положено. Изъ моленнаго ничего не позволяется вкушать жениху.

Моленіе за брачный союзъ бѣлой утки въ родовомъ шалашѣ.

Для этого молодущка, какъ выше сказано, отправляется въ домъ родителей безъ мужа съ хлѣбами. Здѣсь моленіе совершаетъ *будзым-куала-утися* и на полицу въ возношеніи кладетъ кромѣ хлѣба и головы еще

внутренности утки; часть ихъ и кости сжигаются въ огнѣ. Утка вся отдается утисю, ему же остаются остатки каши послѣ ѣды. Образъ моленія такой же, какъ говорилось выше. Части хлѣба, головы и внутренностей утки, которыя клали для возношенія, позволяется ѣсть только женщинамъ того рода по куалѣ и утисю. Заключительнаго моленія сему моленію нѣтъ.

Моленіе за брачный союзъ чернаго барана въ лудѣ.

Образъ моленія такой же, какъ было сказано выше (см. моленіе въ лудѣ жеребчика).

• При моленіяхъ, какъ въ куалѣ, такъ и въ лудѣ, когда оно совершается частнымъ образомъ, т. е. однимъ какимъ либо лицомъ, необходимо жертвовать монету; обыкновенно даютъ мелкія монеты. Также полагается дѣлать и невѣстѣ, когда она выходитъ замужъ: прощаясь съ куалой, она должна положить мѣдную монету—въ знакъ чувства уваженія въ куалѣ. Особенно же это строго соблюдается тогда, когда въ отцовскомъ куалѣ некому исправлять надлежащіе обряды. Монеты эти называются по вотяцки «Югезъ» (Казанскіе вотяки зовутъ «Люгезь»). Югезъ считается священнымъ предметомъ и употребленію на домашнія нужды не подлежитъ, почему онѣ или хранятся дома, или отдаются въ церковную казну. Для этого моленія серметъ не полагается.

Приношеніе жертвы замужней дочерью покойнымъ родителямъ (Пыр-пыда).

Пыр-пыда значитъ голова и ноги, потому что покойнымъ жертвуются отъ жертвеннаго животнаго голова и ноги. Собственно поминаются умершіе. Жертвенное животное посвящается въ память родителей. Закаляютъ обыкновенно дойную корову. За неимѣніемъ своей коровы можно купить голову и ноги на базарѣ. Самое моленіе бываетъ въ домѣ родителей молодухки, а обрядъ закаланія должно совершать въ домѣ родителей мужа. Въ тѣхъ случаяхъ, когда посвящаются купленные части коровы, рѣзанныя мясникомъ, для исполненія обряда закаланія, кровопролитія, взаменъ коровы рѣжутъ курицу, только кровь отъ жертвуемыхъ птицъ никогда не берется. Закалаемыхъ курицъ никогда не поливаютъ водой, кромѣ гусей и утокъ. Обрядовъ же моленія никакихъ не полагается дѣлать въ домѣ мужа. Въ домъ родителей отправляется молодухка вмѣстѣ съ мужемъ своимъ. Въ самый день поминовенія въ шалашѣ розводятъ огонь и тамъ голову и ноги палятъ въ огнѣ самъ мужъ или жена его. Затѣмъ промываютъ водой и варятъ. Наливаютъ въ чашку бульона, сколько нужно, потомъ спускаютъ крупу и варятъ кашу. Потомъ вечеромъ извѣщаютъ родственниковъ, чтобы собирались помянуть родителей. По-вотяцки это называется «атайез, анайез бурместыны», т. е. въ упокоеніе родителей-отца и матери. Извѣщеніе въ Казанской губерніи производится вечеромъ молодыми парнями слѣдующимъ образомъ: мальчиковъ съ десять садятся верхомъ и выѣзжаютъ на улицу, съѣзжаются въ одно мѣсто и проѣзжаютъ по улицѣ съ одного конца до

другого съ крикомъ: «къ NN собирайтесь ѣсть Ыр-пыд». Тогда желающіе являются въ назначенный домъ—кто идетъ со всѣмъ семействомъ, кто вдвоемъ, мужъ съ женой. Обыкновенно же собираются не одни сродники, но и знакомые и сосѣди. Хозяйки—женщины берутъ съ собой по бутылкѣ кумышки. Сосѣди и близкіе называются «бляк», а родственники «иська-вын». по выговору вотяковъ Казанской губерніи—«сыкавын».—Въ домѣ, въ которомъ должно совершаться поминовеніе, покрываются скатертью два стола—въ переднемъ углу и у печки. Первый для мужчинъ, второй для женщинъ. При этомъ хвой не нужно. Хотя и говорятъ, что посвящаютъ голову и ноги, но однако полагается и мясо. На каждый столъ ставится большая деревянная чашка каши. Въ кашѣ въ серединѣ выдѣлываютъ ложкой, ямку куда кладется растопленное масло и при ѣдѣ каждую ложку каши обмакиваютъ въ масло. У вотяковъ нѣтъ обыкновенія мѣшать масло въ кашѣ. Мясо и кости кладутъ въ начевки (сѣяльницы) и ставятъ на столъ. Ставится также часть кумышки, налитая изъ бутылки въ одну не большую деревянную чашечку, называемую по вотяцки чарка (или еще сьумькъ), и пиво, если есть. На столъ кладутъ ножъ и ярушники. Въ то же время одинъ изъ опытныхъ у дверей на приступкѣ печи полагаетъ небольшое корыто, а по краямъ корыта ставитъ нѣсколько восковыхъ свѣчъ, купленныхъ или самодѣльныхъ изъ своего неочищенного воска. Зажигаютъ ихъ и начинаютъ поминать. Обрядъ поминовенія совершается слѣдующимъ образомъ: каждый изъ мужчинъ накидываетъ на себя верхнюю будничную одежду, надѣваетъ шапку; также дѣлаютъ и женщины—старухи. Въ такомъ видѣ каждый поочередно подходитъ къ столу, беретъ часть хлѣба, подходитъ къ корыту (можно попарно и по три человѣка) и крошитъ хлѣбъ, перебирая поименно умершихъ, кто кого вспомнить, потомъ беретъ ложкой бульонъ и также льетъ по каплямъ, потомъ кашу и мясо, затѣмъ льетъ изъ чарки кумышку и пиво. И послѣ крошенія или пролитія каждый говоритъ: пусть дойдетъ наша жертва до васъ, покойтесь, живите мирно (голодомъ не живите), Ыр-пыдъ даемъ. Это повотьяцки говорится такъ: чеке, пересьѣс! буместѣ, азяды медъ усез, Ыр-пыд сетъсьском. При поминовеніи полагается отвѣдывать часть всего предложеннаго ¹⁾.

По исполненіи обряда поминовенія садятся за столъ ѣсть и пить. Каждая женщина изъ своей бутылки долгомъ считаетъ угощать другихъ женщинъ и мужчинъ. Мужчины въ это дѣло не вмѣшиваются. Свѣчи тѣмъ временемъ догораютъ и гаснутъ. Кости послѣ ѣды собираются въ лукошко, которое до времени стоитъ на полу. Послѣ ѣды никогда не крестятся, а если и молятся, ограничиваются поклонами Богу безъ крестнаго знаменія, а вмѣсто крестнаго знаменія гладятъ рукой голову при поклоненіи, и бла-

¹⁾ Прим. Мужчины и женщины, имѣющіе живыхъ родителей, не участвуютъ въ крошеніи, также холостые парни, дѣвки и беременныя женщины.

годарятъ Бога словами: «тау, Инмаре», что значитъ: благодарю Тебя, Боже мой. Молодушка, которая приноситъ въ жертву, стелетъ на плсъ, подлѣ лукошка, холстинку, стоя на колѣняхъ и при этомъ цѣлуетъ холстъ свой, а мужъ кладетъ монету на холстъ такимъ же образомъ, стоя на колѣняхъ. Такъ поступаетъ каждая женщина со своимъ мужемъ. При этомъ говорятъ по вотяцки: «киадъ пыдадъ кутъ». Это значитъ по русски: прими въ руки и ноги. Затѣмъ, сдѣлавъ поклонъ, каждый отходитъ. Дѣти, конечно, не участвуютъ при исполненіи сего обряда. Однако соблюдаютъ тишину и благоговѣніе, принаравливаясь къ настроенію духа старшихъ. Затѣмъ запрягаютъ сколько есть лошадей съ колоколами и мужики провожаютъ кости, холстинки и монеты, собравъ все въ одно лукошко, на извѣстное мѣсто. Мѣсто это называется по-вотяцки лѣ-куянь, или куръ-куянь, т. е. мѣсто, куда бросаютъ кости и лубки. Подъ этимъ названіемъ еще можно подразумѣвать мѣсто, куда бросаются остатки послѣ покойниковъ: лубокъ, на которомъ онъ лежалъ, стружки отъ гроба, рубашка, штаны, въ которыхъ онъ померъ, вѣникъ, которымъ обтирали его при обмываніи, также туяски и чашки, въ которыя дѣлали возліянія. Мѣсто это обыкновенно бываетъ при кладбищенской дорогѣ подъ слью, или въ лѣсочкѣ, и мѣсто это становится какимъ то страшилщемъ: мимо его по ночамъ рѣдко кто проходитъ хладнокровно, потому что вотяки люди очень суевѣрные. Проводы костей, холстинокъ и монетъ бывають съ пѣснями, приновреленными къ обстоятельству. Съ собой берутъ штофъ кумышки. Кабацкая водка при молебныхъ церемоніяхъ не употребляется; если нельзя достать кумышки, то въ такомъ случаѣ обходятся и безъ кумышки, довольствуясь однимъ пивомъ. Кумышка должна быть отъ той женщины, которая поминаетъ своихъ родителей. Кабацкое вино можно допустить только внѣ исполненія священныхъ обрядовъ. Обрядъ выкладыванія изъ лукошка исполняется слѣдующимъ образомъ: сперва стелютъ солому по возможности потолще, потомъ вынимають лукошко и корыто. При этомъ зять умершаго встаетъ на колѣни, кладетъ монету, предварительно поцѣловавъ ее, и дѣлаетъ поклонъ. Потомъ начинаютъ выпивать кумышку, взятую съ собой.

Примѣчаніе. Если есть у этой женщины братья, то довольно одному изъ нихъ принести въ жертву умершимъ родителямъ: отцу лошадь, а матери корову, а сестры ихъ ограничиваются приношеніемъ одной коровы отцу и матери.

Моленія бабъ вотячекъ. По вотяцки они называются: нылкъшно-вѣсьес. Частыя неудачи выкуриванія кумышки вызываютъ иногда вотячекъ доискиваться причины неудачи, поему для точнѣйшаго разъясненія дѣла отправляются къ ворожцу (усто-туно), который отличается какъ бы прозорливостью. Ворожцы обыкновенно приказываютъ одно изъ двухъ, именно: принести въ жертву черному бѣсу черную овцу, когда они признають, что причина неудачи отъ козней діавола, или же черную курицу покойникамъ, когда найдутъ, что причина неудачи лежитъ въ умершихъ.

Моленіе бабами черному бѣсу черной овечки. (Сьѣд перилы сьѣд ѡжъ). Причина этой жертвы, какъ уже сказано было выше, неудачное выкуриваніе кумышки: она имѣетъ цѣлю умилостивить того чернаго бѣса, который вредитъ по мнѣнію ворожца въ выкуриваніи кумышки. Для моленія этой овечки обыкновенно сходятся нѣсколько сосѣднихъ бабъ, у которыхъ кумышка не удается, въ одинъ изъ своихъ шалашей и воровски рѣжутъ украденную чью нибудь чужую овечку чернаго цвѣта. Внутренности овечки, какъ то: голову и ноги варятъ, изъ полученнаго бульона часть берется, сколько нужно, въ чашку, потомъ изъ оставшагося въ котлѣ бульона варятъ кашу. Часть каши опять берется въ другую чашку и начинаютъ молиться на колѣняхъ. При этомъ молитвенницей должна быть одна которая нибудь изъ нихъ. Она должна молить сперва бульонъ въ чашкѣ и по молитвѣ часть бульона льется изъ ложки въ огонь. Потомъ должна также поступить и съ кашей, и мясомъ, и кумышкой. Хлѣба онѣ не молятъ. Часть каши и мясо въ особой чашкѣ должно возносить, посвятить въ вылѣ мычонъ т. е. на полицу, въ передній уголь. Женщины не должны возносить, или поднимать жертву на ту полицу, которая устравается мужчинами; онѣ дѣлаютъ для себя особую полицу въ переднемъ же углу ниже мужской. Затѣмъ садятся ѣсть, часть жертвы несутъ домой. Все это дѣлается тайно отъ людей и отъ семейныхъ въ отсутствіи мужиковъ своихъ. Узнаютъ же семейные объ этомъ моленіи при видѣ остатковъ отъ жертвы.

Моленіе бабъ черной курицы усопшимъ. Это моленіе по вотяцки называется «кулэмъёслы сьѣд курег вѡсянъ». Каждая вотячка, у которой кумышка не удается, колетъ сама курицу въ своемъ шалашѣ за котломъ. Изъ курицы сперва варятъ бульонъ, потомъ кашу. Молятъ бульонъ, кашу съ мясомъ и часть ихъ сжигаютъ въ огнѣ. Затѣмъ возносятъ, какъ уже сказано выше, а оставшіяся части послѣ ѣды несутъ домой.

16. Свадьбы, роды, похороны.

Моленія при свадебныхъ обрядахъ.

Свадебную церемонію вотяковъ можно подраздѣлить на пять періодовъ: 1-е сватаніе, 2-е сговоръ, 3-е увозъ невѣсты въ домъ жениха, 4-е яратонъ, 5-е сюанъ. При первомъ собственно испрашивается согласіе родителей или родственниковъ невѣсты выдать за даннаго жениха. При второмъ совершается ряда выкупа невѣсты и приданнаго (калым и Ыр-дун). При третьемъ одѣваніе и проводы невѣсты въ домъ жениха. При четвертомъ (яратонъ) увозъ невѣсты, или возвращеніе въ домъ ея родителей для исправленія дома недоконченной работы; увозятъ родители и родственники ея. При пятомъ окончательное иредставленіе невѣсты въ домъ жениха; пріѣзжаютъ за ней родители или родственники жениха. Всѣ эти обряды совершаются довольно

чинно. Соблюдается во всем сдержанность, только послѣдніе два періода — яратонъ и сюанъ выражаютъ свободу воли и то при строгомъ исполненіи прямыхъ обязанностей поѣзжанъ. При яратонѣ гостями являются родители и родственники невѣсты въ домѣ жениха, а при сюанѣ родители и родственники жениха въ домѣ молодухи. Гости эти состоятъ изъ поѣзжанъ съ женами, молодыхъ парней и дѣвокъ. Поѣздъ въ томъ и въ другомъ случаѣ совершается торжественно, чинно и дружно. Каждый ѣдетъ со своимъ семействомъ на парѣ и съ колоколами. Предводителемъ или распорядителемъ пира является крестный отецъ со своей женой: онъ носитъ наѣваніе *тѳре*, что значитъ предсѣдатель. При яратонѣ невѣстинъ крестный, а при сюанѣ жениховъ. У каждаго долженъ быть свой *тѳре*. Самые обряды и церемоніи, какъ то: даренія, пѣніе пѣсенъ довольно сложны. Пѣніе пѣсенъ поѣзжанами должно сопровождаться при входѣ въ домъ новаго родственника и предъ уходомъ. Молчаніе или разговоръ бываетъ за столомъ во время выпивки и закуски (ѣды); въ это время и также послѣ ѣды потчуютъ гостей пивомъ и кумышкой. Пѣсни всѣ поются благодарственнаго и хвалебнаго содержанія. Болѣе же выдающимся обрядомъ въ религиозномъ смыслѣ является дѣйствіе *тѳре*. При посѣщеніи дома новыхъ родственниковъ, также въ домѣ жениха и невѣсты *тѳре* предъ вкушеніемъ пищи, сѣдя за столомъ въ переднемъ углу въ шапкѣ, произноситъ молитву, въ которой проситъ Бога ниспослать молодой четѣ множество земныхъ благъ и счастья. Это дѣлается тогда, когда все подано на столъ. На столѣ, накрытомъ бѣлою скатертью, должны быть: ярушники (хлѣбы изъ яровой муки), каша, предъ *тѳре* полагается пиво въ деревянной чашкѣ, равнымъ образомъ и кумышка, по моленіи которыхъ часть пива и кумышки сгмъ пѣтъ сколько нибудь, потомъ передаетъ свекру молодухи, если это во время яратона, а если во время сюама — отцу молодухи; по возвращеніи чашки *тѳре* опять передаетъ свекрови или матери невѣсты и т. д. по старшинству и по чину. Выпивъ съ благовѣніемъ часть пива или кумышки, каждый изъ присутствующихъ желаетъ всѣхъ благъ молодой четѣ. Потомъ садятся обѣдать. Слѣдовательно, *тѳре*, или иначе сказать *тѳр-пукись*, какъ выражаются Казанскіе вотяки, есть не только распорядитель пира, но и молитвенникъ, или священное лицо на свадьбѣ. Онъ всегда старается достойно исполнить свою обязанность со тщаемъ и благоговѣніемъ, иначе не будетъ порядка и чинности въ пиру на срамъ поѣзжанамъ, изъ которыхъ нѣкоторые часто напиваются чрезмѣрно и въ такомъ случаѣ онъ долженъ отстать отъ артели, какъ говорятъ вотяки. Нужно замѣтить, что яратонъ и сюанъ бываетъ только у богатыхъ, а у бѣдныхъ обходятся безъ яратона и сюана, и въ такомъ случаѣ невѣста черезъ нѣсколько времени возвращается въ домъ родителей и опять увозится окончательно. По привозѣ въ первый разъ невѣсту вводятъ въ шалашъ для поклоненія воршуду, потомъ оттуда въ клѣтъ, гдѣ ее забавляютъ игрой на гусляхъ и пляской молодые парни и дѣвушки, которые чередуются въ танцахъ. Замѣчательно, когда вводятъ молодыхъ на подклѣтъ, *тѳре* и старшіе остаются въ избѣ за

столомъ, а молодчхъ отправляютъ въ клѣтъ. Здѣсь ее раздѣвають и она остается въ одной рубашкѣ; къ тому времени въ шадашѣ готовятъ для молодыхъ и молодежи пельмени, которые должны быть инне съ мукой, инне съ солью, инне съ овсомъ, инне съ ячменемъ, инне съ хвоями, а инне съ мясомъ. По нимъ примѣчаютъ, насколько счастливы имѣютъ быть молодые. Если попадетъ ячень, то значить будутъ жить шероховито; если соль или мука попадетъ, то значить будутъ счастливы; пельмени эти ѣдятъ и прочіе кто желаетъ, при этомъ норовятъ, чтобы попали говязки пельмени, хотя рѣдко удается. Потомъ одинъ ктонибудь изъ бойкихъ товарищей жениха беретъ хлѣбъ съ масломъ или пельмени въ тарелкѣ, и начинаетъ молить, высказывая свои пожеланія молодымъ относительно похотѣнія плоти, перебирая для примѣровъ образъ жизни самыхъ похотливыхъ животныхъ и птицъ, какъ то: свиней, воробьевъ и пр., а о выраженіяхъ срамно и говорить. При этомъ бываетъ страшный хохотъ. Затѣмъ невѣсту передаютъ жениху, который долженъ въ то же время при всѣхъ свалить ее на приготовленную постель, но это не всегда удается жениху, сильная невѣста часто сопротивляется, такъ что, если женихъ малъ, слабъ и безсиленъ, доводится помогать другимъ парнямъ. Затѣмъ гасятъ огонь въ клѣти, и идутъ въ избу, оставивъ тамъ молодыхъ, къ тѣре съ докладомъ, что дѣвку, невѣсту, обабили, при этомъ даютъ тѣре пельмени ѣсть. За это тѣре подаетъ имъ кумышку, говоря: ладно, если съумѣли. Поданную кумышку молодежь пьетъ, стоя на колѣняхъ; чарку передаютъ другъ другу и наконецъ возвращаютъ тѣре. Остатокъ кумышки послѣ ихъ допиваетъ самъ тѣре и говорить: ну те, и я попробую... На другой день опять созываютъ сосѣдей и тѣре, который по обыкновенію молить хлѣбъ, высказывая добрыя пожеланія молодой четѣ и, взявъ одинъ изъ яровыхъ хлѣбовъ, даетъ дѣвушкамъ, собравшимся къ тому времени, а онѣ, взявъ этотъ хлѣбъ, комысло съ ведрами и молодушку, идутъ на рѣчку. Здѣсь, почерпнувъ въ ведра воды, ктонибудь изъ присутствующихъ дѣвицъ подноситъ молодушкѣ, а она жертвуетъ серебряную монету, которую беретъ ктонибудь изъ присутствующихъ дѣвицъ. Затѣмъ той водой начинаютъ окатывать или купать всѣхъ присутствующихъ, также и молодушку. Этотъ обрядъ купанія по вотяцки называется «кен платон». Потомъ, снова почерпнувъ въ ведра воды, передаютъ съ комысломъ молодушкѣ, а она несетъ на себѣ домой первый разъ, а дома передаетъ свекровкѣ, также передаютъ ей и хлѣбъ, взятый съ собой, а свекровка передаетъ хлѣбъ тѣре. Засимъ окатываютъ водой прежде всего тѣре изъ ковша и прочіихъ присутствующихъ. Возвращенный хлѣбъ тѣре по молитвѣ рѣжетъ и говоритъ: пусть до старости носить воду и печетъ хлѣбъ. Затѣмъ молодушка потчуетъ тѣре кумышкой, а сама встаетъ на колѣни; по возвращеніи кумышки, потчуетъ и другихъ, но уже стоя на ногахъ. Въ кумышку полагаются для невѣсты монеты. Это обрядъ поздравленія.

Моленіе по рожденіи младенца. По-вотяцки это моленіе называется «нуны шьдъ», т. е. ребячій супъ или каша. Обыкновенно варятъ какое нибудь прилучившееся мясо: гуся, утку или баранину, а когда сварится, мясо достаютъ и спускаютъ крупу, такимъ образомъ получается каша. Потомъ накрываютъ столъ бѣлою скатертью, кладутъ хлѣбъ, если есть изъ яровой муки, а яровые хлѣбы, какъ уже сказано было выше, мажутся масломъ сверху, только ржаной хлѣбъ никогда не мажется имъ. На хлѣбъ, назначенный для моленія, сверху полагается часть чухонскаго масла, затѣмъ достается изъ котла сварившаяся каша въ деревянной чашкѣ. Хлѣбъ съ масломъ молятъ до крещенія, тотчасъ же, какъ родится младенецъ, а кашу послѣ крещенія. Мѣстомъ для моленія во дворѣ служитъ у нѣкоторыхъ набожныхъ вотяковъ особо устроенный палисадникъ, который огораживается тынникомъ или прясломъ, и это мѣсто почитается священнымъ, какъ кереметь или куала. Нужно полагать, что въ древнія времена вотяки обоготворяли самый лѣсъ, а чтобы приблизить къ себѣ божество, садили деревья во дворѣ, а впоследствии стали вѣрить, что Богъ обитаетъ на деревьяхъ, какъ и теперь вѣрятъ. По моленіи хлѣба съ масломъ входитъ въ избу отецъ младенца и извѣщаетъ своихъ родственниковъ и близко знакомыхъ друзей, чтобы и они приняли участіе въ радости его. Для нихъ рѣжется хлѣбъ и масло на тарелкѣ. Гости сидятъ за столомъ чинно и тихо говорятъ между собою, при этомъ не полагается много ѣсть. Такого человека, кто въ гостяхъ ѣсть много, осуждаютъ, какъ безстыднаго. Описываемое моленіе называется «вѣй сѣон», т. е. яденіе масла. При немъ бываетъ обязательно кумышка, нарочно приготовленная къ тому времени рожаницей. На счастье новорожденному гости кладутъ на масло монеты мѣдныя или серебряныя, кто сколько хочетъ, только не голой рукой, а положивъ на рукавъ кафтана или вилу; точно также и отецъ младенца долженъ получить деньги рукавомъ. Это называется «сѣзы кутыса сас ылын». По крещеніи же младенца отецъ молитъ кашу во дворѣ же; по возвращеніи со двора въ избу, всѣ должны отвѣдывать кашу, какъ освященную, а сжигать часть каши или мяса и хлѣба не полагается. Потомъ, снова взявъ часть каши, выходитъ другой разъ молить и при этомъ обѣщаетъ «кылчинъ тоқа» (см. выше о брачныхъ моленіяхъ) ангелу хранителю младенца. По входѣ въ избу выносить кумышку, которую молить въ избѣ. Обращаясь къ Богу, просить, чтобы новорожденный выросъ большой, былъ славенъ и долгодѣтенъ, чтобы число лѣтъ его достигало до числа крупы въ кашѣ, чтобы былъ плательщикъ полати, а если новорожденный второй уже сынъ,—чтобы служилъ царю коломъ въ пряслѣ (кенер маикъ мед ло), т. е. пригодился въ солдаты, а если родилась дочь, то говорится, чтобы пригодилась для добрыхъ людей.—Рожать дѣтей бабы вотяцкія обыкновенно ходятъ въ баню и приглашаютъ бабку вотячку. По роженіи бабка нарекаетъ банное имя новорожденному, соображаясь съ временемъ года,—такъ, напримѣръ, если ребенокъ родится во время жатвы, имя младенцу дается *культокъ*, отъ слова культо, что значитъ снопъ (во время жатвы овса родившійся называется

сезай); если родится вскорѣ послѣ прилета пиголецъ, дается имя *кседымъ*, или *схдымъ*, т. е. пиголица; если послѣ прилета жаворонка, то новорожденный называется *ббдыно*, т. е. жаворонокъ. Иногда и не сообразуются съ этимъ: младенца женскаго пола называютъ иногда *мардзянъ*, т. е. коралловыя бусы. Есть еще имена отглагольныя, напр.: *туктай*, я остановился (татарское слово съ вотскимъ окончаніемъ). Имя съ такимъ значеніемъ дается съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы дѣти остановились, перестали умирать, если они раньше умирали. Иногда имена даются чисто-татарскія: Петашъ, Раимъ, Абдолло, Искендеръ, Эшматъ, Исэмбай. Могутъ быть и женскія имена съ татарскими значеніемъ, напр.: Тутыкышъ (Павлинь), Туктабай и пр. Съ этими именами часто остаются дѣвушки до замужества, но зовутся также и Христіанскими именами. Замужемъ собственное имя дѣвицы остается только большею частью для мужа, но и онъ часто зоветъ ее мѣстоименіемъ ты (это называется по вотяцки нимъ-ватонъ, т. е. скрываніе имени). Для семейныхъ имя ея снохакэнь, а для постороннихъ, кромѣ подругъ, имя ея совѣмъ теряется, ее тогда зовутъ по имени родоначальницы ея, а величаютъ по мужу,—напр. *Педоръ Имъесъ*, что значитъ: Θεодорова Имъесъ, т. е. она изъ рода Имъесъ, по родоначальницѣ. Такимъ образомъ нарицательное ея имя становится собственнымъ именемъ ея. А мужчины носятъ всегда почти то имя, которое дается при крещеніи, но однако бываютъ и такіе случаи, что и у мужчинъ иногда остаются банныя имена, или другія какія нибудь самими выдуманная, христіанскія или языческія. Это бываетъ вотъ въ такихъ случаяхъ. Представимъ себѣ, что новорожденный обмеръ; тогда мать начинаетъ кликать по имени, какое дано при крещеніи. Положимъ, что имя младенцу Григорій—она и кричитъ: «Григорей! кытсы кошкидъ, Григореедъ татынь?!»—Это значитъ: «Григорій! куда ушелъ,—Григорій твой здѣсь?!»—Если ребенокъ не оживаетъ отъ того, тогда она вмѣсто Григорія начинаетъ перебирать другія разныя имена. И при какомъ имени ребенокъ оживаетъ, съ тѣмъ именемъ и остается навсегда. Это называется по вотяцки «Нимъ кушконъ», или еще «лулъ утчянь», т. е. исканіе имени, или искъ души. Это иначе зовется *урт потэм* (по нарѣчію вотяковъ казанской губерніи), что значитъ: душа вышла.

Примѣчаніе. Вотяки представляютъ, что отходящую душу младенца такимъ образомъ можно остановить. Также думаютъ вотяки, что душа отходитъ при испугѣ. При испугѣ плюютъ на голую грудь, говоря: «Лулмэ сѣтъ», что значитъ: «дай мою душу». Это для того, чтобы душа болѣе утвердилась внутри того человѣка. По совѣту ворожцовъ, носятъ на шеѣ привѣски, наговоренныя ворожцомъ. Привѣски дѣлаются изъ разныхъ предметовъ, но большею частью изъ вересу (можежевельника), воску или же литого олова. Эти же привѣски назначаются ворожцами и отъ уроковъ и отъ порчи. Изъ нихъ же дѣлаются привѣски и скотинѣ отъ уроковъ, порчи и козней діавола. Отъ прикосновеній и козней діавольскихъ употребляются главнымъ образомъ таволожка (по вотяцки тубылги) и желѣзо. Поэтому

и принято въ люлкѣ младенца подѣ подушкой или надѣ подушкой класть ножницы. Ушибѣтъ ли вотякъ себѣ палець или глазъ, обязательно кусаетъ тотъ предметъ, которымъ онъ ушибся, при этомъ просить его, чтобы онъ (предметъ тотъ) возвратилъ ему глазъ или палець или руку, говоря: кимъ сѣтъ, пидме сѣтъ, синмэ сѣтъ, т. е. дай мою руку; дай мою ногу; дай мой глазъ. Упадетъ ли вотякъ куда нибудь, также плюетъ на то мѣсто, куда онъ упалъ, говоря: Остз! т. е. Господи помилуй. Если кто нечѣянно ткнѣтъ пальцемъ кому либо въ глазъ, первый обязательно долженъ дать послѣд- нему свой палець куснуть, конечно легонько, при кусаніи говорить: «синме сѣтъ», т. е. дай, мой глазъ. Такимъ образомъ вотяки и съ предметами не- одушевленными обращаются, какъ съ одушевленными, могущими возвратить отнятое ими что либо.

Въ самый день рожденія младенца изъ того дома никому и ничего не дается, ни въ долгъ, ни взаймы и ни въ даръ, развѣ только за деньги, и еще, если оставить проситель что либо взамѣнъ просимаго предмета. Точно также дѣлается и при рожденіи жеребятъ, телятъ, козлятъ и ягнятъ. Въ предостереженіе отъ «уроковъ» ихъ покрываютъ чѣмъ нибудь изъ одежды или же опоясываютъ поясомъ, окуриваютъ можжевельникомъ. Рожаницѣ вотячки—бабы приносятъ кашу или шей, при этомъ отъ рожаницы полагается кумышка для приносящихъ: рожаницу полтъ горячей кумышкой.

Моленіе при похоронахъ. По смерти кого либо въ семей- ствѣ извѣщаютъ близкихъ родственниковъ, чтобы прѣхали или пришли на похороны. А сами тѣмъ временемъ омывають усопшаго комнатной водой. Одинъ держитъ надъ усопшимъ вѣнникъ, а другой поливаетъ воды изъ ков- ша на вѣнникъ и такимъ образомъ обтирають сырмъ вѣнникомъ все тѣло. При обмываніи женщины мужчины не участвуютъ и также при обмываніи мужчины женщины не участвуютъ. Затѣмъ начинаютъ одѣвать. При этомъ держать покойника или на ногахъ или въ сидячемъ положеніи. Потомъ кладутъ на посланную соломой нару до положенія во гробъ. По положе- ніи во гробъ остается покойникъ тутъ же на нарѣ. Къ тому врмени гото- вять мужчины свѣчи восковыя (свѣчи эти бывають самодѣльные или берутъ изъ церкви готовые), а бабы изъ свѣжеколотой курицы (если умершая жен- щина, а если мужчина—то пѣтуха); можетъ быть и толокно на водѣ, или же, наконецъ, простое мясо. Въ бульонѣ полагается родъ клсцокъ (ычкемъ). У дверей на приступкѣ печки ставится корыто, предъ которымъ ставятся нѣскольکو мелкихъ восковыхъ свѣчъ, также и въ головахъ покойнаго. За- тѣмъ въ корыто кладется частицами мясо, или толокно, обмакнутое въ ма- сло, также льется по каплямъ и бульонъ съ ычкемъ изъ ложки, при этомъ перебирають имена умершихъ, чтобы они приняли возліаніе сіе и ѣли и пили всѣ вмѣстѣ и насладились и никто чтобы не остался недовольнымъ, также чтобы приняли новопреставленнаго. Если умеръ неженатый парень, просятъ стариковъ, чтобы они женили его, а покойнику говорятъ, чтобы онъ тамъ не тосковалъ, потому что тамъ есть близкіе родственники, ко-

торы могут любить его, и чтобы тамъ женился. Если умерла дѣвушка— тоже совѣтуютъ выйти замужъ и вести дружбу съ родственниками. Прощаясь съ покойникомъ, цѣлуютъ его и старшіе говорятъ: «Земля, которая падетъ на тебя, пусть будетъ серебро и золото (ымъ нырь выладъ усемъ съедъ зарни но азвесь медло). Тоже говорятъ, когда бросаютъ землю въ могилу. Выносятъ покойника черезъ снятую дверь, чтобы онъ не нашель домой дорсги, т. е. чтобы онъ безъ дѣла, когда не нужно, не ходилъ домой. Провожаютъ за ворота и говорятъ: хорошо живи въ томъ мірѣ (зечь уль со дуннеядъ).

На могилѣ въ концѣ концовъ послѣ похоронъ и крошенія говорятъ: эмэш татынъ кезытъ угъ, это значить: ой, здѣсь холодно! т. е. нехорошо, неприятно. Такъ провожаютъ въ церковь для отпѣванія, если онъ крещенъ. Вѣникъ, стружки, грязные штаны и рубашки также увозятъ съ собой и бросаютъ на особо назначенное для того мѣсто недалеко отъ деревни (см. куркуянъ). Впрочемъ стружки и вѣникъ могутъ быть разостланы въ гробъ. На мужчину лѣтомъ надѣваютъ шляпу, а зимой шапку и рукавицы, а также трубку съ кошелемъ, если онъ курилъ, или кодочникъ, которымъ плелъ лапти. Родственники, вышедшіе на встрѣчу, также пришедшіе на похороны, приносятъ кумышку и льютъ сму въ гробъ, какъ бы въ ротъ. На могилу послѣ похоронъ крошатъ яйца варенья, горбушу отъ корова, приговаривая: «земля, падшая на твое лице, пусть будетъ золото и серебро». Придя домой, отправляются прямо въ баню, здѣсь предъ баней окуриваются, потому входятъ въ баню и моются. Изъ своихъ семейныхъ пару никто не долженъ поддавать, потому что усопшій можетъ осердиться, да покойному можетъ обжечь лицо паромъ. А когда чужой накидываетъ паръ, то долженъ говорить покойнику: «береги лицо».

Въ Казанской губерніи пришедшіе послѣ похоронъ, если не топили баню, прямо идутъ въ избу. Въ такомъ случаѣ хозяйка дома бросаетъ на нихъ спереди горячую золу въ знакъ очищенія. Для умершихъ маленькихъ дѣтей не топятъ баню. Въ домѣ доѣдаютъ щи, приготовленные для поминовенія. Подобное же моленіе бываетъ въ 3-й день, 40-й и въ годъ, если усопшій былъ большой. Приносятъ въ домъ кумышку, хлѣба и мяса.

Примѣчаніе. Если солдатъ вотякъ умереть на войнѣ, или на службѣ, то около кладбища ставятся памятники, столбики, въ родѣ деревенской скворешницы вышиною въ $\frac{1}{2}$ аршина. При поминкахъ, когда бываютъ на могилѣ для крошенія и оплакиванія, поминаютъ и солдатъ у памятниковъ. Памятники эти называются *коросъ*, или *керосъ*. Впрочемъ прежде на могилахъ каждаго дѣлались памятники, только не такого вида, а въ родѣ крыши дома. Поминаютъ, т. е. крошатъ вотяки, когда ѣдутъ въ гости или ѣдутъ изъ гостей. Крошеніе это производится дорогой, когда поровняются съ кладбищемъ. Въ гости ѣдутъ-поминаютъ своихъ родственниковъ, а изъ гостей ѣдутъ, поминаютъ родственниковъ того человѣка, у кого они гостили. О крошеніи нужно думать, что оно перешло въ древности къ вотякамъ

отъ славянъ, которые поклонялись роду и рожаницамъ, судьбѣ. «Аже се и рожаницѣ крають хлѣбы и сиры и медъ»... *Крають* отъ *край* (горбушка хлѣба), кроить—отрѣзывать, приносить части. И пили въ честь ихъ. Ломятъ короваи, ставятъ кумиры и трапезы. (См. Исторія Россіи Соловьева, томъ I, стр. 343).

17. Другіе обряды.

Обрядъ на выходъ мертвецовъ изъ могилы (Великій четвергъ).

Канунъ Великаго четверга у вотяковъ называется кулэмъ потонъ уй, это значитъ: ночь выхода мертвецовъ. Днемъ топятъ баню, къ вечеру приносятъ свѣжія ломанныя вѣтки пихты или вереса или можжевельника и муравейникъ съ муравьями въ мѣшкѣ. Первыми окуриваются сами со всѣмъ семействомъ и перешагиваютъ черезъ зажженный вересникъ и пихту, также окуриваютъ и въ стаѣ, скотномъ дворѣ, а муравейникъ изъ мѣшка разбрасываютъ по стаю, говоря: подобно муравьямъ пусть размножится скотъ въ стаѣ. Домъ и дворъ очерчиваютъ желѣзной лопаткой, впрочемъ это не вездѣ принято. Въ шеляхъ дома кладутъ (втыкаютъ) сучья отъ вересу или пихты, также на хлѣбы, на улы и т. п., потому что эти предметы считаются средствами для изгнанія бѣсовъ. Все это дѣлается съ произнесеніемъ слова «Остѣ». Пихта, вересъ и желѣзо считаются орудіями противъ бѣсовъ, злыхъ духовъ. Въ эту ночь по вѣрованію вотяковъ выходятъ собственно изъ мертвецовъ знающіеся съ бѣсами, т. е. вѣдьмы, вѣдуны, которые выходятъ въ эту ночь для порчи людей и скота въ удовлетвореніе своей злобы. Они летаютъ въ видѣ огненныхъ шаровъ или огненныхъ змѣй. Чтобы преградить имъ путь, слѣдуетъ только надѣть на себя хомутъ: отъ этого они падаютъ на землю и принимаютъ видъ человѣка. Тогда можно узнать, кто и откуда они, и поступать съ ними какъ угодно, потому что они тогда теряютъ свою силу и могущество. Предлагается еще порвать завязки, замѣняющія верхнія пуговицы на прорѣхѣ рубашки. Впрочемъ вѣдьмы ходятъ и въ другія времена года. Такъ будто бы видали много разъ одного крестьянина Бурановскаго прихода дер. Вольиной послѣ его смерти въ обыкновенномъ видѣ. По этому случаю въ 1889 году лѣтомъ Бодьинскіе мужики, собравшись всей деревней, ходили на кладбище, розыскали могилу его и вколотили осиновый колъ такъ, чтобы угодить ему прямо въ грудь. Чтобы вѣдуну или вѣдьмѣ не ходить послѣ смерти домой, имъ должно, по мнѣнію вотяковъ, предъ смертью передавать свое искусство преемнику или преемницѣ, которыхъ они имѣли въ виду кандидатами на это званіе. Впрочемъ по временамъ они и при жизни мучатся, такъ что съ ними бывають сильныя припадки въ родѣ родимца. Въ такомъ случаѣ подъ голову имъ подкладываютъ голикъ (вѣникъ), чтобы успокоить ихъ и привести въ нор-

му. Вѣникъ или голикъ и также вересь считаются имѣющими силу противъ вѣдуновъ (колдуновъ).

Обрядъ изгнанія бѣсовъ и болѣзней въ субботу, наканунѣ вербнаго воскресенія, посидѣнки и семикъ.

По понятію вотяковъ, болѣзни суть живыя существа. Олицетворяемая человѣческія болѣзни ходятъ въ видѣ человѣка, какъ это представляють и русскіе (напр., лихорадки въ видѣ косматыхъ и пологрудыхъ бабъ). Скотскія же болѣзни ходятъ въ видѣ собакъ, которыя наводятъ эпидемію своимъ присутствіемъ и прикосновеніемъ. Всѣ эти болѣзни приписываются дѣйствию бѣсовъ. Наканунѣ Вербнаго воскресенія, вечеромъ, молодые парни, вооружившись ивовыми или таловыми вицами или же чѣмъ попало, ходятъ по избамъ и бьютъ ими полаты, стѣны и брусья, при этомъ неистово кричатъ, приговаривая: «кылезь-дэйезь ульяльскомъ», что значитъ: «гонимъ хворости и болѣзни». Бьютъ также и людей, особенно кого застанутъ спящими на постели. Но парней большею частью въ избы не пускають, чтобы они не затоптали молодыхъ ягнятъ. Въ такомъ случаѣ они бьютъ съ улицы дома и также кричатъ. Ходятъ же обыкновенно съ огнемъ, зажигаютъ смолистые сучья. Это начинается съ одного конца деревни и оканчивается на другомъ концѣ послѣднимъ домомъ; потомъ всѣ палки и вицы бросають въ поле. Въ этотъ день понастоящему слѣдуетъ очертить домъ, чтобы бѣсы не могли перейти за черту. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ этотъ вечеръ молодежь собирается въ баню, парни и дѣвки. Въ Казанской губерніи молодые парни, а иногда и женатые идутъ туда съ моченымъ горохомъ въ кошелѣ. Собравшись всѣ въ одну топленую баню, выбираютъ изъ своей среды десятниковъ, сотниковъ, судей, выборныхъ, старшину, застѣателя, пристава и урядника и начинаютъ собирать подати. Деньгами служить горохъ. Нѣкоторые для виду сопротивляются и такихъ бьютъ довольно болѣно. Бываетъ шумъ, крикъ, смѣхъ, ругань и брань скверными словами. Особенно же ревностно дѣствуютъ приставъ, урядникъ и старшина. Если есть возможность, надѣвають знаки отличія; бываютъ розги, которыми неплательщиковъ стегаютъ. Дѣвки не участвуютъ въ этой игрѣ, а только служатъ зрителями.

Посидѣнки бываютъ обыкновенно въ домахъ бѣдныхъ людей: тѣмъ, которые пускають посидѣнки, молодые парни платятъ за помѣщеніе деньгами или кто чѣмъ можетъ. Это обыкновенно бываетъ рождественскимъ постомъ. Въ назначенный день парни и дѣвки собираются вечеромъ каждый со своей работой. Парни большею частью плетутъ лапти, вяжутъ чулки или рукавицы, а дѣвки шьютъ что нибудь или тоже вяжутъ. При исполненіи работы загадываютъ загадки и отгадываютъ, играютъ въ жмурки, поютъ пѣсни, разсказываютъ сказки. Бываетъ, что иногда собираются и въ баню, но это только тогда, когда какая нибудь женщина или дѣвка варитъ кумышку, такъ чтобы ей не скучно было. Случается, что на посидѣнкахъ ситья попарно, парни съ дѣвками, и не безъ погрѣшностей въ отношеніи

чистоты нравственности. Иногда мечутъ жребій, кому съ кѣмъ спать. Это дѣлается такъ: берется по числу паръ молодежи нѣсколько нитокъ или мочалинокъ и каждый изъ присутствующихъ берется за нихъ—парни съ одного конца, дѣвки съ другого, потомъ нитки или мочалки разъединяются и тѣмъ объясняется, кому съ кѣмъ спать. Но этотъ способъ выбора, не всѣхъ удовлетворяющій, считается неудобнымъ. Къ утру каждый изъ нихъ долженъ быть дома: утромъ рано родители ревизуютъ работы своихъ дѣтей и если кто не исполнилъ урокъ, то получаетъ строгій выговоръ. Случается, когда насидятся вдоволь, ночевать идутъ домой.

Игрище у вотяковъ главнымъ образомъ бывають у качели. Обыкновенно качели строятся внѣ деревни и тутъ по вечерамъ собирается молодежь и дурятъ здѣсь до безобразія, поютъ и качаются и расходятся, кто куда желаетъ. Въ семицкѣ, въ четвертокѣ предъ Троицей, ходятъ также въ лѣса и на луга. Въ самый семицкѣ нарядные парни и дѣвки собираются съ вечера и до полночи играютъ, гуляютъ въ лѣсу или на лугахъ. Женщины и нѣкоторые мужчины ходятъ въ этотъ день на кладбище, съ собой берутъ вина и закуски, часть которыхъ льется и крошится на могилы родственниковъ, и оплакиваютъ близкихъ сердцу, какъ это дѣлалось у славянъ въ Троицкую субботу (см. Стоглавъ 23 вопр.) Въ установленные же праздники молодежь ходитъ другъ къ другу и потчуется съ товарищами. При этомъ подно звуки гуслей, скрипки или же гармоники, пляшутъ и поютъ, обыкновенно какія нибудь скверныя пѣсни. Участвовать могутъ и женатыя. Иногда и при посидѣнкахъ бывають музыка.

Обрядъ изгнанія бѣсовъ въ чистый понедѣльникъ.

Это совершается на другой день, *вой келянъ*, т. е. послѣ проводовъ масленицы. Проводы масленицы совершаются въ воскресенье. Въ этотъ день мужики и бабы пируютъ, ходятъ угощаться другъ къ другу, съ ними бываетъ музыка,—пляшутъ, поютъ. Молодежь также ходитъ только со своими сверстниками. Изгнаніе же бѣсовъ совершается вечеромъ на другой день. Ребята на этотъ разъ запасаются трешоткой, вѣниками и сучьями хвойныхъ деревьевъ. Трещать трешоткой, жгутъ вѣники и сучья, искры съ трешкомъ падаютъ на землю, а сами кричатъ и бѣгаютъ по улицѣ. Изъ нихъ кто нибудь носитъ на поясѣ измученную ими собаку. Если кто пускаетъ ихъ въ избу, то собаку эту бросаютъ на спящихъ, потомъ опять ловятъ ее. Кромѣ того у нихъ бывають палки расколотыя до половины и ими ударяютъ о брусъ дома. На концѣ деревни жгутъ всѣ свои вещи, какими они вооружались. Собаку же убивають палками и жгутъ въ огнѣ. На томъ мѣстѣ заблаговременно готовится столъ и на него ставятся пиво и кумышка, которыя ими вышиваются, при чемъ сарбу (буракъ или туссъ изъ бересты) рвется на куски, а бутылка разбивается. Собака служитъ символомъ бѣса и болѣзней, поэтому при эпидемическихъ болѣзняхъ вотяки хоронятъ живую собаку. Впрочемъ собака служитъ также жертвою въ удовлетвореніе мору, чтобы онъ пересталъ трогать людей. Нужно еще замѣнить,

что утромъ въ самый день изгнанія производится сборъ крупы и соли и назначается жрецъ, который по приготовленіи каши за деревней молить, чтобы бѣсы не могли остаться съ ними, гоняютъ же бѣсовъ по теченію мѣстной рѣки.

Маскарадный обрядъ. Въ Казанской губерніи онъ дѣлается такъ: молодымъ для игрища дается новый домъ, въ который еще не вошли жить; бываетъ иногда, что отдаютъ и жилой домъ, только тогда, впрочемъ, когда замѣчаютъ нѣкоторыя ненормальности или неестественности въ домѣ, когда бываетъ необыкновенный трескъ въ домѣ безъ всякихъ видимыхъ причинъ, или воображаютъ какуюнибудь кикимору. Это называется *нардугань*. Въ назначенный для игрища день, вечеромъ, или ночью, молодые парни по улицамъ кричатъ, чтобы шли въ нардуганъ въ такой то домъ; впрочемъ молодежь и безъ того знаетъ, когда и гдѣ будетъ игрище. Это бываетъ на святкахъ. Тутъ представляютъ медвѣдя, котораго мешеряки водили прежде по домамъ. Надѣваютъ на кого-нибудь вывороченный тулупъ, а подъ тулупъ на спину вкладываютъ подушку. Мнимымъ медвѣдемъ управляетъ главнымъ образомъ ктонибудь одинъ, который на шею ему надѣваетъ цѣпь, за которую водить, заставляетъ плясать по медвѣжьему, даетъ ему въ руки палку, а когда не слушается, бьетъ палкой по спинѣ, впрочемъ безъ боли, ибо подъ тулупомъ у медвѣдя кроется подушка. Медвѣдь срывается и бросается на людей или на хозяина и совершаетъ множество другихъ тому подобныхъ представленій; бываютъ и кошунственные маскарады. Послѣ всего командируются одинъ изъ лучшихъ парней и также двѣ дѣвицы на гаданіе. Берутъ съ собой покрывало и на разстаніи (на перекресткахъ, гдѣ расходятся двѣ или три дороги) очерчиваютъ по снѣгу кругъ на занятomъ мѣстѣ. Присѣвъ въ кругъ, всѣ трое покрываются покрываломъ, при этомъ говорятъ: ячь мед кыломы, т. е. чтобы слышать доброе. И слушаютъ, что только представится, при этомъ не полагается благословляться и произносить имя Божіе, иначе ничего не услышится. Бывали случаи, когда произносили имя Божіе, то будто невидимая сила разбрасывала ихъ. При этомъ наблюдаютъ: если услышатъ, что кто то ѣдетъ съ возомъ, это предвѣщаетъ урожай, а если кто строгається, предвѣщаетъ смертность. И послѣ гаданія приходятъ опять въ домъ игрища, гдѣ ихъ ждутъ, и объявляютъ, кто что слышалъ; потомъ расходятся, такъ же какъ на игрищахъ, обыкновеннымъ порядкомъ.

Маскарадъ въ Сарапульскомъ уѣздѣ Вятской губерніи не совершается, а его замѣняютъ посидѣнки, откуда тоже командируются подобнымъ образомъ на гаданіе. Слушаютъ иногда полъ окошккомъ, въ стаѣ или у конюшни. Подъ окошккомъ, если услышать хорошее выраженіе, то предвѣщаетъ доброе, а дурное выраженіе предвѣщаетъ дурное. У конюшни или въ стаѣ услышать вздохъ скотины—это предвѣщаетъ горе и печаль. Также дѣлается на гумнахъ и на разстаняхъ. На посидѣнкахъ молодежь печетъ блины изъ сборной для общей пользы муки, особенно въ новомъ домѣ; дрова также собираютъ.

Обрядъ встрѣчи Пасхи. Въ Пасху на расвѣтѣ мужчины женатые и холостые, также дѣвки (но не женщины), одѣваются въ праздничный нарядъ и у кого есть сѣдла, сѣдлаютъ лошадей, садятся верхомъ и отправляются къ кому нибудь во дворъ за старшими. Обыкновенно стараются принять въ каждый домъ и только несостоятельные отказываются принимать. Во дворъ ставится столъ, накрытый бѣлой скатертью, на столъ выносятся хлѣбы, яйца, пиво и кумышку для моленія. Молить же ихъ особо избранный человѣкъ изъ пожилыхъ людей; ему полагается помощникъ и оба они ходятъ пѣшкомъ со двора во дворъ. Помощникъ надѣваетъ себѣ на шею лукошко, изображающее барабанъ, объ который бьютъ палочками. Это дѣлается послѣ моленія отъ бездѣлья. Хозяинъ и хозяйка, равно дочь, если есть, или сынъ, потчуютъ своихъ друзей и знакомыхъ пивомъ и кумышкой. Случается, что дѣвки дарятъ своихъ возлюбленныхъ кушаньемъ (поясомъ самотканымъ) или, если не дарятъ, то по крайней мѣрѣ даютъ для ношенія на время. Впрочемъ это дѣлается такъ, что со стороны можно думать, какъ будто молодой парень снимаетъ рукавицы или опояску у дѣвки. Такимъ образомъ ѣдятъ со двора во дворъ съ пѣснями, установленными на этотъ случай. Во время шествія поютъ пѣсни: акашка лыктовъ гужласа сьорку пасьёссэ дьисяса, т. е. акашка (праздникъ Пасха) идетъ съ шумомъ, одѣвшись въ кунью шубу. И каждый бываетъ вооруженъ нагайкой или прутикомъ, а иной и палкой, которыми въ концѣ пѣсни ударяютъ объ крышу, общимъ крикомъ: вера, вера, урь. Только во время моленія наступаетъ тишина, а потомъ оиатъ всѣ поютъ, и такъ продолжаютъ по всей деревнѣ, а на концѣ бросаютъ свои прутики и палочки. Въ это время многіе упиваются допьяна. Впрочемъ въ Вятской губерніи не вездѣ исполняютъ этотъ обрядъ, а въ Казанской губерніи вездѣ.

Вскорѣ послѣ Пасхи, какъ только просохнетъ земля, дѣлаютъ всей деревней *гуждоръ джукъ*, т. е. кашу въ честь лужка. Назначается на сходкѣ день и сборъ по домамъ крупы, соли, мяса, изъ коихъ варятъ кашу въ лѣсочкѣ на лужкѣ. Молятъ *шидь* (бульонъ) и кашу, берутъ туда кумышку и пиво, если есть въ остаткѣ отъ Пасхи. Во время молитвы всѣ встаютъ на колѣни. А послѣ дѣлежа ѣдятъ, кто гдѣ попало. Остатки несутъ домашнимъ. Обрядъ моленія какъ при общихъ моленіяхъ. Въ Вятской губерніи этого моленія не дѣлаютъ, а замѣняютъ обрядомъ общанія.

Потомъ вскорѣ бываетъ *кизымы потонгъ*, выходъ на посѣвъ яроваго жита около 15 мая. Или еще это называется *геры шидь* или *геры поттонгъ*, т. е. вывозъ сохи. Въ назначенный сходкой день мужики выѣзжаютъ съ сохой въ поле, берутъ съ собою лукошко (сѣтиво) на плечахъ и немного оса въ мѣшкѣ, который взваливается на лошадь, и каждый на своей ближайшей полосѣ начинаетъ пахать. Начало пашни долженъ дѣлать одинъ только изъ сельчанъ, пользующійся довѣріемъ отъ общества, у котораго, какъ говорятъ, легкая рука. Бабы остаются до времени дома дострапывать равную пищу, какъ то яровые хлѣбы, мясо, яичницу въ видѣ лепешки, или

блиновъ, ватрушки, варснныя яйца крашенныя. Къ обѣду являются и домашніе, сложивъ все приготовленное въ одну большую тарелку и завернувъ въ бѣлую скатерть. Берутъ съ собой также пиво и кумышку. Хозяинъ молить ихъ по обыкновенію. Затѣмъ вставъ наколѣни, (снявъ шапку, онъ роетъ на полостѣ небольшую яму, въ которую стелетъ сучья со свѣжими хвоями какаго либо стоячаго сырого дерева. Послѣ молитвы части отъ каждаго кушанья кладетъ въ яму въ честь Бога, также три яйца печеныя, очищенные отъ скорлупы. Яичницу же и яйца хозяинъ молить особо, на яичницу полагаютъ очищенные и разрѣзанные пополамъ яйца, при этомъ встаетъ на колѣни и снимаетъ шапку. Молятся же вотяки всегда на югъ, кромѣ исключительныхъ случаевъ. Яма засыпается землей. Затѣмъ пьютъ и ѣдятъ части жертвъ во освященіе себя съ особеннымъ благоговѣніемъ. Послѣ сего начинаютъ сѣять, въ сѣтиво сыплютъ овесъ и кладутъ нѣсколько печеныхъ яицъ, и бросаютъ ихъ вмѣстѣ съ овсомъ. Яйца затѣмъ собираютъ дѣти, и рѣдко обходится безъ ссоры, потому что каждому хочется побольше насобирать яицъ. Послѣ всего одному изъ дѣтей закрываютъ глаза, а хозяинъ тѣмъ временемъ прячетъ одинъ коровай хлѣба и три яйца въ землю, и заставляютъ искать того парня; если найдетъ—его счастье, а если не найдетъ, такъ и остается. Послѣ этого ходятъ другъ къ другу на полюсу и угощаются кумышкой, пивомъ и закуской. Это происходитъ очень оживленно. При молитвѣ говорятъ: пусть зерна будутъ полны, крупны такъ же, какъ яйца. Къ вечеру назначаются скачки и бѣга на премію. Лошади выбираются бойкія, болѣе способныя къ бѣгу, разстояніе обыкновенно назначается три и четыре версты. Первая лошадь получаетъ въ награду полотенце, вторая—платокъ, остальнымъ не полагается¹⁾. Также бѣгаютъ и пѣшіе. Послѣднее дѣлается въ Казанской губерніи вездѣ, а въ Вятской губерніи, кажется не вездѣ дѣлается, но ѣздить смотрѣть къ татарамъ, у которыхъ тоже бываетъ во время «сабанъ туя», т. е. праздника въ честь пашни.

18. Разсказы вотяковъ изъ мнимыхъ чудесъ язычества.

Разсказы крестьянина села Буранова Сарапульскаго уѣзда Моисея Степанова.

Разъ я поѣхалъ на яратонъ въ Ожмосъ Пургу, за польскими воротами и какъ то позабылъ помянуть стариковъ умершихъ и крошить хлѣбъ, да и прочіе изъ поѣзжанъ какъ то забыли; пусть они забыли, но мнѣ на этотъ разъ проступокъ мой не простителевъ былъ, такъ какъ я

¹⁾ Скачки на лошадяхъ бываютъ послѣ яровой пашни и называется валь воротонъ. Этотъ обрядъ сложный.

назначенъ былъ состоять төре, т. е. начальникомъ поѣзда. По приѣздѣ, какъ только начали пѣть пѣсни, у меня въ животѣ сдѣлалась сильная рѣзь, сдѣлался позывъ къ испражненію, но попытка оказалась тщетною. Тогда отъ досады я заплакалъ, присѣлъ, хотѣлъ встать, но не стало силы, и въ такомъ безвыходномъ [положеніи пришла мнѣ мысль помянуть умершихъ, и какъ только кончилъ перебирать ихъ имена, такъ и поправился. Другой разъ я, говорилъ онъ же, на полѣ, когда мы жали овесъ, во время обѣда вспомнилъ, что при переходѣ изъ отцовскаго дома въ свой новый домъ, послѣ раздѣла, я не зарѣзалъ пѣтуха въ честь умершихъ, и сталъ о томъ сокрушаться. При этомъ такъ заболѣла спина, что нельзя стало шевелиться; кое-какъ съ грѣхомъ пополамъ, со слезами кончилъ свою часть жатвы, потомъ, на другой полосу заставилъ жену крошить хлѣбъ и помянуть усопшихъ, а самъ при этомъ обѣщался заколотъ имъ пѣтуха, и тутъ же не стало боли, и я поправился.

Однажды, когда я молотъ на мельницѣ, лошадь свою отпустилъ на волю, около мельницы, на примѣтное мѣсто, чтобы послѣ была возможность отыскать ее. Оставалось уже молотъ всего не больше, какъ 10 ф., а самъ тѣмъ временемъ пошелъ посмотреть лошадь, но когда увидалъ, раздумалъ: поймать, думаю себѣ, успѣю, послѣ поймаю. Потомъ пошелъ ловить её, но не нашелъ, есть лошади, но чужія, встрѣтилась дѣвушка, спрашиваю ее, не видала ли она мою лошадь, она показала мнѣ ее и я не могу никакъ признать своей. Долго искалъ, однако не нашелъ, пришелъ домой, рассказываю бабункѣ, она рѣшилась сама помянуть умершихъ, покрошила сколько то круто варенныхъ яицъ. Потомъ я снова пошелъ искать лошадь и оказалась, что та лошадь, на которую дѣвушка указывала, дѣйствительно моя.

Разъ осенью мы искали лошадей, но двухъ не могли найти; дѣти также искали, и не видали. Чужіе люди видятъ, своимъ не кажется. Тогда я велѣлъ заколотъ пѣтуха,—не колютъ, жалѣютъ, наконецъ то кое-какъ рѣшились,—закололи, и нашли лошадь на такомъ болотистомъ мѣстѣ. куда никакая скотина не ходитъ. А поминать умершихъ до тѣды что то не надумали, а ограничились тѣмъ, что закололи пѣтуха въ честь умершихъ, думая, что тѣмъ будутъ довольны умершіе. И чтоже оказалось—лошадь пропала, а остался одинъ только жеребенокъ въ живыхъ.

Однажды у насъ съ сосѣдомъ лошади потерялись, люди видятъ, а наши не видятъ, пошли къ усто-туно (ворожцу), усто туно сказалъ сосѣду: лошадь твоя съ чужой лошадыю ходитъ, самъ ты не найдешь, но товарищъ твой найдетъ, поэтому ты самъ и не ищи; если у тебя пѣтуха нѣтъ, заколи курицу въ честь умершихъ. Сосѣдъ такъ и сдѣлалъ, закололъ курицу, но лошади не нашелъ. Я закололъ и нашелъ ему его лошадь, я же привелъ и отдалъ ему. Такъ и сдѣлалось, какъ говорилъ усто-туно.

Ворожца (усто-туно) ворожить и наговаривать ангелъ учить, по словамъ этого вотяка, на дубѣ (такъ они сами не рѣдко говорятъ въ пьяномъ видѣ); дубъ этотъ гдѣ-то далеко и очень великъ. Яганскій ворожець бывало

говорялъ: «напрасно вы ко мнѣ ходите: вотъ явится у васъ свой ворожецъ, и объявитъ себя». И дѣйствительно явился уже у насъ свой ворожецъ и ворожить. Но семейные его унижаются имъ, потому что ворожцы обыкновенно являются въ убогихъ домахъ, а у нихъ недостатка не бываетъ. Снѣ говоритъ, что учителя вынуждаютъ его исполнять эту обязанность, такъ что онъ теперь безъ того терпѣть не можетъ. Приходящіе къ нему во множествѣ люди и не смѣютъ зайти къ нему во дворъ—говорятъ, что ворожцы должны бы быть, судя по обыкновенію, изъ бѣднаго дома, а здѣсь наоборотъ. Ходятъ къ нему очень дальніе люди и подолгу живутъ, ожидая очереди. За ворожбу беретъ отъ 5 до 10 к. Ворожецъ говоритъ, что ангелъ не дозволяетъ брать по многу денегъ. За наговоры беретъ до 50 коп. При немъ, выжидая очередь, постоянно пребываютъ отъ 10 до 15 человѣкъ. Ворожцы говорятъ, что опять кто то изъ нашихъ же учится ворожить, но изъ дѣтей добрыхъ людей едва ли только обнаружить свое знаніе. Однако, если будетъ скрывать, не можегъ цѣль быть, захвораетъ и будетъ дурачиться. Обыкновенно же не обнаруживаютъ только тѣ изъ нихъ, которые оказались неспособными. Я слышалъ, говоритъ онъ, какъ нашъ ворожецъ смѣялся надъ однимъ изъ такихъ въ одинъ праздникъ: Какъ ты оказался не способнымъ? Тотъ отвѣчаетъ: не знаю. А нашъ ворожецъ ему говоритъ: тебя солдатъ обманулъ. Выбирать по его мнѣнію на должность жрецовъ вправѣ только ворожцы до девяти разъ, а главный ворожецъ до двѣнадцати разъ, а что сверхъ того, то необязательно, добровольно же могутъ сколько угодно.

Ворожецъ изъ Туймы, когда наши у него были, сказалъ имъ: одинъ изъ васъ отецъ и мать,—одинъ изъ васъ пришелъ ко мнѣ съ сильнымъ желаніемъ получить обязанность жреца, а одинъ совсѣмъ было собрался ѣхать ко мнѣ и уже одѣлся совсѣмъ, но раздумалъ; у одного изъ васъ въ семействѣ, оказывается, есть Степанъ, Козьма, Петръ и Максимъ. Такъ и есть, только они всѣ умерли. А что касается до сказаннаго «одинъ изъ васъ отецъ и мать», то это значило, что у одного изъ нихъ умереть дочь, дѣйствительно такъ и случилось—у одного изъ нихъ умерла дочь по достиженіи совершеннолѣтія, т. е. не будучи матерью, умерла въ домѣ отца.

Въ должность жреца могутъ поступить вдовы, а женатый на второй женѣ (двоеженецъ) не поступаетъ. Дочь утиса будымъ куа (родоваго шалаша) не должна быть замужемъ у лудъ-утиса, или жреца въ керемети. Жрецъ и два помощника его имѣютъ посуду для употребленія при моленіяхъ; у жреца, или какъ они говорятъ, у попа, посуды больше, чѣмъ у прочихъ. Въ керемети при моленіяхъ лѣтомъ употребляются листовые сучья, обыкновенно же березовые, а зимою эти же сучья, только безъ листьевъ, къ вѣтвямъ сучьевъ втыкаются внутренности жертвуемаго животного, какъ то: часть печени, легкихъ, сердца и мяса. Лѣтомъ полагается баранъ безъ разбора цвѣта шерсти. Сучекъ тотъ называется шачъ мнѣр, къ нему привязывается часть мочала, на одинъ копецъ ко-

того прикрѣпляется серебряный перстень или кольцо. Шач ыньэръ держитъ людъ асоба. начальникъ керемети, а мочало держитъ торе. Богъ керемети сердитъ, потому страшно и боязно мимо керемети ходить. Еще страшнѣе—срубить кереметь. Когда то діакопъ рубилъ кереметь, и отрубилъ свой палець. Также одинъ солдатъ, познавшій суету язычества, рубилъ кереметь, зато померъ отъ корчи. Одинъ молодой парень застрѣлилъ въ керемети бѣлку, и вскорѣ послѣ того померъ: можетъ быть, въ образѣ бѣлки былъ Богъ керемети.

Однажды нужно было перемѣнить людъ (кереметь). позвали ворожца; онъ прѣхалъ верхомъ на недержанной лошади и безъ узды, лошадь пошла конечно не по дорогѣ, такъ что въ одномъ мѣстѣ привелось разгородить прясло, и на томъ мѣстѣ, гдѣ остановилась лошадь, сдѣлали кереметь. Изъ этого заключается то, что кереметь дѣлается на указанномъ Богомъ мѣстѣ.

Однажды нашъ Василій, въ тотъ годъ, въ который онъ долженъ былъ призываться въ солдаты, мочился на ключѣ (источникѣ) нами почитаемомъ, вслѣдствіе чего онъ весь распухъ, его какъ больного не приняли въ солдаты, такъ и остался, а послѣ того, чтобы исцѣлиться отъ своей болѣзни, онъ зарѣзалъ пѣтуха и молилъ на ключѣ, и исцѣлился. Вскорѣ послѣ того призывался братъ того же Василія и чтобы такимъ же образомъ избавиться отъ солдатчины, пошелъ разъ ночью къ тому ключу, но какая то невидимая сила удерживала его, какіе то небывалые овраги препятствовали ему, такъ и не удалось сходить, но однако его не взяли въ солдаты.

Есть еще у насъ подобный же другой ключъ. Однажды я самъ проходилъ, говоритъ М. С., мимо этого ключа, ходилъ было въ поле лошадь, искать, но мною овладѣлъ какой то особый страхъ и смущеніе отъ того ключа. На другой день оказался у меня надъ колѣнкомъ чирей, нарывъ. Отецъ пошелъ крошить хлѣбъ въ то мѣсто, а я пошелъ жать въ поле и дорогой исцѣлился.

При переходѣ въ новый домъ на новоселье должно быть моленіе, по крайней мѣрѣ съ хлѣбомъ и кашей, крупа должна спускаться въ мясной бульонъ, въ честь домового, при этомъ моленіи просить Бога, чтобы Онъ далъ счастье въ новомъ домѣ, чтобы добрые люди ходили въ новый домъ. Кто то не исполнилъ этотъ обрядъ моленія, не ходилъ съ хлѣбомъ и солью въ старый домъ звать домового, поэтому въ томъ старомъ домѣ видѣли человѣка плачущаго. Очевидецъ думая, что обыкновенный человѣкъ плачетъ, спросилъ его: зачѣмъ ты плачешь? Отвѣтъ послѣдовалъ такой: не позвали меня въ новый домъ. Богъ керемети (людъ-кузѣ) являлся людямъ въ видѣ солдата, въ бѣлой одеждѣ; а во снѣ его видятъ въ видѣ татарина. Въ керемети дается честь, «Актаму» (см. моленіе въ людѣ). Полночь говорится «шузы дыръ» или еще «Акшанъ дыръ»,—не нормальное время, или страшное и опасное время, посему до пѣнія пѣтуховъ вотяки никуда не выѣзжаютъ.

19. П ъ с н и.

Дядяе лэзиз жылье гондыр кадъ, анас лэзиз бурчинь бугоръ кадъ, нюняе лэзизъ мыскалэн мэртамъ кадъ, ясетъи потъи ягъ варижъ кадъ, сурдэтъи потъи туй югытъя, нюретъи потъи выжъ куарая, кыретъи мынъи вал пыдъ куарая, бусыс пыри ю сюрел югытъя, гуртэ пыри инпетъ югытъя Каметъи потъи камыж бодъиен Чукна султъи но лыс вузнъ мисътасыки чушконъ кышетэ бадяр куар валъ, базаре туби но дуно лавкаез (кебитез) чыжыса усътъи, вуззз лыз вылзмэз буръи, нонойлы дядяйлы келишозъ мздамъ, нылъсэсъ жырь. лемта дунъ воргоромъ зырь пуйылыкъ. Нюлясъ шорннъ чеберъ возъ, чеберъ возъ вылынъ лабрес сирпу, сирпуынъ тутыкиш пуке, шаленъ сиззи но выжйасъ усъкытъи, коньдонэнъ сиззи но ки улам усъкытъи.

2) Кудос пунктзмъ тыръ бадъянъ, со бадъянъ тѳрененъ даллашыса пуке, джѳкъ вылаз пунктзмъ дасъ кыкъ штопъ, со милимынъ даллашыса пуке. джѳкъ вылазъ вѳлдзмъ тѳды джѳкъ кышет каб лымы кадъ, джѳкъ вылазъ пунктзмъ вой шундъиенъ даллашыса пуке. джѳкъ вылаз пуртзэзъ азвесь со чѳорыго нянъ возьма азвесь вилка джѳкъ вылазъ тѳды чѳорыгез возьма.

3) Пыдамъ, кутъяй кечъ ку сапегъ, азвесь кѳтырмаенъ, со посьтытосъ текчяло шуса лыктэм вал, квиньмой лэсяна кѳлытыны уг одъяло, жырамъ изьяй милзъ изыы жырсие ачъке изыы пыртъимъ, киямъ понъи замшевой перчатка, выламъ дъисияй коньы ку шуба, дарали кыскемъ тулыпъ, кускамъ кертъи бурчинь кушакъ.

4) Кузонз мынъи китай вузлы, дядяе возьма баришме, анае возьма зырма, съодъ апаен пумичъки, басытода апай вузме? басыто шуизъ, съод апай-лэнъ гуръ ултъизъ мардзянъ весь, кудоямъ мынъи, кудолэнъ торс укно улозъ кедра пу, кедра сясъказэ тодмаса пыригъ кудое потъизъ чужъ шубаенъ, бачъкисезъ выламъ позыресъ, ми позыръясъкъмса тубимъ, корка ос куспазъ выламъ тодыкамъ, монъ пыри тоды чожъ сяенъ зумчъкъмса, корка ползэзъ чужъ пужымъ, пырыкъмъ чѳоженъ сюдъизъ сектазъ, потысъкъмъ курегенъ сюдъизъ сектазъ.

5) Тыпы мули кадъ валъ мыгоры, музынъ костасыкъисъ кадъ карид-угъ. базаръ қолпақъ нуллоно кадъ нуниэ валъ, қоқошникенъ воштъидугъ, жырсие валъ чужъ бабылес, ваё пунэтъ вылэ усъкытъидъ, чорыгъ свѳмъ кадъ валъ азвесь укѳс, чѳорыгъ мызъ кадъ валъ мардзянъ весе, тѳлтэкъ тѳласъ валъ шоддэреме, сарафаннъ воштъид—угъ, бубыли бурдъкадъ валъ сюлыккэ кышетэнъ воштъидъ угъ. Камъ тупалъ писе жуало дядяе, мынаш а умъ а? Тыпымули кадъ валъ мыгоры ву вылъ силэ луозъ вылды. чужъ бабылесъ жырсие ву вылъ шашы луозъ вылды, чѳорыгъ свомъ кадъ азвесь укѳсе ву вылъ шуқы луозъ вылды, чѳорыгъ мызъ кадъ мардзянъ весе, чѳорыгъ мызъ луозъ вылды, жырсъы пунэтэ толаса улозъ вылды, тонъ анай чукна султы но вѳлдэтэдъ шоре учкъы.

Переводъ пѣсенъ.

1) Отецъ мой отпустилъ меня, какъ медвѣдя, прикованнаго къ цѣпи, мать моя отпустила меня, одѣвъ меня, какъ шелковый клубъ, братъ же мой отпустилъ меня, какъ взвѣшаннаго въ золотники. По бору прошелъ на подобіе лѣснаго ястреба, по лѣсу прошелъ по свѣту бересты, по озрагу прошелъ по шуму мостовому, степью прошелъ по лошадиному топоту, въ поле вошелъ по свѣту ржаного цвѣта, въ деревню зашелъ по свѣту крышъ, по камѣ прошелъ съ камышевою тростью, утромъ всталъ и умылся росовой водой, полотенцемъ послужилъ кленовый листъ. Поднялся на базаръ, пнулъ ногой въ дверь богатой лавки и отворилъ, изъ товара выбралъ снѣга цвѣта,—понравится ли отцу и матери? Цѣна лѣвицы равна цѣнѣ ленты, лѣна мужчины равняется мѣшку (съ деньгами). Въ срединѣ лѣса красивый лугъ (покось), на красивомъ лугу развѣсистый вязъ, на томъ вязѣ сидитъ павлинь, бросилъ въ него галькой и уронилъ на корень, бросилъ въ него деньгой-полушкой, уронилъ на руки.

2) Поставлена (на столъ) полная чаша, чашка эта спорить съ тѣре; на столъ поставлены двѣнадцать штофовъ (вина)—съ нами спорять, стоять; на столѣ послана бѣлая скатерть, бѣла какъ снѣгъ; поставлено на столѣ растопленное масло, спорить съ солнцемъ; на столѣ серебряный ножъ, рыбный пирогъ ждетъ, серебряная вилка на столѣ, бѣлую рыбу ждетъ.

3) На ноги надѣлъ сапоги козловые съ серебрянными подковами, чтобы скакать до тѣхъ поръ, пока ихъ не изношу; но вотъ насъ не желаютъ принимать болѣе трехъ ночей. На голову надѣлъ такую шапку, что волосы видно сѣвонъ шапку, на руки надѣлъ замшевыя перчатки, на себя надѣлъ бѣличій тулущъ, окаймленный (обшитый) блистящей шелковой матеріей, опоясался шелковымъ кушакомъ.

4) Въ Казань поѣхалъ за товаромъ китайки, отецъ ждетъ барыши, а мать ждетъ мою голову. Встрѣтился съ черной теткой. «Купишь, тетка, мой товаръ?» сказала: «куплю». У той черной тетки на шеѣ каралловые бусы. Пошелъ къ свату, у свата подъ окномъ кедровое дерево, вошелъ къ нему узналъ его по цвѣтамъ кедра; свать вышелъ навстрѣчу въ желтой (дубленой) шубѣ; лѣстница его сѣней оказалась устроенной въ кругъ, мы вертѣлись, поднимались, между дверями дома (и сѣнями) оказалась бѣлая кама (рѣка). Я вошелъ, какъ бѣлая утка вынырнулъ; полъ въ его домѣ изъ желтой сосны; когда вошелъ въ домъ, угощалъ меня уткой, а когда уходилъ—курицей угощалъ.

5) Тѣло мое было какъ дубовый жолудь, ты слѣлалъ его таскающимся по землѣ; головное украшеніе мое было, какъ базарный колпакъ, ты промѣнялъ его на кокошникъ; волосы мои были желтые, кудрявые, ты продалъ на двѣ косы; серебряныя монеты мои были, какъ рыбій пузырь, коралловыя мои бусы были, какъ рыба икра, безъ вѣтра колебался мой халатъ, ты промѣнялъ на сарафанъ; какъ мотыльковое крылышко было мой

головной уборъ (сюлыкъ), ты промѣнялъ на кокошническій платокъ. Закамскіе мужчины сватаютъ меня, отецъ, идти или нѣтъ? Какъ дубовый жолудь, былъ мой станъ (тѣло), надводнымъ кустомъ должно быть будеть. Желтыя кудрявыя мои волосы должно быть надводными камышевыми листьями будутъ; серебряныя мои монеты, похожія на рыбій пузырь, должно быть, будутъ пѣной на водѣ; коралловыя мои бусы, похожія на рыбу икру, въ икру обратятся; косоплетка моя (лента) вѣтромъ будеть колебаться. Ты, мать, встань по утру и смотри на потолокъ.

Изъ пѣсенъ первыя четыре употребляются на свадьбахъ (яраціонахъ и сюаныхъ), а пятая—во всякое время. Относительно пятой пѣсни вотское преданіе говоритъ, что отецъ упоминаемой дѣвушки, по наущенію мачихи, принуждалъ выходить замужъ за русскаго парня¹⁾, поэтому она не разъ умоляла, чтобы отецъ ее выдалъ за закамскаго любимаго парня, но было тщетно. Наконецъ она во избѣжаніе насилія рѣшилась нарядиться въ лучшую свою одежду и утопиться, ся же примѣру послѣдовалъ и любимый сю молодой парень, утопился онъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ любовница его утопилась, только у противоположнаго берега. На этихъ берегахъ выросли двѣ ивы, служащія символомъ ихъ любви: онѣ сошлись вмѣстѣ верхушками и сплелись даже, какъ бы обнялись.

Есть еще пѣсня бѣглаго разбойника, вотяка, который жилъ, по преданію ихъ, по берегамъ рѣки Ижа. Когда его поймали, онъ пѣлъ пѣсню, въ которой между прочимъ изображается краса природы, гдѣ онъ жилъ, и его дѣятельность по разбою, какъ онъ «двѣнадцать барановъ зарѣзалъ» было, только у двухъ нашелъ сала, т. е. двѣнадцать челоуѣкъ онъ зарѣзалъ, и только у двухъ нашелъ денегъ. Вотъ вотскій текстъ этой пѣсни: «Дасъ кыкъ такаезъ монъ вандэмъ валъ, одѣикъ гынэ кыкезлэнъ койызъ сюризъ». Постя эта пѣсня довольно жалобно. Пишутъ въ нѣкоторыхъ книгахъ, что у вотяковъ нѣтъ сложенныхъ пѣсенъ, что они только поютъ то, что придетъ на умъ. Это дѣйствительно бываетъ такъ, но есть и пѣсни сложенные и поются прировнительно къ обстоятельствамъ мѣста и времени, а въ Казанской губерніи всегда поютъ хорошо сложенные и рѣмованныя пѣсни.

20. Наговоры отъ болѣзней.

Вотъ образецъ наговора отъ пученія въ животѣ у лошади (по вотски «валлы тзлоу жетемзсъ»).

¹⁾ *Примѣчаніе.* Я не видалъ, чтобы вотячка выходила замужъ за русскаго, а русскія, знающія вотскій языкъ, выходятъ за вотяковъ и одѣваются повотски и исполняютъ языческія обряды и моленія. Вотячки вссгда плетутъ волосы въ одну косу, а плести въ двѣ косы для нихъ низость.

Сизымдонъ—но сизымъ пѳртэмъ турымлэнъ куарлэнъ дьиньтязь пырыса, жылтязь потыны тѳль быгатязь ке, соқы та валлы тѳлоу медь јетозь. Сизымдонъ—но сизымъ пѳртэмъ пислэнъ пулэнъ дьиньтязь пырыса, жылтязь тѳлке потязьке, соқы тѳлоу медь јетозь. Сизымдонъ но сизымъ пѳртэмъ кѳнлэнъ гондырлэнъ ымтязь пырыса пыртязь потыны быгать изь—ке соқы тѳлоу медь јетозь. Сизымдонъ но сизымъ портэмъ лудъ—кечълэнъ пыртязь потыны быгатьидке соқы тѳлоу медь јетозь. Сизымдонъ но сизымъ портэмъ текчасълэнъ пыртязь потыны быгатьидке соқы тѳлоу медь јетозь. Сизымдонъ но сизымъ пѳртэмъ кыйлэнъ пыртязь потыны быгатьидке соқы тѳлоу медь јетозь. Сизымдонъ но сизымъ пѳртэмъ чѳорьклэнъ пыртязь потыны быгатьидке, соқы тѳлоу медь јетозь.

Переводъ наговора.

Когда вѳтеръ (пученіе) сможетъ войти въ разнородныхъ травъ и листьевъ съ корня и выйти изь вершины; тогда пусть будетъ пученіе у лошади. Когда вѳтеръ сможетъ войти въ 77 разнородныхъ деревъ съ корня и выйти изь вершины, тогда пусть будетъ пученіе у лошади. Когда вѳтеръ сможетъ войти въ 77 разнородныхъ волковъ и медвѳдей сорта (спереди) и выйти изь зада, тогда пусть будетъ пученіе у лошади. Когда вѳтеръ сможетъ войти въ 77 разнородныхъ зайцевъ и выйти чрезъ внутренность его, тогда пусть будетъ пученіе у лошади. Когда вѳтеръ сможетъ войти въ 77 разнородныхъ лягушекъ сквозь ихъ, тогда пусть будетъ пученіе лошади. Когда вѳтеръ сможетъ войти въ 77 разнородныхъ змѳй и выйти сквозь ихъ, тогда пусть будетъ поученіе лошади. Когда вѳтеръ сможетъ войти въ 77 разнородныхъ рыбъ и выйти сквозь ихъ, тогда пусть будетъ пученіе лошади.

Вотъ 'обычныя у вотяковъ болѳзни, при которыхъ употребляются наговоры.

1) Булыкъ (спазмы), 2) злокачественныя золотушныя чирья на головѳ (чъучы). 3) порча (вейнамъ), 4) сюлэмъ висемъ (болѳзнъ сердца, 5) Пинальс вир сьитясъ, кыкы (диссентерія, или кровавый поносъ), 6) валъ пери шоръ јетѳ (параличъ лошади). 7) искаллы, ыжлы тѳлоу луз (пученіе у коровъ и овецъ), 8) кѳс висенъ, (ревматизмъ), 9) кузьртонъ (худая болѳзнъ), 10) кыземъ ым потос (кашель или жаба), 11) чужектонъ (желтуха), 12) сьоль кыль (горячка, тифъ), 13) кезекъ (лихорадка), 14) дѳй (грыжа), 15) кый синь (чирей злокачественный, который долго не назрѳваетъ), 16) ки сюемъ или ки пыктэмъ (опухоль руки во время жатвы), 17) кечъ кыль (гриппъ), 18) чячя-поськъ (оспа).

Желтуху вотяки различаютъ желтую, черную и бѳлую. А про кровавый поносъ говорятъ, что кылчинъ убирь ѳсть младенца,—кылчинъ убирь

(ангелъ бѣсъ), т. е. бѣсъ, который находится при челоуѣкѣ. Вотяки вѣрують, что при челоуѣкѣ всегда находится ангелъ и бѣсъ. Этотъ самый бѣсъ должно быть и называстся кылчинъ убирь. Всѣ эти болѣзни вотяками наговариваются, только лихорадку и горячку не наговаривають. Оспу до 12 дней нельзя наговаривать, потому что эта болѣзнь отъ Бога, послѣ 12 дней можно наговаривать отъ уроковъ (синъ-усемлѣсь). Въ наговорахъ употребляются очень часто срамныя слова.

Эмъясъ (лѣкаръ) долженъ быть въ тоже время пельясъ (наговорщикъ). При первомъ случаѣ употребляются средства для лѣченія, а при второмъ случаѣ одни наговоры, но большею частію дѣлается совмѣстно. Числа 7, 77, 9, 99 считаются священными числами и имѣють особенную силу, посему эти числа часто употребляются въ пѣсняхъ, наговорахъ и молитвахъ.

21. М О Л И Т В Ы.

М у к ы л ч и н ю. Остѣ Инмаре кладъ кутъ, така сѣтъисько мукылчинъ Инмаре, киземъ јуме няньме, қоны бизьмонъ, сѣръ бызьмонъ потты, зарни тьисьемъ авесь шепень Тон ке қарысалыдъ. Кумьто вѣзѣ кумьто пуктымонъ шуддѣ бурдѣ сѣтъ, чюмолѣ вѣзѣ чюмолѣ пуктымонъ шуддѣ бурдѣ сѣтъ сикисъ сике кабанъ пуктыны шуддѣ бурдѣ сѣтъ Инмаре. Таюнѣнымъ няненымъ будѣнымъ эксѣйлы вытъ тырыны қужымъ сѣтъ, сини, јуны берекеттѣ дѣлеттѣ сѣтъ сьқавынѣнъ бѣлякенъ дѣзчь роднянѣнъ шудса серектѣса дѣзчь пудоенъ животѣнъ, дѣзчь нылынъ пиен улны вылны медъ қылдозъ.

Н а г у м н ѣ н о в ы в о з к ѣ х л ѣ б а. Остѣ Инмаре берекетдѣ сѣтъ ини люкамъ октѣмъ калтѣмъ јулы няньлы берекеттѣ сѣтъ, југытъ тѣды кылдчинъ Инмаре, пудо животлы но берекеттѣ сѣтъ, шырлы қомақлы энъ сѣтъ, дѣс вылѣ пуктѣмъ бере.

В ѣ ш а л а ш ѣ в ѣ к а ж д ы й п р а з д н и к ѣ . Остѣ коэма воршудѣ армисъ лыктѣмъ праздникедъ понна, Тонѣ буре вайтѣкъ умъ сийське умъ юиське вождѣ энъ вай вордшудѣ. Кайта вуоно ардѣ таэы—икъ дѣзчькынъ возьматы, нылынъ пиенъ пудоенъ животѣнъ дѣзчь улыны вылны дѣзчь арѣстѣ возьматы, милемызъ но, роднясьмесъ но тушмонлы энъ сѣтъ туш—монъ малпасѣссѣ чябы сьбортъ, дѣзчь малпасѣссѣ қорқа.

Н а о з и м и в е с н о ю о к о л о Т р о и ц ы . Остѣ Инмаре кылдине киземъ пальккѣмъ јуэзъ, ожо сяенъ ожматсалыдке бадьпу сяенъ пушъмытсалке, қыэьпу сяенъ тѣлѣдѣытсалке, қоны бызьмонъ, сьоръ бызьмонъ нюпырчықса сетсалке, октонъ қалтонъ дырѣя кумьто вѣзѣ кумьто ке пуктысалъ, чюмолѣ вѣзѣ чюмолѣке пуктысалъ, пыртѣме ваенъ дырѣя 12 јыло кабақке люкасьқисалъ, обинисъ ваѣнъ дырѣя қосқиенъ вайса быронтѣмъ тыр дѣлеттѣ, берекеттѣ Тон ке сѣтсалъ, сусекѣсь уласянъ пунырдѣы-

монь, валласянь тудзымонь, будзымъ эжесэйлм выть қорс тырымонъ ваны, бурдэ. Тонкэ сётсалъ, сямсо урысёлэсь утьса вордысалке, жилё кортэ-зизьсь утьсалке, бызёнъ потонъ дыръя бёрись уиськисьлэсь пумить пыкисьлэсь утьсалке, пыдынъ чектэмлэсь, кылынъ жангшемемлэсь утьсалке.

Тулысь вапумэнь пудодэ животтэ бусъи поттонъ дыръя выджылэсь нюкъ—гопъ дэрилэсь, сьбсьлэсь каплэсь, лулке посьбьлэсь, чьерлэсь, чорлэсь лыктэмъ кыльлэсь—дэйлэсь утьсалке, гидтырь, лудъ тырь карысалке. Гужемъ нуналынъ шуныдъ лескыть нуналъётэке сётсалъ, небыть зорьётэ сётсалке, сильтёл лекъ зорьёсдлэсь утьсалке, оло азыло веранозэ сюризъ, оло берло веранозэ сюризъ, милесътымъ мулятэмътэмесъ Ачыды чошкаты.

Переводъ молитвъ.

а) Господи Боже мой, прими въ твои руки и ноги, даю барана. Ангеле Боже, повели, чтобы посѣянное мною жито и хлѣбъ взошелъ, чтобы можно было бѣгать по нему бѣлкамъ и куницамъ. О! еслибы ты сдѣлалъ такъ, что зерна бы были золотыя, а колосья серебряныя! Дай намъ, Боже, благодать твою такую, чтобы снопы ставились къ снопамъ; также, чтобы копны къ копнамъ ставить. Дай благодать твою такую, чтобы изъ лѣсочка въ лѣсочекъ ставить клады, чтобы симъ житомъ и хлѣбомъ великому Царю платить подать, дай помощь. Пошли блигодать твою неоскудѣвающую, ѣсть и пить съ сосѣдями и добрыми родственниками, шутя и смѣясь, съ добрыми скотами, дѣтьми (сыновьями и дочерьми).

б) Господи Боже нашъ, дай же ужъ благодать твою: своженному, собранному житу и хлѣбу дай благодать. Свѣтлый, бѣлый Ангеле Боже мой, скотинѣ дай благодать, не дай ѣсть мышамъ и хомьякамъ, когда поставимъ на стойки.

в) Спаси и помилуй, Боже—счастья (Воршудэ), ради праздника твоего, прошедшаго въ годъ разъ; не пьемъ и не ѣдимъ безъ прославленія твоего имени, не прогнѣвайся ты, мой Боже—счастья. И впредь будущій годъ твой также въ добрѣ покажи, съ сыновьями и дочерьми (дѣтьми), со скотомъ, чтобы жить и быть въ добрѣ. Хорошіе годы покажи, насъ и нашихъ родственникововъ не дай лукавому; враждующихъ мимо двора, доброжелающихъ въ домъ направи.

г) О, Господи Боже, Ангеле мой, посѣянное, брошенное (въ землю) жито ты бы какъ лужокъ слернулъ, какъ ивнякъ развѣтвилъ, какъ березникъ распустилъ. Такъ дай, Боже, чтобы по нему (по солому) можно было бы бѣгать бѣлкамъ и куницамъ, чтобы солома отъ тяжести зеренъ согнулась, а когда буду собирать и грудить, чтобы поставить снопы къ снопамъ, груды къ грудамъ, а когда буду возить (на гумно), чтобы двѣнадцать клады было, а когда буду носить изъ овина начевкой, дай ты такую благо-

дать, чтобы носить-не переносить. Изъ сусѣковъ, чтобы снизу придавляло, чтобы сверху довершалось. Дай Ты благодать твою, чтобы великому Царю уплатить, подать. Отъ ремснной нагайки Ты бы охранялъ, отъ желѣзной цѣпи Ты бы сохранялъ. Во время входа и выхода Ты бы сохранилъ отъ погони и встрѣчныхъ упорныхъ, отъ преткновенія и отъ ошибочныхъ выраженій языкомъ изъбави. Въ весеннее время, когда будемъ отпускать скотину въ поле, отъ ямъ и овраговъ, отъ топи, отъ хищныхъ звѣрей, отъ солнечнаго удара, отъ болѣзней и хворостей, отъ эпидеміи изъбави, умножи ихъ такъ, чтобы ими, полны были хлѣвы и стаи, чтобы полно было ихъ поле. Въ лѣтнее время дай Ты теплыхъ благорастворенныхъ дней, дай теплыхъ и добрыхъ дождей, отъ вредныхъ дождей съ сильными вѣтрами громомъ и молніей Ты сохрани. Можетъ быть, что слѣдовало въ началѣ сказать, то выразилось мною на концѣ, а то и на оборотъ, но ты Самъ уравняй.

Обращеніе къ Богу въ полѣ—Остэ Инмарэ, а въ лудѣ—«омишь қозма султонъ дзечъ асаба». При моленіи въ лудѣ дѣлается оговорка богу луда (керемети): «прости насъ (султонъ дзечъ асаба), можетъ быть позволительная и непозволительная трава попадется косить. Уже благослови насъ косить самъ, не смѣемъ безъ твоего благословенія приступить. Богу «му қылчинь» полагается молиться на колѣняхъ и безъ шапки, а богу «Инмарлы» стоя съ шапкой. При моленіи въ родовомъ шалашѣ торе ¹⁾ не молится, а сидитъ въ переднемъ углу съ женой и въ шапкѣ, онъ не встаетъ и шапку не снимаетъ во время молитвы. (см. моленіе въ родовомъ шалашѣ)

Молитва умершимъ.

Чеке пересѣсь, тѣиледызъ буре ваискомъ та праздникъ понна, сурлесь виналесь энъ вожьяске, сіемды јуэмды потыса энъ улэлэ, шыдэзъ нянезъ удалтытэ, нянезъ турымесъ кудресь энъ карелэ, энъ тугалэ, пудоезъ животезъ нюке гопэ энъ донгелэ, събсьлы каплы эн сѣтэ, пересезъ но пиналэзъ но огдэсь огды обидъ энъ каре, огазынь сіе јуэ, энъ чьертэ энъ мыктэ, со дуннеяды дзечъ улэ.

Русскій переводъ молитвы.

Вотъ, старики, васъ поминаемъ ради сего праздника, не жадите и не алкайте пива, или вина и пищи, нищу нашу уродите, хлѣбовъ не дѣ-

¹⁾ Торе въ частномъ шалашѣ бываетъ самъ хозяинъ, жена угощаетъ его тогда.

лейте сорными, не путайте, животныхъ или скотину въ ямы и овраги не толкайте, хищнымъ звѣрямъ не давайте и старыя и малыя другъ друга не обижайте, ѣшьте и пейте всѣ вмѣстѣ, не наводите въ болѣзнь, на томъ свѣтѣ живите въ мирѣ

Поминки повотски называются кисьтонъ. Кисьтонъ (моленіе въ память умершихъ, или поминовеніе усопшихъ) бываетъ два раза въ годъ, осенью и весною, кромѣ того представляется много случаевъ поминовенія умершихъ: при потерѣ чего либо или кого либо изъ животныхъ и птицъ и при всякихъ болѣзняхъ, какъ то: нарывахъ и чирьяхъ, исключая болѣе серьезныхъ болѣзней. Болѣзни, наводимыя умершими, какъ уже говорено было на свосмъ мѣстѣ, называется «кулэмъ муртъ мыжъ». Мыжей, впрочемъ, много; ксчъ мыжъ, кулэмъ муртъ мыжъ, куажы мыжъ, дукъя мыжъ и пр. Слово мыжъ или кыль означаетъ болѣзнь. Ксчъ мыжъ-заячья или козья болѣзнь, кулэмъ муртъ мыжъ—болѣзнь умершихъ, куажы мыжъ—коростельная болѣзнь, дукъя мыжъ—болѣзнь глухаря и т. д. Для опредѣленія этихъ болѣзней ходятъ къ шаману, или ворожцу (усто-туно).

При поминкахъ умершихъ и встрѣчаютъ, т. е. принимаютъ въ домъ, потомъ кормятъ, угощаютъ, чтобы они не сердились, но были милостивы и не вредили имъ никакъ. Хлѣбъ въ полѣ чтобы не пугали, болѣзней не напускали, скотину и птицъ охраняли.

Священная пѣсня въ родовомъ шалашѣ.

Будзымъ инэ вуэ тонэ буре ваискомъ, куриськиськомъ, восяськиськомъ, юбыртгиськомъ тонъ нонна, вождэ энъ вай.

Переводъ

Великая небесная роса, тебя поминаемъ, умоляемъ тебя, молимся тебѣ и покланяемся ради тебя, не прогнѣвайся.

Примѣчаніе. Подъ именемъ небесной росы, или по вотски будзымъ инъ-ву, можно разумѣть особенную благодатную силу небесную. Когда шаманъ исполняетъ обрядъ опредѣленія или выбора на должности Лудъ-утися или будзымъ куа утиса, т. е. жрецовъ въ керемети или въ родовомъ шалашѣ, полагается игра на гусяхъ для танца шаману, и мотивъ той игры на гусяхъ называется Инъ-ву утчянь гуръ, т. е. напѣвъ или мотивъ исканія небесной росы или дара пророчества. А въ родовомъ шалашѣ божество называется небесная роса (будзымъ инъ-ву), и напѣвъ пѣсни, которая поется въ родовомъ шалашѣ, называется напѣвъ небесной росы (будзымъ инъ ву гуръ). Божество будзымъ инъ ву (небесная роса) дастъ всему роду счастье и благосостояніе. Пѣніе этой пѣсни совершается по окончаніи моленія и

поется всѣми, только начало полагасть первенствующій. Потомъ говорятъ: иназь медь мынозь, это значитъ пусть дойдетъ до мѣста. При моленіи въ молитвѣ, между прочимъ, говорится: налетлы энъ кары,—это значитъ: не предавай (нашъ родъ) эпидеміи. При моленіи соблюдается крайнее благоговѣніе. При этомъ единство духа и любовь другъ къ другу выражается въ полной силѣ.

22. Взглядъ закоренѣлыхъ въ язычествѣ вотяковъ на христіанство.

Крестьянинъ с. Буранора Моисей Степановъ, защищая язычество, такъ говорилъ мн⁺: вѣдь наше моленіе Богъ принимаетъ. Посмотри, какъ только вотяки замолятъ въ полѣ, такъ и дожди бьвають; это извѣстно всѣмъ. Даже нѣкоторые русскіе ждуть и не дождутся нашего моленія, чтобы скорѣе пошелъ дождь. А что съ хлѣбомъ у насъ молятся, вѣдь и у васъ въ церкви при Богослуженіи употребляются просфоры, въ томъ разница, что мы молимъ черный хлѣбъ, вѣдь это все равно. У васъ кажденіе, а у насъ вмѣсто того куреніе, часть жертвенника животного сжигается, и дымъ съ поля или изъ лѣса прямо поднимается къ Богу. А что, если вы говорите, что у насъ много боговъ, то и у васъ много святыхъ, а въ сущности и у насъ одинъ главный Богъ. Нашихъ жрецовъ тоже Богъ ставитъ чрезъ шамановъ, которыхъ учатъ сами ангелы Божіе.—При такихъ представленіяхъ вотяка заставить его отстать отъ язычества, очень трудно. Замѣчено мною, что вотяку, оставшему отъ язычества, жутко приходится со стороны своихъ единоплеменниковъ: при каждой житейской невзгодѣ, или семейномъ неудовольствіи, или несчастномъ случаѣ, ему прямо съ какимъ то злорадствомъ указываютъ на нихъ, какъ на послѣдствія его отпаденія отъ язычества. На него и глядятъ, какъ на отщепенца, и не сообщаются съ нимъ. Вотяки гнушаются такими людьми. У одного вотяка въ моемъ приходѣ предъ самой пашней въ тотъ самый годъ, въ который онъ бросилъ язычество, подражая своимъ братьямъ, пропала лошадь и еще случились кое какія неспріятности, какъ то: болѣзни, падежъ скота и проч. Понятно, что говорили вотяки. Хорошо какъ есть кому поддерживать его, но если нѣтъ, то ему одному не устоять, особенно, если онъ не обладастъ силою воли. Вотяки въ подобныхъ случаяхъ вотъ что говорятъ: сколько ни предпринимай мѣръ, русскимъ не быть, а все будешь вотякомъ. А некрещенные вотяки говорятъ: креститься да не исполнять гораздо хуже, чѣмъ не креститься, да исполнять. Крещенный да добра не дѣлаеть, а не крещенный да добра много дѣлаеть. Вѣдь Богъ видитъ, кто что дѣлаеть.

Относительно дождя, дѣйствительно, мнѣ доводилось слышать отъ нѣкоторыхъ русскіхъ бабъ, довольно развитыхъ въ нравственномъ отношеніи, даже между старинными просфорницами, такого рода фразы: Хоть-

бы вотяки то скорѣе молились, можетъ быть Богъ послалъ бы дождя. Нужно замѣтить и то, что наполные молебны по христіанскому обряду уже были совершены тогда, когда это говорилось. То, что послѣ моленія вотяковъ бываютъ дожди, это часто бываетъ правдоподобно, потому что жрецы зимою еще замѣчаютъ за погодой такъ, что они приблизительно и зимою могутъ сказать про лѣто, какое оно будетъ. Они хорошо умѣютъ сопоставлять зимніе мѣсяца съ лѣтними, поэтому время сѣнокоса вотякъ опредѣляетъ еще зимой, и большею частью удачно. Это дѣлается такъ: Если въ началѣ ноября снѣгъ, то въ началѣ мая дождь, или во второй половинѣ декабря снѣгъ, то во второй половинѣ іюня дождь, значить косить надо въ началѣ іюля. Ноябрью соотвѣтствуетъ май, декабрю іюнь, январю июль.

А что касается до трудности обращенія вотяковъ въ православіе, или рѣшимости, отстать отъ язычества особенно въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ русниизмъ не имѣютъ никакого вліянія на нихъ, то это еще объясняется слѣдующимъ образомъ. Предположимъ, что бросаетъ язычество «будзумъ куа утись», т. е. жрецъ родового шалаша, то онъ чтобы не опасаться, изгнанія правды ради, долженъ объявить своему бѣяку о своемъ наиѣреніи заблаговременно, а бѣяку обществу родовому представляется необходимымъ командировать избранныхъ лицъ за шаманомъ и привезти его для избранія новаго жреца или вотскаго попа, какъ выражаются вотяки, устроить по этому случаю празднество всѣмъ обществомъ, а жрецъ отставшій при этомъ не долженъ уже принимать участіе въ томъ, тогда то и посыплются на него проклятія со стороны бѣяка и уронить онъ этимъ себя сразу предъ глазами общества. Вотъ причина трудности отставанія отъ язычества.

23. Изъ народно-бытового вотскаго мѣсяцеслова.

Январь,—просионецъ—толшоръ (середина зимы).

1. Новый годъ—вилъаръ.

6 Крещеніе—јовылэ султонъ (вставаніе на лёдъ) или јо вылэ потонъ, выходженіе на лёдъ (Моленіе въ посемейномъ шалашѣ).

Въ этомъ мѣсяцѣ не полагается молотить, потому что не будетъ спорины хлѣбу, цѣлый годъ будешь нуждаться въ хлѣбѣ. Мужчины плетутъ лапти, а женщины прядутъ.

Февраль, сѣченъ—куақа толэзь. (вороній мѣсяцъ).

Въ этомъ мѣсяцѣ идетъ снѣгъ, такъ называемая крупа, похожая на градъ (по вотски—куақа кенъыръ, воронья крупа).

2. Срѣтеніе Господне—гондыръ султонъ нуналъ (вставаніе медвѣдя изъ берлоги).

Масляница—вѣй дыръ, масляное время. Масляница у русскихъ начинается съ понедѣльника, а у вотяковъ съ четверга, и называется вѣй келъянъ,—проводы масляницы.

Мартъ сухой, — ожъ то лэзь. (появленіе лужка)

17. Алексіевъ день (также зовется и по вотски). Сборное воскресенье — кирень арня, кирень базаръ арня (хрѣнное воскресенье, воскресенье хрѣннаго базара).

25, Благовѣщеніе, — дѣды куштонъ, — бросаніе саней.

Великій четвертокъ — кулэмъ потонъ уй (вставаніе мертвецовъ). Очерчиваютъ кругомъ дома и строенія литовкой, чтобы не ходили мертвецы и не вредили имъ, потому что въ эту ночь вѣдьмы и колдуньи выходятъ колдовать. Ньбрь васьтыръ — овечекъ бьютъ вербой, чтобы плодливъ были.

Вербное воскресенье — пучы арня (тоже). Возятъ снѣгъ въ погребъ, а съ крышъ бросаютъ.

Апрѣль — березоль, — кызь моча, кызель, кызь пу — береза. Въ семь мѣсяцъ берутъ березовицу, сурсы — ву, а къ концу мѣсяца начинается ростъ сѣвериха, кызолгы — по Казански, а по Вятски — кызоузы.

23. Георгіевъ день, также и по вотски; другое названіе — поськы васьконъ, т. е. сошествіе стрижей (родъ ласточекъ).

Пасха — акашқа, будзым нунал.

Куала пыронъ, — входъ въ шалашъ (для моленія).

Радоница, поминовеніе усопшихъ. И вотяки около этого же времени поминаютъ усопшихъ въ видѣ провожанія Пасхи.

Послѣ Пасхи мужчины ходятъ рубить дрова для осени, а женщины начинаютъ ткать. Холостые парни и дѣвки выходятъ спать въ шалашъ и въ клѣтъ.

Май травень, турымъ потонъ, растеніе травы. Турымъ — трава, гуждоръ — лужокъ, ожо — дернъ.

9. Николитъ день весенній. (Тулысь Миқола нуналъ).

Тулысь гыронъ, — весенняя пашня; гырыны потонъ, выхолъ для пашни.

Троица также, или еще — музъемъ кылдонъ нуналъ, день созданія земли (моленіе въ шалашѣ). Въ Троицу не дозволяется копать землю.

Въ маѣ мужчины снимаютъ лубья для мочаль съ липы и лыко. Пашутъ, а женщины колотятъ, бѣлятъ вытканное, потомъ шьютъ рубахи и вышиваютъ,

Іюнь, — изокъ, лек или вожо то лэзь (управленіе бога, дающаго цвѣтъ и урожай ржи, хлѣба), т. е. солнца.

29. Петровъ день (также) Геры беръ — посемейный праздникъ, ради окончанія пашни

Вѣсяськонъ — моленіе на ржаномъ полѣ.

Лудэ пыронъ — моленіе въ керемети, чтобы не осужденно косить траву (см. молитву и моленіе въ керемети).

До моленія въ лудѣ (керемети) не позволяется косить. Мужчины возятъ наземъ на паровое поле, а женщины продолжаютъ начатое въ маѣ.

Въ этомъ мѣсяцѣ слѣдуетъ быть осторожнымъ, чтобы не прогнѣвить бога (См. Вожо).

Вожо еще значитъ метеоръ, комета, летающіе огненные змѣй, вѣдма, злой духъ, а еще есть ин—вожо—растеніе, къ которому опасно и прикоснуться до 20 іюля). Онъ же служить символомъ красоты.

Въ Петровскій постъ, послѣ пашни, у вотяковъ бывають скачки и борьба; побѣдителямъ даются платки.

Іюль—червень, турнанъ (кошеніе).

20. Ильинъ день—виль (новъ, новый хлѣбъ).

Араны потонъ, начало жатвы.—Мужчины и женщины косятъ, гребуть сѣно, потомъ начинаютъ жать, а мужчины пахать пары.

Августъ, зарень, заревъ, дзегкъзѣн, сѣвъ ржи.

Первый Спасъ, Средній Спасъ и Послѣдній Спасъ—Нырись Спасъ, Шоръ Спасъ, Беръ Спасъ.

18. Флоровъ день (также)

Дзегъ кизень—сѣвъ ржи.

Въ семь мѣсяцѣ пашуть, молотять рожь и сѣютъ, жнутъ овесъ и возять рожь на гумно.

Сентябрь, рюинъ, ірюнь,—ју пыртонъ (свозка хлѣба —овса.)

14. Воздвиженіе—гондырь изѣнъ (спячка мелвѣдя).

Іу пыртонъ—свозка хлѣбовъ.

(Моленіе посемейное на гумнѣ).

Пышанъ—рваніе конопля.

Сярчіянь—рвать, или рѣзать рѣпу.

Кѣжиянь—крюченіе, сниманіе гороха.

Бунъ джутонъ—выниманіе мочальника изъ воды ¹⁾.

Вѣсяськонъ—моленіе на озими.

Гозы пунонь—витье веревокъ.

Октябрь, листопадъ,—виль джукъ (новая каша).

1. Покровъ—пукроу.

Пышь чѣлтонъ—моchenіе конопля.

Пышь джутонъ—выниманіе конопля изъ воды.

Сѣстьськонъ—мятье конопля или льна.

Согъськонъ—чесаніе льна или конопля.

Въ октябрѣ убирають овощи съ огородовъ, молотять и мелють хлѣбъ на мельницѣ и грудятъ дрова.

¹⁾ По настоящему доставаніе мочальника полагается по мнѣнію вотяковъ до Флора, 18 августа.

Ноябрь, грудень—жокынтоңъ (застываніе воды въ ледѣ).

1. Косьма—Даміанъ (также).
8. Михайловъ день (также).
14. Филипповъ день (никакъ).
21. Введеніе во храмъ. (никакъ).

Въ этомъ мѣсяцѣ начинаютъ возить дрова и наземъ на яровое поле помощю. А на посидѣнкахъ загадываютъ загадки и продолжаютъ до солноворота, до 12 декабря. Впрочемъ это не вездѣ соблюдается. А съ солноворота временемъ начинаетъ править вожо, поэтому это время называется вожо дмръ.

Декабрь, студень—толмонъ, толдзѣнъ (установка зимы).

6. Николинъ день (Микола нуналъ).
25. Рождество—ымусьтоңъ, розговѣніе.

На посидѣнкахъ прядутъ или вяжутъ, а мужчины плетутъ лапти. Усиливаютъ уходъ за скотиной.

Названіе мѣсяцевъ у вотяковъ не одинаково, напр.: январь можно назвать виль ар толэзы, т. е. мѣсяцъ новаго года; февраль вѣй толэзы, или гондыръ султоңъ толэзы,—масляничный мѣсяцъ, или мѣсяцъ вставанія медвѣдя; мартъ—кирень базаръ толэзы, мѣсяцъ хрѣннаго базара, или дѣды куштоңъ толэзы, т. е. мѣсяцъ бросанія саней, и т. д. Названіе мѣсяцевъ показано согласно зырянскому Пасѣ Святцы (см. Зырянскій край Г. С. Лыткина, стр. 21).

